

SOCIOLOGY OF POWER

[Sociologiâ vlasti]

Vol. 31. № 1 (2019)

SOCIOLOGY OF AGE

PUBLISHER: THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY

AND PUBLIC ADMINISTRATION

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

Социология ВЛАСТИ

Издается с 1989 года
Выходит четыре раза в год

Том 31 № 1 2019

Редколлегия журнала:

К.соц.н. Вахштайн В. С. (*главный редактор*), к.соц.н. Смолькин А. А. (*зам. главного редактора*), к.соц.н. Эпштейн В. А. (*зам. главного редактора*), Напреенко И. В. (*редактор*), Степанцов П. М. (*научный редактор*), Кловайт Н. (*редактор англоязычных материалов*)

Научный совет:

Анкерсмит Ф. Р. (Нидерланды)
Мау В. А. (РАНХиГС, Москва)
Михель Д. В. (СГТУ, Саратов)
Сафронов П. А. (НИУ ВШЭ, Москва)
Соколов М. М. (Европейский Университет, СПб)
Сперо Э. (Массачусетский технологический институт, США)
Столярова О. Е. (РАНХиГС, Москва)
Титков А. С. (РАНХиГС, Москва)
Утехин И. В. (Европейский Университет, СПб)
Филиппов А. Ф. (НИУ ВШЭ, Москва)
Фруммин И. Д. (НИУ ВШЭ, Москва)
Хиггс П. (Университетский Колледж Лондона, Великобритания)
Чалаков И. (Университет Пловдива, Болгария)
Шанин Т. (МВШСЭН, Москва)

Дизайн Трушина Е. В.
Корректурa Архипова Н. Л.
Верстка Меерсон А. В.

Адрес редакции:

119545, г. Москва, пр. Вернадского, 84, корпус 9, комн. 2503
<http://socofofpower.ranepa.ru>
soc.of.power@gmail.com

Отпечатано в типографии ИД «Дело»

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ФС 77 — 47715 от 23.09.2011

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий
ВАК России

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования
и экспертного отбора

ISSN 2074-0492

Социология
ВЛАСТИ
Том 31
№ 1 (2019)

ABOUT THE JOURNAL

Sociology of Power [Sociologiâ vlasti]

Vol. 31. #1, 2019

Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration

Published since 1989

Quarterly edition

Editorial board:

Vakhshayn V. S. (editor-in-chief), Smol'kin A. A. (deputy editor-in-chief), Epshtein V. A. (deputy editor-in-chief), Napreenko I. V. (editor), Stepantsov P. M. (scientific editor), Klowait N. (editor of the english content)

Academic board:

Ankersmit F. R. (Netherlands)
Higgs P. (University College London, UK)
Filippov A. F. (NRU — HSE, Moscow, Russia)
Frumin I. D. (NRU — HSE, Moscow, Russia)
Mau V. A. (RANEPa, Moscow, Russia)
Mikhel D. V. (SSTU, Saratov, Russia)
Safronov P. A. (NRU — HSE, Moscow, Russia)
Shanin T. (MSSES, Moscow, Russia)
Sokolov M. M. (EU, St. Petersburg, Russia)
Spero E. (MIT, USA)
Stolyarova O. E. (RANEPa, Moscow, Russia)
Tchalakov I. (University of Plovdiv, Bulgaria)
Titkov A. S. (RANEPa, Moscow, Russia)
Utekhin I. V. (EU, St. Petersburg, Russia)

Design Trushina E. V.

Proofreading Arkhipova N. L.

Layout Meyerson A. V.

Editorial address:

119 545, Moscow, pr. Vernadskogo, 84
building 9, office 2503

<http://socofpower.ranepa.ru>
soc.of.power@gmail.com

Printed at "Delo" printing house

Содержание

Слово редактора

-
- 8 АНТОН А. СМОЛЬКИН. Социология возраста и границы социального конструирования

Статьи. Теория

-
- 14 СВЕТЛАНА М. БАРДИНА. «Дети, идиоты и сумасшедшие»: Томас Гоббс и проблемы современной социологии детства

-
- 30 ИРИНА В. ДУДЕНКОВА. Что значит быть несовершеннолетним?

-
- 51 АЛЕКСАНДР В. ХРАМОВ. Усмирение дикаря: теистические эволюционисты XIX века о детях и воспитании

Статьи. Исследования

-
- 71 МИХАИЛ М. СОКОЛОВ. Поколения вместо классов? Возраст и потребительская революция в России

-
- 92 ИРИНА В. СТАРОДУБРОВСКАЯ. Межпоколенческие отношения и социальные трансформации на примере Северного Кавказа

-
- 114 АНДРЕЙ В. КОРОТАЕВ, КИРИЛЛ Е. НОВИКОВ, СЕРГЕЙ Г. ШУЛЬГИН. Ценности пожилых в стареющем мире

Переводы

-
- 143 CHERYL LAZ. Introduction to “Act Your Age”

-
- 146 ШЕРИЛ ЛАЗ. Веди себя по возрасту! (перевод с английского)

Рецензии

-
- 180 ВЛАДИМИР Л. БЛИЗНЕКОВ. Старость в трудовом обществе: труд на пенсии как социальная идентичность. *Рецензия на книгу: Arbeit im Alter. Zur Bedeutung bezahlter und unbezahlter Tätigkeiten in der Lebensphase Ruhestand* (2018) S. Scherger, C. Vogel (Hrsg), Wiesbaden: Springer VS

-
- 189 Алия Н. Низамова. Гомосексуальность, работа и старение: мужской вопрос. *Рецензия на книгу*: Robinson P. (2017) *Gay Men's Working Lives, Retirement and Old Age*, Basingstoke: Palgrave Macmillan
-
- 197 Ирина В. Троцук. Сколько географического воображения нужно социальной геронтологии (и зачем)? *Рецензия на книгу*: *Geographical Gerontology: Perspectives, Concepts, Approaches*. M.W. Skinner, G.J. Andrews, M.P. Cutchin (eds), London; New York: Routledge, 2018
-
- 212 Людмила В. Пашковская. Женщины vs дети: возможна ли коалиция? *Рецензия на книгу*: Rosen R., Twamley K. (2018) *Feminism and the Politics of Childhood: Friends or Foes?* London: UCL Press

Table of contents

Contributing Editor's Foreword

-
- 8 ANTON A. SMOL'KIN. Sociology of Age and the Boundaries of Social Construction

Articles. Theory

-
- 14 SVETLANA M. BARDINA. "Children, fools, and madmen": Thomas Hobbes and the Problems of the Sociology of Childhood
-
- 30 IRINA V. DUDENKOVA. What Does it Mean to Be a Minor?
-
- 51 ALEXANDER V. KHRAMOV. Taming the Savage: The 19th-Century Theistic Evolutionists on Children and Education

Articles. Investigations

-
- 71 MIKHAIL M. SOKOLOV. Generations Instead of Classes? Age and the Consumer Revolution in Russia
-
- 92 IRINA V. STARODUBROVSKAYA. Intergenerational Relations and Social Transformations: The Case of North Caucasus
-
- 114 ANDREY V. KOROTAYEV, KIRILL E. NOVIKOV, SERGEY G. SHULGIN. Values of the Elderly People in an Aging World

Translations

-
- 143 CHERYL LAZ. Introduction to "Act Your Age"
-
- 146 CHERYL LAZ. Act Your Age (Translated from English)

Book reviews

-
- 180 VLADIMIR L. BLIZNEKOV. Old Age in a Labor Society: Retirement as a Social Identity. *Book Review: Arbeit im Alter. Zur Bedeutung bezahlter und unbezahlter Tätigkeiten in der Lebensphase Ruhestand* (2018) S. Scherger, C. Vogel (Hrsg), Wiesbaden: Springer VS

-
- 189 ALIIA N. NIZAMOVA. Homosexuality, Work, and Ageing: The Male Question. *Book Review*: Robinson, Peter (2017) Gay Men's Working Lives, Retirement and Old Age. Palgrave Macmillan UK
-
- 197 IRINA V. TROTSUK. How much geographical imagination does social gerontology need (and why)? *Book Review*: Geographical Gerontology: Perspectives, Concepts, Approaches. M.W. Skinner, G.J. Andrews, M.P. Cutchin (eds), London; New York: Routledge, 2018
-
- 212 LIUDMILA V. PASHKOVSKAYA. Women vs Children: Is a Coalition Possible? *Book Review*: Rosen R., Twamley K. (2018) Feminism and the Politics of Childhood: Friends or Foes? London: UCL Press

Слово редактора

АНТОН А. СМОЛЬКИН

РАНХиГС, Москва, Россия

Социология возраста и границы социального конструирования

doi: 10.22394/2074-0492-2019-1-8-13

8

Во времена Дюркгейма главным политическим вопросом для существования социологии как дисциплины была проблема ее автономии — от конкурирующих биологических, психологических и тому подобных объяснений. (Забегая вперед, апофеоз «социологизма» — идея социального конструирования реальности — к концу XX столетия практически не оставит нам объектов, специфика которых хотя бы в какой-то степени не объяснялась как результат такого конструирования.) Со временем, однако, политическая повестка изменилась — развернулась борьба уже не за автономию дисциплины, а за максимальную автономию субъектов (и даже шире: сегодня передний край исследований — животные, их права и этика обращения с ними, о чем будет один из наших ближайших номеров), невмешательство в Другого, в частности, через борьбу с дискриминацией и торжество политкорректности. Биологическое оказывается снова изгнанным по политическим, но на этот раз уже совсем другим, причинам.

Характеристики, которые ранее считались биологическими, такие как пол, раса и возраст, начинают пониматься как социальные конструкты, а само социальное конструирование превратилось из специализированного инструмента социологии знания в универсальный способ объяснения неравенства, всегда имеющего внешнее и, по умолчанию, насильственное происхождение. Безусловно благородные цели публичной социологии не всегда способствуют

Смолькин Антон Александрович — кандидат социологических наук, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин ИОН РАНХиГС, научный сотрудник МВШСЭН. Научные интересы: социология старения, микросоциология. E-mail: anton.smolkin@gmail.com

Anton A. Smol'kin — chair of department of humanity, faculty of Liberal Arts, RANEPA. Research interests: sociology of old age, microsociology. E-mail: anton.smolkin@gmail.com

изучению спорных тем или развитию всесторонних дискуссий (и это повод задаться вопросом, насколько совместима политкорректность со строгостью, предъявляемой к научным исследованиям? По всей видимости, ученый и активист по-разному будут отвечать на вопрос, что здесь первично). Биологические аспекты проблем по умолчанию остаются вынесенными за скобки рассуждений, поскольку предполагаемая *биологическим* известная предопределенность плохо соотносится с идеалами автономии, а потому *политически* нежелательна, если не сказать опасна¹.

Почему проблема биологического, по всей видимости, не обладающая значимостью в исследованиях гендера и расы (не являясь экспертом в области физиологии, не могу взять на себя ответственность за более категоричное высказывание), должна быть принята во внимание в исследованиях возраста? Ограничения социального конструирования особенно заметны на примере детей и пожилых людей, где за предписанными ролями, правами и проблемами недвусмысленно проступает физиологическая реальность. Возраст заметно более нагружен правовыми последствиями/ограничениями, чем гендер/пол и тем более раса, именно вследствие неавтономности раннего детства и поздней старости. В силу специфики своих исследовательских интересов я буду делать акцент на проблемах исследований старения, имеющих, впрочем, немало общего с исследованиями возраста вообще.

Возраст человека — нелинейная, недискретная (в сравнении с гендером или расой) и индивидуально вариативная характеристика (очевидно, что между ребенком 3 и 5 лет разница гораздо больше, чем между человеком в 30 и 32 года). При этом во многих случаях возрастные различия сегодня все реже вообще что-то предполагают и хорошо фиксируются только в иерархически устроенных сообществах: ученик 9-го класса знает меньше, чем ученик 11-го, но разница между знаниями 30- и 35-летнего слишком индивидуальна, чтобы не сказать условна. Культурное разнообразие существенно ограничило привычную логику возрастной стратификации: чем больше его в жизни, тем меньше сравнимой/иерархически устроенной разницы в опыте, приобретаемом с возрастом. Возрастная периодизация работает примерно в той же логике, что и разделение по часовым поясам, и если для детства она еще оказывается эффективной, то в случае старости теряет свой предсказательный

1 В этой логике было бы интересно взглянуть на кейс признания гомосексуальности врожденной ориентацией — одно из немногих исключений, смысл признания которого можно увидеть как раз в увеличении автономности выбора субъектов.

потенциал. Яркий пример здесь — отсутствие понятия физиологической нормы для поздних возрастов, поскольку объема наших знаний недостаточно, чтобы сказать, является ли данное состояние патологией или характерной для этого возраста нормой¹ [Хрисанфова 1999: 53]. Иными словами, хронологический возраст в старости окончательно перестает что-либо объяснять (более полное перечисление недостатков периодизации см., например, в [Katz, Marshall 2004: 62]). Социальных геронтологов, регулярно упрекающих врачей в *медикализации* старения, но пользующихся классификациями полувековой давности, впору самих обвинить в его *демографизации*. Возможно, хронологический возраст сегодня с некоторыми допущениями можно сравнить с полом, который еще не превратился в гендер, однако возможные политики идентичности (при всей невятности и политизированности самого термина «идентичность» [Brubaker, Cooper 2000]) едва ли смогут в случае возраста эффективно воспроизвести модели, по которым построены гендер или раса.

10

От возраста в теоретизировании не получается избавиться, но и от попыток дать определение, не связанное с *биологическим*, он регулярно ускользает. Так, наиболее радикальная социально-конструктивистская концепция «безвозрастности» (agelessness), во многом повторявшая аргументацию colorblind в расовых исследованиях (ср., например, с [Ryan et al. 2007]), была безжалостно раскритикована с социологических же позиций [Andrews 1999]. И наоборот, идеи «активного старения», направленные на разрушение стереотипов, не столько вносят вклад в осмысление позднего возраста, сколько заставляют задуматься, корректно ли вообще называть такое состояние старостью, и не нуждаемся ли мы в таком случае в радикальном переопределении возрастных границ? На значительный общественно-политический уклон в геронтологии указывают и ведущие специалисты в этой области (см., например, текст с саморазоблачительным названием «Социальная геронтология как публичная социология в действии» [Putney et al. 2005]). Классическая социологическая теория была нечувствительна к вопросам возраста, практически игнорируя возрастные различия. Субъект в социальной теории — нечто обобщенное, типичное и условно приравненное к другому субъекту (разницей можно пренебречь, когда теоретизируется (со)общество в целом). Все акторы равно «акторны», однако под ними подразумеваются взрослые люди, и веберовское

1 Один из специалистов по disability studies предлагает называть «обычных» людей «временно здоровыми» (temporarily able-bodied) [Gerschick 2000: 1264] — формулировка, идеально подходящая для описания геронтологической проблематики.

понимание социального действия явно не предназначено для анализа детского поведения и т. п.

Такая ситуация отражает нашу теоретическую растерянность, причем упреки в теоретической слабости относятся не только к отечественным, но и к западным исследованиям — концептуальная работа и здесь в лучшем случае недостаточна, отставая от ведущих областей социологии¹. Анализ В. Бенгтсоном [Bengtson 2006: 7] 5-летнего среза статей по социальной геронтологии показал, что в большинстве (72%) публикаций в восьми журналах не сделано ни одной отсылки или упоминания какой-либо теоретической традиции.

В геронтологии отсутствие перспективной теоретической рамки заменила актуальность — и в качестве повода для междисциплинарной реакции на проблему глобального постарения населения, и как научное сопровождение для борьбы с очередным «-измом». В заметно более выгодной ситуации находятся теоретические перспективы исследований детства, чья тема в меньшей степени нуждается в политкорректности и вмешательстве публичной социологии. Именно поэтому весьма характерно, что теоретические статьи этого номера посвящены детству, в то время как эмпирическую часть составили тексты о позднем возрасте.

11

Открывает номер статья Светланы Бардиной, предлагающей критику позиций «новой социологии детства», привлекая политическую теорию Гоббса. В центре внимания философского исследования Ирины Дуденковой — определение границы совершеннолетия. Ключевыми ресурсами для этой демаркации становятся понятия дееспособности (анализируемое с помощью Аристотеля и Канта) и порядок признания, позволяющий сгладить парадокс, возникающий вследствие наделения ребенка автономией. Завершает раздел текст Александра Храмова, где детально анализируются представления эволюционистов XIX века о воспитании детей и самой природе детства.

Открывающая раздел эмпирических исследований статья Михаила Соколова посвящена специфическому российскому парадоксу поколения-как-класса, требующему развернутой дискуссии — анализ стилей культурного потребления показывает, что именно возраст, а не уровень дохода и образование определяет формы досуговой активности, и возрастные группы таким образом приобретают квазиклассовые черты. В исследовании Ирины Стародубровской анализируется специфика межпоколенческих конфликтов на Северном Кавказе, драйвером которых становятся радикальные идеологии, разрушающие традиционный авторитет старших. В статье

1 Критическую оценку теоретических достижений социальной геронтологии см., например, в [Hagestad 1999].

Андрея Коротаева, Кирилла Новикова и Сергея Шульгина приводит-ся эмпирическое опровержение гипотезы, что возраст не оказывает существенного влияния на формирование системы ценностей человека. На материалах World Values Survey ими выявлен общемировой тренд, согласно которому с возрастом люди становятся более консервативными и ориентированными скорее на ценности солидарности, чем самоутверждения.

Рубрика переводов представлена классической статьей Шерил Лаз о возрасте как результате социального конструирования. Текст предваряется введением с кратким обзором рецепции этих идей в современной культуральной (cultural) геронтологии (наследницей критической геронтологии), любезно написанным для нашего журнала самим автором.

Раздел рецензий открывает обзор Владимира Близнекова, посвященный критическому разбору концепта трудового общества, адаптированного группой немецких авторов коллективной монографии к проблемам стареющего мира. В развитие темы Алия Низамова рецензирует книгу, посвященную изучению сексуальной идентичности и связанных с ней проблем, с которыми сталкиваются гомосексуальные мужчины в старших возрастах — от каминг-аута на рабочем месте до взаимодействия в пансионатах для престарелых.

В фокусе внимания Ирины Троцук — монография по географической геронтологии, нового междисциплинарного направления, стремящегося выйти за пределы демографических и миграционных исследований. Закрывает номер рецензия Людмилы Пашковской на коллективную монографию, посвященную поиску возможных вариантов коллабораций феминизма и исследований детства.

Библиография / References

Хрисанфова Е.Н. (1999) *Основы геронтологии (антропологические аспекты)*, М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС.

— Khrisanfova E.N. (1999) *Fundamentals of gerontology (anthropological aspects)*. М.: VLADOS. — in Russ.

Andrews M. (1999) The seductiveness of agelessness. *Ageing and Society*, 19: 301-318.

Bengtson V. (2006) Theorizing and Social Gerontology. *International Journal of Ageing and Later Life*, 1 (1): 5-9.

Brubaker R., Cooper F. (2000) Beyond "identity". *Theory and Society*, 29: 1-47.

Foster G.S., Sherrard M., Cosbey J.R., Hummel R.L. (2001) Dying to Be Old: A Sociological Analysis of Old Age as Cause of Death. *Journal of Aging and Identity*, 6 (3): 165-179.

Gerschick T.J. (2000) Toward a Theory of Disability and Gender. *Signs*, 25 (4): 1263-1268.

Hagestad G.O. (1999) A Gray Zone? Meetings between Sociology and Gerontology. *Contemporary Sociology*, 28 (5): 514-517.

Jones R.L. (2006) 'Older people' talking as if they are not older people: positioning theory as an explanation. *Journal of Aging Studies*, 20 (1): 79-91.

Katz S., Marshall B.L. (2004) Is the functional "normal"? Aging, sexuality and the bio-marking of successful living. *History of the Human Sciences*, 17 (1): 53-75.

Putney N.M., Alley D.E., Bengtson V.L. (2005) Social gerontology as public sociology in action. *The American Sociologist*, 36 (3-4): 88-104.

Ryan C.S., Hunt J.S., Weible J.A., Peterson C.R., Casas J.F. (2007) Multicultural and Colorblind: Ideology, Stereotypes, and Ethnocentrism among Black and White Americans. *Group Processes Intergroup Relations*, 10 (4): 617-637.

Рекомендация для цитирования:

Смолькин А.А. (2019) Социология возраста и границы социального конструирования. *Социология власти*, 31 (1): 8-13.

For citations:

Smol'kin A.A. (2019) Sociology of Age and the Boundaries of Social Construction. *Sociology of Power*, 31 (1): 8-13.

13

Поступила в редакцию: 27.03.2019; принята в печать: 28.03.2019

Received: 27.03.2019; Accepted for publication: 28.03.2019

Статьи. Теория

СВЕТЛАНА М. БАРДИНА

Московская высшая школа социальных и экономических наук, Россия

«Дети, идиоты и сумасшедшие»: Томас Гоббс и проблемы современной социологии детства

doi: 10.22394/2074-0492-2019-1-14-29

Резюме:

В статье рассматривается одна из ключевых теоретических проблем «новой социологии детства». Авторы, принадлежащие этому направлению, обращают внимание, что поле исследований детства определяется дуализмом природного и социального: детство рассматривается либо как естественный феномен, либо с позиций социального конструктивизма. Причину этой ситуации связывают с тем, что «детство» как предмет исследования возникло в результате нововременного проекта по поддержанию независимого существования зон социального и природного. Одной из задач современной социологии детства видится преодоление дихотомий Нового времени с помощью радикальной смены концептуального аппарата. В статье подробно анализируется один из нововременных проектов — политическая теория Томаса Гоббса — и роль детства в контексте возникновения бинарных оппозиций. Показано, что ребенок — противоречивая фигура, которая характеризуется, с одной стороны, исключенностью из общества вследствие неразумия наряду с сумасшедшими, с другой стороны — конститутивной ролью в поддержании общественного порядка. Рассматриваются три аспекта осмысления детства: принадлежность выделенной области «домашнего правления», ключевая роль в трансформации природного в социальное, а также специфическая функция «изнанки политического». Внимание к этим аспектам позволяет иначе взглянуть на специфику нововременной концептуализации детства: детство не было привязано к природе в противовес цивилизации, культуры и рациональности, как это утверждает Алан Праут и другие современные теоретики. Напротив, детство принадлежало смешанной области, которая играла основополагающую роль для определения политического пространства и его границ. В связи с этим ставится под сомнение проект возможной смены теоретического языка социологии детства.

Бардина Светлана Михайловна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Международного центра современной социологической теории МВШСЭН, старший научный сотрудник Центра социологических исследований РАНХиГС. Научные интересы: социология психиатрии, философия психиатрии, философия обыденного языка. E-mail: neology@bk.ru

Ключевые слова: Гоббс, детство, дуализм, новая социология детства, Новое время, неразумие

Svetlana M. Bardina

MSES, Moscow, Russia

“Children, fools, and madmen”: Thomas Hobbes and the Problems of the Sociology of Childhood

Abstract:

The article deals with one of the key issues in the new social study of childhood. Scholars pay attention to the fact that biosocial dualism remains a leading principle in childhood studies, and childhood is examined through the lens of either culture or nature. As stated by many authors, biosocial dualism in childhood studies originated from the Modern Age, when nature and society were distinguished as two separate zones. Overcoming the dualities of Modernity is seen as one of the main tasks for contemporary childhood studies. In this paper, the author analyzes Thomas Hobbes' conception of childhood. It is shown that the role of the child in modern thought was ambiguous. On the one hand, children — along with fools and madmen — are placed outside civil society, since all of them lack reason. On the other hand, children play a crucial role for maintaining social order. Three features of modern childhood are most important. First, children belong to a particular area of parental dominion which itself is neither natural nor civil. Second, they help transform the nature of power within this area. Third, childhood functions as a way of representing a political “outside zone”. This reconstruction demonstrates that modern childhood was not exceptionally natural and opposed to society, as Alan Prout and other theorists claim. On the contrary, childhood was crucial for the existence of the “mixed zone”. Moreover, it was highly significant for the defining boundaries of the political sphere.

15

Keywords: childhood, dualism, Hobbes, The Age of Modernity, new social study of childhood, unreason

«Новая социология детства» и Новое время

Четверть века назад была сформулирована исследовательская парадигма, получившая название «новой социологии детства» (new social study of childhood). Новая социология детства [James, Prout 1990; James, Jenks, Prout 1998; Jenks 2005b; Qvortrup 1993] возникла из амбиций «сделать шаг вперед по сравнению с традицией

Svetlana M. Bardina — PhD (Candidate of Science in Philosophy), senior research fellow of the International Center for Contemporary Social Theory, MSES, senior research fellow of the Center for Sociological Research, RANEP. Research interests: sociology of psychiatry, philosophy of psychiatry, ordinary language philosophy. E-mail: neology@bk.ru

исследования детей и детства через призму “взрослых” проблем» [Holmberg 2018: 160] и обратиться к реальности самих детей. Однако спустя 25 лет авторы юбилейного выпуска журнала *Childhood*, подводя промежуточные итоги этого проекта, пришли к выводу, что новая социология детства была изначально выстроена на противоречивых основаниях.

Крис Дженкс видит причины одержимости классических исследований детства «повесткой взрослых» в том, что понимание детства было поляризовано между психологией развития [Piaget 1932] и теорией социализации [Parsons 1956]: в одном случае в фокусе исследователей оказывались исключительно социальные, а в другом — исключительно биологические аспекты детства [Jenks 2005a: 4]. Эта оппозиция определяла поле возможных исследований детства, причем в обоих случаях ребенок понимался как абстрактный «будущий взрослый»: либо существо «биологически универсальное», либо «социально универсальное». В отличие от традиционных исследований новая социология детства была направлена не на «типичное детство» и не на универсальную фигуру «ребенка вообще» [Qvortrup 2005: 113], а на отдельные, частные смыслы детства и самих детей [Wyness 2012: 27]. Фокус переместился на то, как конструируется феномен детства в конкретных обстоятельствах с помощью «разнородных образов, репрезентаций и кодов» [Jenks 2005a: 2].

Но, по словам одного из основателей этого направления Алана Праута, новая социология детства, хотя и сделала шаг вперед по сравнению с предшествовавшими исследовательскими проектами, продолжала рассматривать детство через призму бинарной оппозиции социального и биологического. Долгое время — до XX века — детство оставалось за рамками интереса социальных наук. Оно было отдано на откуп биологическим и медицинским дисциплинам: эволюционной биологии, педиатрии, детской психологии [Prout 2008: 22]. Когда детство получило собственную тематизацию в социальной науке, маятник качнулся в противоположную сторону: «биологические проблемы детского развития уступили место социальным проблемам конституирования детства» [Kraftl 2013: 14]. И хотя новая социология детства отличалась, к примеру, от более ранней теории социализации Парсонса, по сути, она оставалась в той же системе координат. Отказ от универсализма, внимание к «частным смыслам детства» и к тому, как конструируются разные типы детства, привел к застреванию на позициях социального конструкционизма и просто переместил детство на другой полюс — в сторону социального [Holmberg 2018: 160]. Поэтому проект новой социологии детства, хотя и обратил внимание на «частные» смыслы детства, остался по своим

установкам редукционистским. Все, что находится за пределами оптики социального конструкционизма, оказывалось за рамками рассмотрения.

Одна из задач современной социологии детства видится в том, чтобы выявить причины биосоциального дуализма, определяющего исследовательскую оптику в этой сфере, и предложить пути его преодоления.

Текущую неудачу в преодолении дихотомии природного и социального исследователи связывают с тем, что новая социология детства изначально была построена как модернистский проект, центральная рамка которого — поиск и создание оппозиций. Праут [2011: 7] ссылается на аргумент Латура о произошедшем в Новое время, в эпоху Гоббса и Бойля, «Великом Разломе», разделившем «знание о вещах» и «знание о людях» и давшем начало существованию двух независимых областей реальности. Тогда же возник эпистемологический проект по поддержанию независимого существования двух зон; одним из его следствий стало утверждение «дуализма природа/общества» [Латур 2006: 108]. По мнению Тэйлор [Taylor 2013: 68], этот проект повлиял и на формирование биосоциального дуализма в представлениях о детстве.

17

Праут [2008, 2011; Тэйлор 2013] и другие теоретики в области исследований детства заключают, что именно нововременные оппозиции стали причиной ситуации, когда детство поделили между собой психология развития и теория социализации (а чуть позже — другие чисто социологические проекты, к которым относятся и современная социология детства). Само поле исследований детства оказалось расчерчено зигзагообразным движением мысли от полюса биологического к полюсу социального, и по сей день детство изучается «либо через призму природы, либо культуры» [Ryan 2011: 440]. Многие авторы [Holmberg 2018; Lee 2013; Lee, Motzkau 2011; Prout 2011; Ryan 2012; Taylor 2011, 2013] сходятся во мнении, что дуализм биологического и социального «остаётся основным “навигационным принципом” в поле исследований детей и детства» [Lee, Motzkau 2011: 8]. Это видится корнем многих проблем в силу ограниченности каждой из перспектив и невозможности исследовать детство как комплексный феномен.

Далее мы обратимся к эпохе «Великого Разлома» и реконструируем, какую роль играло детство в создании областей «знания о вещах» и «знания о людях» и в формировании дихотомии природного и социального. Мы продемонстрируем сомнительность тезиса, что двойственность современных представлений о детстве является следствием оппозиций Модерна, и покажем возможность иного взгляда на концептуализацию детства в Новое время и на ее связь с проблематикой современной социологии детства.

Томас Гоббс, биосоциальный дуализм и вопрос о природе человека

Томаса Гоббса считают одним из создателей дихотомий Нового времени, и его политическая теория часто рассматривается в этом ключе [Van Krieken 2002: 258]. Что интересно, в концепции Гоббса тот ход, который позже связали с разделением природного и социального и который стал определяющим для поля исследований детства вплоть до сегодняшнего дня, имеет отношение именно к фигуре ребенка. Хотя в отличие от других нововременных теоретиков общественного договора [Локк 1988; Руссо 1912] Гоббс не создал ни педагогического трактата, ни самостоятельной концепции детства, идеи о природе ребенка и о воспитании имели большое значение для его политической теории.

18

Значение политической теории Гоббса во многом определяется тем, что в ней предлагается принципиально новое понимание человеческой природы. Доминирующая в то время схоластическая модель основывалась на аристотелианских идеях; человек понимался как двойственное существо, обладающее высшей разумной и низшей чувственной природой. Согласно этой модели, две природы человека должны быть гармонично соединены, то есть высшая часть должна получить власть над низшей, что свойственно самой человеческой природе [Frede 2015: 27]. Благодаря этому человек может быть частью сообщества. Таким образом, человеческая природа рациональна, а общество «природно-разумно» [Hunter 2010]. Природно — поскольку основывается на качествах, которые принадлежат человеческой природе, разумно — поскольку эта природа разумна за счет верховенства разумной части души. Из этого вытекал постулат об изначальной предназначенности человека к общественной жизни, который стал отправной точкой для критики Гоббса: «Человек рождается [согласно прежним теориям государства] готовым к жизни в обществе: греки называли человека ζῷον πολιτικόν [политическим животным] и на этом выстраивали учение о гражданском обществе» [Hobbes 1983: 42].

Сам Гоббс полагал, что естественные способности человека не могут служить основанием для общества, как это представлялось схоластам. Не отрицая существования у людей естественной социальности, то есть способности взаимодействовать друг с другом, он не мог согласиться с тем, что она выступает основой для построения гармоничного общества. Напротив, она приводит к гражданским распрям. По Гоббсу, естественная природа человека «докультурная, досоциальная и дополитическая» [Nisbet 1974: 139]. Собрание (meeting) может существовать благодаря природной способности к взаимодействию, но общество отличается от простого собрания.

Подчеркивая это различие, Гоббс утверждает, что «все люди, поскольку они рождены детьми, рождены не готовыми к жизни в обществе (*unapt for society*). Многие также (возможно, большинство) в силу изъяна ума (*defect of minde*) или недостатка обучения остаются не готовыми к жизни в обществе в ходе всей их жизни. Однако они — и дети, и взрослые — имеют человеческую природу. Потому способность жить в обществе (*fit for society*) дается человеку не природой, но образованием» [Hobbes 1983: 44].

Соответственно между природой человека и обществом существует разрыв. В силу того что естественный разум не может служить основанием общества, оно возникает в силу иных механизмов. Прежде всего общество — это «результат верховной власти (*sovereignty*)» [Wickham 2014: 144]. При этом основным ресурсом превращения не готового к жизни в обществе человека в члена общества является образование, или дисциплина¹.

Этот переход объясняет, почему для Гоббса столь важна идея образования, а также ставит вопрос, каким статусом обладает ребенок, пока он «не готов к жизни в обществе».

«Малый Левиафан» для детей

19

Детство в модели Гоббса определяется через, казалось бы, исключаящие друг друга характеристики. С одной стороны, это исключенность из общества, с другой — включенность во властные отношения.

Прежде всего детство характеризует неразумие. Дети «не одарены способностью к рассуждению до тех пор, пока они не получили способности речи» [Гоббс 1991: 35]. Но и владение языком, необходимое для возникновения самой способности рассуждать, еще не является гарантией разумности. Дети «неразумны» в социальном смысле, они не способны осознать блага, связанные с общественной жизнью. Коль скоро одной из основных характеристик детства является неразумность, неудивительно, что Гоббс неоднократно [Hobbes 1983: 51; Гоббс 1991: 126, 209] относит детей к той же категории, что и сумасшедших или идиотов: все они в первую очередь «лишены разума» [Гоббс 1991: 126]. Их политический статус имеет фундаментальное сходство: дети — равно как и «идиоты» (*fools*) — не могут «войти в общество» [Hobbes 1983: 44] в качестве его полноправных членов, по-

1 В современных англоязычных изданиях [Hobbes 1998] используются выражения *education* или *training*. Бежан считает, что использованное в данном случае латинское слово *disciplina* ближе по значению к «дисциплине» (*discipline*) [Bejan 2010: 623].

сколько не осознают пользу общественной жизни. Соответственно в силу своего неразумия дети и другие неразумные явным образом и по определению находятся вне общества.

Однако это ни в коем случае не означает, что дети принадлежат естественному состоянию или что они «природные» существа, свободные от общественных отношений [Chapman 1975: 82]. Хотя дети не могут быть членами общества, они включены в его структуру в силу того, что родители обладают властью над детьми, причем в первую очередь эти отношения власти относятся к «гражданскому состоянию» [Гоббс 1991: 126]. Но ребенок, не являясь участником общественных отношений наряду с гражданами, занимает принципиально иную роль в структуре общества.

20 Чапман [1975: 77] предлагает такую модель для прояснения отношений, участниками которых являются дети: семья — это «Левиафан в миниатюре» (*Leviathan writ small*). Гоббс [1989: 370] мыслит семью в политических терминах и говорит, что «семью можно было бы назвать малым государством». Даже само определение семьи задается через понятие гражданской власти: «Отец семейства, дети и рабы его, объединенные силою отцовской власти в одно гражданское лицо, называются семьей» [Там же: 370]. Гоббс проводит прямую параллель между подчинением детей и подчинением граждан: «Дети подчиняются родителям точно так же, как <...> граждане — государству» [Там же: 365]. В то же время коль скоро граждане подчиняются суверену, дети не могут быть полностью независимы по отношению к государству — «большому» Левиафану. Эта дилемма решается следующим образом. Дети (а также слуги) подчиняются главе семьи в тех вопросах, которые не регулируются государством. В этих вопросах глава семьи, который сам при этом является подданным, осуществляет функции «правления», аналогичные функциям государства. «Отец или хозяин <...> обязывает своих детей и слуг лишь в рамках, допущенных законом, но не больше <...> Во всех остальных делах в течение того времени, пока они находятся под домашним правлением, они являются подданными своих отцов и хозяев как непосредственных суверенов» [Гоббс 1991: 183]. Соответственно существование семьи как «малого Левиафана» возможно за счет выделения особой области «домашнего правления».

Однако параллель между домашним и государственным правлениями, даже при понимании домашнего правления в качестве выделенной области, может быть проведена лишь до определенной степени. Граждане осознают пользу жизни в обществе и сознательно подчиняются суверену. Дети неразумны, и, хотя они включены во властные отношения, они не являются членами общества. Таким образом, область «домашнего правления» не может быть простой

уменьшенной копией области, в которой выстраиваются отношения государства и гражданина. И хотя властные отношения между детьми и родителями в чем-то сходны с отношениями суверена и подданных, они должны иметь иное основание. Модель «Левиафана в миниатюре» представляется недостаточной и нуждается в дополнительном уточнении. Прежде всего необходимо прояснить, в чем специфика этой области и что выступает основой отношения власти в случае детей. Это позволит также показать, в чем состоит особенность роли ребенка.

Трансформация природного в социальное

Вопрос о том, на чем основано господство над детьми, не имеет единого непротиворечивого ответа. Гоббс признает, что изначально ребенок оказывается в подчинении взрослого (родителя) в силу физического превосходства последнего. Однако физическое подчинение не может быть надежной основой отношений господства. Прежде всего необходимо принимать в расчет, что, когда ребенок вырастет и обретет силу, он может стать врагом своему родителю [Hobbes 1983: 122]. Поэтому для стабильного поддержания власти в семье возникает необходимость в «согласии» (consent) детей подчиняться родителям, которое может быть «ясно выраженным или тем или иным путем достаточно выявленным» [Гоббс 1991: 156]. Возможность такого согласия представляется проблематичной в силу того, что ребенок не может выражать согласие тем же способом, что и разумный гражданин.

21

Гоббс подчеркивает, что «дети <...> никогда не были способны заключать соглашение или понимать вытекающие из него последствия» [Там же: 209]. Соответственно согласие детей не может быть достигнуто через «соглашение» (covenant). Единственный путь, посредством которого можно добиться согласия, — это «внушение». Родитель, обладая властью над ребенком в силу его физической слабости, должен использовать это положение для того, чтобы убедить ребенка в необходимом характере этой власти. Пока дети находятся под опекой родителей, им «надо внушить (are to be taught), что вначале отец всякого человека был и его сувереном, властелином, имевшим власть над его жизнью и смертью, и хотя по установлении государства отцы семейств отреклись от этой абсолютной власти, однако никогда не имелось в виду, чтобы они теряли право на то уважение, которое заслужили от своих детей» [Там же: 265].

Таким образом, власть родителей над детьми имеет двойственную природу. Она базируется на физическом превосходстве, но утверждается и закрепляется через обучение, посредством научения ребенка и «внушения» идеи о легитимности этой власти. Характер вла-

сти меняется: из явления физического она превращается в явление гражданское. Процесс обучения, а точнее, процесс внушения детям определенных представлений о власти, оказывается инструментом трансформации природы властных отношений в семье.

Но эта трансформация оказывает дальнейшее воздействие на то, что происходит за пределами выделенной области «домашнего правления». Разделительная черта между людьми, не готовыми к жизни в обществе в силу неразумия, будь они детьми или взрослыми, проходит по линии образования. Именно процесс образования, или дисциплинирования, позволяет преодолеть разрыв между «естественной социальностью» и собственно социальным порядком (хотя существование неразумных взрослых свидетельствует о том, что этот процесс не всегда позволяет достигнуть желаемого результата). Сам ребенок не является членом общества, но, благодаря существованию выделенной области детства, возможна трансформация природы власти.

22

Поэтому образование — это не просто частная функция «малого Левиафана», но то, что дает человеку способность жить в обществе, и эта трансформация является основополагающей для поддержания политического порядка. «Ребенок, хорошо обученный своими родителями, готов к тому, чтобы быть хорошим гражданином, то есть послушным подданным» [Charman 1975: 82], поскольку для успешного функционирования сообщества необходимо, чтобы определенные уроки, связанные с политическим устройством общества, усвоили все граждане [Vaughan 2002: 36].

Стоит оговорить, что образование, которое делает возможным общество, — это именно атрибут «детства» как такового и обучения детей в семье. Гоббс придает большое значение университетскому образованию: как отмечает Бежан [Bejan 2010: 607], единственная конкретная рекомендация, которую делает Гоббс в «Левиафане», — предложение по немедленной реформе образования. Гоббс [1991: 267] подчеркивает важность «правильной постановки обучения юношества в университетах» и много говорит об опасности, которую университеты несут в себе: оттуда выходят люди, которые учат граждан неповиновению [Hobbes 1889: 40]. Однако в «De homine» Гоббс подчеркивает, что установки по отношению ко всем вещам формируются (shaped) в соответствии с желаниями родителей и учителей. Первоначальное обучение, которое осуществляется в семье, имеет принципиальное значение для дальнейшего образования, так как способствует первичному усвоению мнений и убеждений [Bejan 2010: 619]. Хотя Гоббс и подчеркивал значение реформы университетского образования, он признавал, что ее эффективность зиждется на принципах обучения детей в семье [Charman 1975: 87].

Таким образом, можно согласиться с Чапманом в том, что ребенок определяется через свою роль в системе семейной власти. Однако речь идет не просто о выделении области домашнего правления, дополнительной по отношению к государственному управлению. Субъектами домашнего правления, в частности, являются не только дети, но и слуги, а также рабы. Однако дети имеют совершенно особый статус, обусловленный тем, что в семье происходит трансформация природы власти. Так, оказывается, что область домашнего правления — это не узкая область внутри более широкой области социального. Это выделенная область, внутри которой происходит процесс изменения природы власти. Ребенок принадлежит сфере, которая принципиальным образом отличается от автономной сферы природного или социального. А задача трансформации природного в социальное позволяет объяснить значение выделенной области детства для преодоления разрыва между природой и обществом.

«Политическое потустороннее»

Дети обладают особым статусом; функции детства связаны не только с преобразованием конкретного человека, но с поддержанием порядка. Нововременная мысль не допускает, что природа человека выступает в качестве гармоничного основания общества. Существование общества возможно в силу иных механизмов, в частности благодаря наличию особой области, в которой происходит превращение человека в члена общества и которая не может быть названа социальной в чистом виде. В это время дети находятся вне общества, так как до обретения разума они не могут вступить в него. Далее мы подробнее остановимся на том, как функционирует эта выделенная область, которая имеет политическое значение, но при этом не является в чистом виде социальной. Для этого мы обратимся к статусу сумасшедшего — другой «пограничной» по отношению к обществу фигуры в концепции Гоббса. Это сопоставление позволит сделать видимым еще одно обстоятельство, оно характеризует роль тех людей, которые включены в структуру общества, но не являются его членами.

23

Другие «лишенные разума» люди обладают не менее противоречивым статусом, чем дети. По Гоббсу, многие «в силу изъяна ума (defect of minde) или недостатка обучения остаются неготовыми к жизни в обществе в ходе всей их жизни» [Hobbes 1983: 44]. Люди, «лишенные ума», то есть сумасшедшие (madmen) либо идиоты (fools), не способны понимать смысл и последствия общественного соглашения [Гоббс 1991: 209] и точно так же, как и дети, подлежат власти других граждан.

Попытку прояснить функцию сумасшедших в политической модели Гоббса и в структуре нововременного общества в целом предпринимает Дернер в историческом исследовании «Гражданин и безумие». Дернер исследует политические функции, которые играло безумие в Новое время. Признавая, как и Фуко [1997], что безумие принадлежит широкой категории «общественного неразумия», Дернер выделяет его специфические политические функции. По Дернеру, хотя сумасшедшие и находились за пределами гражданского мира, само их неразумие было тесно связано с общественным устройством. Будучи явным образом исключены за пределы общественного порядка, сумасшедшие тем не менее были в нем особым образом представлены. Отсылая к модели общественного устройства Гоббса, Дернер [2006: 41] характеризует безумие как «политическое потустороннее». Безумие не просто исключено из гражданского состояния, оно имеет свои политические функции, которые обусловлены самим его исключением.

24

Политические функции безумия заключаются в том, что фигура сумасшедшего позволяет осуществлять своего рода «репрезентацию» тех, кто находится вне границ разума. Безумие — «крайний», явно видимый случай общественного неразумия. Тех, кто плохо вписывался в границы гражданского мира, например нищих или политически неблагонадежных, обходили молчанием, но сумасшедших, напротив, демонстрировали публике, утверждая тем самым «господство разума над природой и неразумием», и наглядно показывая, что «шаткая основа страстей» человека должна быть подчинена [Там же: 39]. По Гоббсу, неуправляемые страсти приводят к гражданским беспорядкам; для существования общества необходима «тренировка (discipline) воли субъектов с целью сбалансировать их страсти» [Wickham 2014: 140]. Между тем в основе сумасшествия лежат «страсти большой силы и продолжительности, которые обуславливают странное и необычное поведение» [Гоббс 1991: 63]. Соответственно безумие являет собой пример крайней неуправляемости страстей, и потому оно особенно ярко демонстрирует всю пагубность поведения, основанного на неподвластных общественному разуму страстях.

Так, политические функции сумасшествия, по Дернеру, состояли в наглядной демонстрации опасности неразумной жизни. Через безумие «опасность [такой жизни] для общества могла быть показана в своем истинном бессилии» [Дернер 2006: 41]. Это позволяет Дернеру назвать сумасшествие «политическим потусторонним»: оно не просто исключено из порядка, но существует в качестве его явной изнанки. Наличие видимой области «потустороннего» играет определяющую роль для поддержания общественного порядка за счет демонстрации «бессилия» того, что ему противостоит.

Идея «политического потустороннего» позволяет сделать более понятной и сложную политическую функцию детства. И дети, и сумасшедшие принадлежат выделенному пространству, в котором разум «побеждает» природу: в одном случае это область домашнего правления, в другом — пространство изоляции, в котором разыгрывается драматическое представление. И в том, и в другом случае происходит своего рода «приручение» того, что находится за пределами разума и порядка, с помощью наглядной демонстрации или процесса внушения представлений о незыблемости власти.

В нововременной модели нет представлений о гармоничном соединении естественного и разумного, которое свойственно самой человеческой природе. Если для Аристотеля и схоластов высшая разумная природа человека естественным образом приобретала власть над низшей чувственной, для Гоббса этот процесс не является естественным. Он осуществляется с помощью «воспитания и дрессировки, которые должны были сломить безумие с помощью разумной истины» [Там же: 41] или с помощью образования [Hobbes 1983: 44]. Эти процессы протекают в особом выделенном пространстве. Само это пространство не может быть названо политическим в чистом виде, но представляет скорее его изнанку. Дети, равно как и безумные, хотя и в менее радикальной форме, представляют собой то, что находится за пределами общества, но видимо и различимо этим обществом в качестве «потустороннего» и потому требует «приручения».

25

Новая социология детства без нововременного наследия

Подробная реконструкция одной из нововременных концептуализаций детства прежде всего демонстрирует спорность тезиса, что нововременной дуализм «природа/общество» привел к концептуализации детства как атрибута одной из этих областей. Разделение природы и общества действительно связано с представлениями о детстве, однако совершенно иным образом. Детство принадлежит выделенной области, которая не является ни природной, ни социальной, но имеет принципиальное значение для поддержания этого различия.

Тэйлор, Праут и другие теоретики новой социологии детства обращались к возникшей в Новое время способности «видеть надвое» [Латур 2006: 92] и поддерживать эпистемологическую автономность областей природного и социального не только для того, чтобы реконструировать историю исследования детства, но и для того чтобы решить возникший еще в то время парадокс. С их точки зрения, нововременная мысль предопределила судьбу исследований дет-

ства, но сейчас эту траекторию можно изменить. Решение проблем современных исследований детства видится в радикальной смене концептуальной модели. Крафтл [Kraftl 2013] предлагает для исследований детства понятийный аппарат «больше-чем-социального» (more-than-social), Ли [2012] обращается к делезианскому концепту множественности, Праут [2011] предлагает концептуализировать различные аспекты детства как сложные природно-культурные ассамбляжи. Авторы подчеркивают, что реальное детство характеризует сложность, которую не может схватить любая теория и которая сохраняет связь с нововременным наследием, а потому необходимо видит детство через призму бинарных оппозиций.

Это решение — и шанс на возникновение «новой волны» в исследованиях детства [Ryan 2012: 2], свободной от упомянутых проблем, — основано на предположении, что «детство» как предмет исследования изначально возникло как эффект сосуществования двух независимых областей реальности. Тэйлор [2011: 422] указывает, что концепция «естественного ребенка» (natural child) стала возможна в результате сформированной в Новое время идее разрыва между природой и обществом: понятия природы и детства оказались отделены от цивилизации, культуры и рациональности¹. Дети не являются полноправными участниками политической жизни и социальных отношений, а, следовательно, они в отличие от взрослых граждан определяются через свою естественную природу, «досоциальную и дополитическую». Так, детство оказалось вовсе закрыто от внимания социальных наук и на несколько столетий привязано к полюсу природного. В силу того что связь детства и природы была очень тесной, когда в орбиту внимания ученых попали социальные аспекты детства, социология детства полностью противопоставила себя предшествовавшей мысли, и за счет этого дуализм сохранился.

Произведенная реконструкция роли детства в нововременной мысли показывает, что такое представление неверно. Прежде всего детство возникло в мысли Нового времени не как природное явление, а как феномен на границе двух сфер, и концептуализации детства изначально схватывали его пресловутую сложность. Но дело не только в том, что детство изначально не принадлежало одной онтологически независимой сфере. Сложность детства не просто осмыслялась — она отчасти создавалась подобным концептуальным решением. Детство,

1 Тесную связь детства и природы часто связывают не только с самим возникновением разрыва природного и социального, но и с развитием этого дуализма в педагогической концепции другого теоретика общественного договора — Руссо [Peters, Johansson 2012; Taylor 2013; Zhao 2011]. Мы подробно разбираем эти аргументы и политический смысл детства в текстах Руссо в другой работе [Bardina 2017].

как оно было представлено в теории Гоббса, делало возможным саму модель, в которой может быть описано противоречие между существованием общества и естественной природой человека.

Связь между концептуализацией детства в нововременной мысли и созданием бинарных оппозиций действительно существовала. Однако эта связь заключалась не в том, что детство описывалось в оптике «двойного видения», а в том, что детство как сложное явление делало возможным основание этого «двойного видения». Поддержание детства как пограничной сферы между природным и социальным было политической ставкой: детство исполняло функцию «политического потустороннего», пограничной сферы, которая необходима для поддержания социального порядка, не принадлежа ему самому. А это означает, что предлагаемая смена языка описания детства не возвращает утраченную сложность и многоплановость детства, но, напротив, отчасти затемняет ее. Чтобы избежать этой опасности, дуализм в современных исследованиях детства следует учитывать не в качестве теоретической рамки, которую необходимо преодолеть, но в качестве политической задачи, сформировавшей концептуальные контуры детства.

27

Библиография / References

- Гоббс Т. (1991) Левиафан. Гоббс Т. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль.
- Hobbes T. (1991) *Leviathan*. Hobbes T. *Works in two volumes*, Vol. 2. Moscow: Mysl'. — in Russ.
- Гоббс Т. (1989) О гражданине. Гоббс Т. Сочинения в двух томах. Т.1. М.: Мысль.
- Hobbes T. (1989) *On the citizen*. Hobbes T. *Works in two volumes*, Moscow: Mysl'. — in Russ.
- Дернер К. (2006) Гражданин и безумие. К социальной истории и научной социологии психиатрии, М: Алетея.
- Dörner K. (2006) *Madmen and the bourgeoisie: A social history of insanity and psychiatry*, Moscow: Aleteya. — in Russ.
- Латур Б. (2006) Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии, СПб: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге.
- Latour B. (2006) *We have never been modern*, Saint-Petersburg: Izd-vo Evropeyskogo un-ta v S.-Peterburge. — in Russ.
- Локк Дж. (1988) Мысли о воспитании. Локк Дж. Сочинения в трех томах, М.: Мысль: 407-614.
- Locke J. (1988) *Some Thoughts Concerning Education*. Locke J. *Works in three volumes*, Moscow: Mysl': 407-614. — in Russ.
- Руссо Ж.-Ж. (1912) Эмил, или О воспитании. СПб.: Изд-во газеты «Школа и жизнь».

— Rousseau J.-J. (1912) *Emile, or education*, SPb.: Izdatel'stvo gazety "Shkola i zhizn'". — in Russ.

Фуко М. (1997) История безумия в классическую эпоху, СПб.: Университетская книга.

— Foucault M. (1997) *A History of Insanity in the Age of Reason*, Spb.: Universitetskaya kniga. — in Russ.

Bardina S. (2017) Reconciliation of natural and social: Rethinking Rousseau's educational theory. *Educational Philosophy and Theory*, 49 (14): 1381-1391.

Bejan T. (2010) Teaching the *Leviathan*: Thomas Hobbes on education. *Oxford Review of Education*, 36 (5): 607-626.

Chapman R. (1975) *Leviathan Writ Small: Thomas Hobbes on the Family*. *The American Political Science Review*, 69: 76-90.

Frede D. (2015). Determining the good in action. J. Aufderheide, R. Bader (eds) *The highest good in Aristotle and Kant*, New York: Oxford University Press: 16-35.

Hobbes T. (1889) *Behemoth, Or The Long Parliament*, London: Simpkin, Marshall and Co.

Hobbes T. (1983). *De Cive: the English version entitled, in the first edition, Philosophical rudiments concerning government and society*, New York: Oxford University Press.

Hobbes T. (1998) *On the Citizen*. *Cambridge Texts in the History of Political Thought*.

28 R. Tuck, M. Silverthorne (eds), Cambridge: Cambridge University Press.

Holmberg L. (2018) The future of childhood studies? Reconstructing childhood with ideological dilemmas and metaphorical expressions. *Childhood*, 25 (2): 158-172.

James A., Prout A. (eds) (1990) *Constructing and Reconstructing Childhood*, New York, London: Routledge.

James A., Jenks C., Prout A. (eds) (1998) *Theorizing Childhood*, Cambridge: Polity Press.

Jenks C. (2005) General introduction. C. Jenks (ed.) *Childhood*, New York, London: Routledge: 1-24.

Jenks C. (ed) (2005) *Childhood*, New York, London: Routledge.

Kraftl P. (2013) Beyond "voice", beyond "agency", beyond "politics"? Hybrid childhoods and some critical reflections on children's emotional geographies. *Emotion, Space and Society*, 9: 13-23.

Lee N. (2013) *Childhood and Biopolitics: Climate Change, Life Processes and Human Futures*, London: Palgrave Macmillan.

Lee N., Motzkau J. (2011) Navigating the bio-politics of childhood. *Childhood*, 18 (1): 7-19.

Nisbet R. (1974) *The Social Philosophers*, London: Heinemann.

Parsons T. (1956) The American family: Its relation to personality and the social structure. T. Parsons, R. Bales (eds) *Family, Socialisation and Interaction Process*, London: Routledge and Kegan Paul.

Peters M., Johansson V. (2012) Historicizing subjectivity in childhood studies. *Linguistic and Philosophical Investigations*, 11: 42-61.

Piaget J. (1932) *The Moral Judgment of the Child*, Oxford: Harcourt, Brace.

- Prout A. (2008) Culture-nature and the construction of childhood. K. Drotner, S. Livingstone (eds) *International handbook of children, media and culture*, London: Sage: 21-35.
- Prout A. (2011) Taking a Step Away from Modernity: Reconsidering the New Sociology of Childhood. *Global Studies of Childhood*, 1 (1): 4-14.
- Qvortrup J. (1993) Societal position of childhood: the international project Childhood as a Social Phenomenon. *Childhood*, 1: 119-124.
- Qvortrup J. (2005) Childhood and modern society. A paradoxical relationship? C. Jenks (ed.) (2005) *Childhood*, New York, London: Routledge: 110-118.
- Ryan K. (2011) The new wave of childhood studies: Breaking the grip of bio-social dualism? *Childhood*, 19 (4): 439-452.
- Taylor A. (2011) Reconceptualizing the “nature” of childhood. *Childhood*, 18 (1): 420-433.
- Taylor A. (2013) *Reconfiguring the natures of childhood*, New York, London: Routledge.
- Van Krieken R. (2002) The paradox of the “two sociologies”: Hobbes, Latour and the Constitution of modern social theory. *Journal of Sociology*, 38 (3): 255-273.
- Wickham G. (2014). Hobbes’s commitment to society as a product of sovereignty: A basis for a Hobbesian sociology. *Journal of Classical Sociology*, 14: 139-155.
- Wyness M. (2012) *Childhood and society: an introduction to the sociology of childhood*, Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Zhao G. (2011) The modern construction of childhood: What does it do to the paradox of modernity? *Studies in Philosophy and Education*, 30: 241-256.

Рекомендация для цитирования:

Бардина С.М. (2019) «Дети, идиоты и сумасшедшие»: Томас Гоббс и проблемы современной социологии детства. *Социология власти*, 31 (1): 14-29.

For citations:

Bardina S.M. (2019) “Children, fools, and madmen”: Thomas Hobbes and the Problems of the Sociology of Childhood. *Sociology of Power*, 31 (1): 14-29.

Поступила в редакцию: 16.01.2019; принята в печать: 10.02.2019

Received: 16.01.2019; Accepted for publication: 10.02.2019

Что значит быть несовершеннолетним?

doi: 10.22394/2074-0492-2019-1-30-50

Резюме:

Правовая и социальная проблема определения совершеннолетия имеет серьезные теоретические предпосылки. В статье раскрываются причины и значение противоречия, которое заложено в современных практиках родительства и правовых практиках защиты детей. С одной стороны, ребенок мыслится как объект защиты и покровительства, с другой — наблюдается тенденция к расширению круга прав детей. Анализ категории дееспособности, на основании которой проводится различие между ребенком и взрослым, показывает, что ее можно свести к двум историческим трактовкам способности как возможности действовать: возможность действительности, предложенную Аристотелем или действительность возможности, способность быть субъектом самоопределения, изобретенную Кантом. Правовой порядок признания несовершеннолетним игнорирует указанные аспекты возможности, поэтому правовой статус ребенка становится проблематичным. Категория «порядок признания» позволяет выделить важное измерение связи взрослых и детей, которое «невидимо» для права: дети социально институционализированы не только как юные (puer), но и как дочери и сыновья (filius). Анализ родительства в качестве социального порядка признания не дает возможности однозначно решить проблему совершеннолетия; выросшие дети никогда не перестают быть детьми для своих родителей. Однако разграничение порядков признания необходимо для того, чтобы, во-первых, уклониться от необходимости решать намеченное противоречие между двумя трактовками возможности действовать для ребенка. Во-вторых, из-за смешения порядков признания возникает возможность мыслить ребенка как радикального агента, фактически суверена, поскольку его автономия может быть обусловлена сугубо биологическим фактом рожденности. Это порождает проблему регуляции не правовых отношений взрослых и детей, а именно правового разграничения порядков признания.

Ключевые слова: совершеннолетие, дееспособность, возможность, субъект, порядок признания, natalность

Irina V. Dudenkova

RANEPA, Moscow, Russia

What Does it Mean to Be a Minor?*Abstract:*

The legal and social problem of determining the age of majority has serious theoretical roots. The article reveals the causes and significance of the controversy surrounding modern parenting practices and the legal practices of child protection: on the one hand, the child is thought of as an object of protection and patronage; on the other, there is a trend towards the expansion of children's rights. An analysis of the category of legal competence—on the basis of which the distinction between child and adult is made—shows that it can be boiled down to two historical interpretations of competence as the ability to act: the potentiality of actuality, proposed by Aristotle, or the actuality of potentiality, the ability to be a subject of self-determination, proposed by Kant. The legal procedure for the recognition of minors ignores these aspects, rendering the legal status of the child problematic. The category of the “order of recognition” makes it possible to single out an important but opaque category for the law: the connection between adults and children. Children are socially institutionalized not only as the young (puer), but also as daughters and sons (filius). The analysis of parenthood as a social order of recognition does not make it possible to unambiguously solve the problem of adulthood; grown-up children never cease to be children for their parents. However, a distinction between the orders of recognition is necessary for two reasons. Firstly, to avoid the need to solve the intended contradiction between the two interpretations of the possibility of acting for the child. Secondly, because of the commixture of the orders of recognition, it is possible to think of a child as a radical agent—in fact, a sovereign—since their autonomy may be due to a purely biological fact of birth. This raises the problem of regulating not the legal relations between adults and children, but the legal distinction between the orders of recognition.

31

Keywords: age of majority, legal competence, possibility, sujet, order of recognition, natality

Chercher l'enfant

В этом тексте речь пойдет о том, как устанавливается граница между детством и зрелостью с правовой точки зрения, и с какими теоретическими трудностями сопряжено установление такой

Irina V. Dudenkova — Associate Professor (Docent), Faculty of Liberal Arts, Institute of Social Sciences of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow. Research interests: philosophical anthropology, subject, agency, childhood. E-mail: irinafiled@gmail.com

границы¹. Ориентиром для меня станет понятие совершеннолетия, возраста зрелости, содержание которого продолжает подвергаться постоянному пересмотру не только в праве, но в психологии, педагогике и социальных науках.

Подоплекой моих размышлений служит в том числе и трудный личный материнский опыт разграничения ответственности со своими взрослеющими детьми за их жизнь и переживание собственной беспомощности, вызванной неопределенностью оценок и критериев зрелости, которую не способна прояснить ни психология и педагогика, ни социальная теория. Интонация беспомощности в целом характерна для материнских дискуссий в социальных сетях и родительских чатах, где также регулярно поднимается тема возрастной отметки, после которой можно считать своих взрослеющих детей совершеннолетними.

Ситуация усугубляется распространением «интенсивного родительства», идеологии воспитания, в которой предполагается, что родители должны постоянно и неукоснительно руководствоваться экспертным знанием о детском развитии и практиковать постоянную вовлеченность в процесс взросления: организовывать игровое время и пространство, проводить много времени вместе и т. д.

В интенсивном родительстве в качестве предпочтительных методов воспитания рассматриваются «[методы] детоцентричные, диктуемые экспертами, эмоционально поглощающие, трудоемкие и финансово затратные» [Haуs 1998]. «Согласно модели интенсивного родительства, родители ответственны за все, что произойдет с ребенком, в рамках этой идеологии предполагается, что их действия оказывают решающее влияние на развитие ребенка (parental determinism), а неправильное воспитание порождает множество социальных проблем» [Михайлова, Сивак 2018: 53]. Социологи Шарон Хайс и Аннет Ларо отнесли интенсивное родительство к практикам воспитания среднего класса. Ларо определила этот подход как «направленное воспитание» (concerted cultivation) и противопоставила его «достижению естественного роста» (accomplishment of natural growth). Второй подход предполагает меньшую вовлеченность родителей в жизнь детей и распространен среди менее состоятельных семей [Lагеаu 2011]. Остается дискуссионным вопрос, вынуждены ли

1 Выражаю благодарность участникам семинара «Глазами ребенка: субъективность ребенка в социальных исследованиях», который состоялся 22-23 декабря 2018 года в Европейском университете (Санкт-Петербург) за важные вопросы к моему докладу, где были сформулированы основные тезисы этого текста. Также благодарю коллег Дмитрия Кралечкина, Константина Гаазе, Петра Сафронова, Вячеслава Данилова за важные комментарии и предложения к черновому варианту статьи.

бедные семьи придерживаться иных подходов к воспитанию в силу нехватки ресурсов, или же у них есть свои представления о том, что способствует лучшему воспитанию детей.

Экспансия воспитательной парадигмы интенсивного родительства позволяет объяснить растерянность родителей по поводу достижения детьми совершеннолетия. Важные прежде маркеры зрелости, транслируемые через родственные связи, — например, завершение обучения в школе, начало трудовой деятельности — утратили авторитет. Родители заряжаются скепсисом психологов, нейробиологов и других специалистов, оспаривающих границы детства. При этом родители оказываются под давлением противоречащих друг другу требований, вписанных в модель интенсивного родительства: принять всю полноту ответственности за будущее ребенка и отнестись к нему как к равному, самостоятельной личности с уникальным опытом.

Исследовательский фокус в этой статье смещен в область права, где возникает необходимость дать определенный и обоснованный ответ о границе совершеннолетия. Известно, что в разных странах и разных юрисдикциях возраст совершеннолетия колеблется от 16 лет (во Вьетнаме, Кубе, Пакистане, Камбодже) до 21 года (в Монако, Египте, Камеруне, Сингапуре и других странах). В Саудовской Аравии, Иране и Йемене совершеннолетие наступает раньше 16 лет, при этом определены правовые ситуации наступления совершеннолетия раньше установленного законом возраста.

В России по крайней мере за прошлый год было два всплеска общественных дискуссий по поводу совершеннолетия: в конце мая 2018 года в кулуарах Петербургского экономического форума заместитель министра здравоохранения Татьяна Яковлева заявила, что возраст совершеннолетия в России следует поднять до 21 года. «Нам, конечно, период совершеннолетия не нужно отодвигать до 30 лет, но нам хотя бы 21 год в России сделать, как, например, в США и в Европе», — цитирует РИА «Новости» Яковлеву. По ее словам, есть большая разница, когда людям продают алкоголь и табак — с 21 года или с 18 лет. Несмотря на негативную реакцию в социальных сетях и медиа в середине декабря 2018 года в Госдуму из Минздрава поступил закон о повышении возраста для продажи алкоголя с 21 года.

Ребенок как субъект права

Невозможно отрицать, что ребенок, как и взрослый, является субъектом права. Однако его правовой статус обладает особенностями, которые Дэвид Арчард, один из крупнейших западных специалистов по правам детей, фиксирует в виде силлогизма: «Дети — это молодые люди. Некоторые дети очень молодые люди. Как люди, дети,

очевидно, имеют определенный моральный статус. Есть вещи, которые не следует делать с ними по той простой причине, что они люди. В то же время дети отличаются от взрослых людей, и кажется разумным думать, что есть вещи, которые дети не могут делать. Например, в большинстве юрисдикций детям не разрешается голосовать, вступать в брак, покупать алкоголь, заниматься сексом или заниматься оплачиваемой работой. Также дети не должны участвовать в военных действиях и призываться на военную службу» [Archard 2015: 5].

Иными словами, в случае ребенка мы видим беспрецедентно трудное для права и социальной теории различие, более трудное по сравнению с другими «природными» различиями, которые исследуют гендерные теории и disability studies. С одной стороны, невозможно отрицать «человечность» ребенка, с другой — «бесчеловечно» наделять ребенка правами и вменять ему ответственность взрослого человека. Это парадоксальное обстоятельство делает детство особенно интересным для философского исследования: как сочетание человечности и биологической незрелости может отражаться в правовом статусе ребенка?¹ Должны ли у детей быть права? Это такие же права, которыми обладают взрослые, или, может, у них должно быть меньше (больше?) прав по сравнению с взрослыми? Можно ли обеспечить неправовую защиту детей, гарантирующую моральные отношения к ним?

Большинство юрисдикций предоставляют детям законные права. Множество стран мира ратифицировали Конвенцию Организации Объединенных наций о правах ребенка², последняя версия которой принята резолюцией 44/25 от 20 ноября 1989 года. Первый же международный правовой акт, в которой были сформулированы принципы, определяющие действия всех, кто отвечает за осуществление всей полноты прав детей, был подписан Генеральной Ассамблеей в 1959 году.

К 20-летию принятия Декларации прав ребенка ООН был провозглашен Год ребенка и выдвинут ряд правовых инициатив, ознаменовавших начало работы над новым текстом конвенции. Эта работа велась 10 лет и завершилась в 1989 году, ровно через 30 лет после принятия Декларации прав ребенка. Конвенция вступила в силу 2 сентября 1990 года после ратификации ее двадцатью государствами. На Венской конференции по правам человека в 1993 году было

1 Приведу здесь лишь некоторые примеры исследований, которые затрагивают онтологические и этические аспекты правового статуса ребенка: [Gheaus, Calder, Wispeleare 2019; Hannan 2018; Eekelaar 1986].

2 Конвенция о правах ребенка (http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml).

принято решение добиться, чтобы к 1995 году Конвенция стала универсальной для всех государств.

По сравнению с предыдущими версиями (1924 и 1959 гг.) она предоставляет детям значительно более широкий спектр прав, в том числе права, которые ранее были зарезервированы за взрослыми, например, право отстаивать свои «наилучшие интересы» во всех действиях (статья 3), право ребенка на самовыражение, «способность формировать свои собственные взгляды, свободно выражать эти взгляды во всех вопросах, касающихся ребенка» (статья 12). Это расширение прав детей по отношению к предыдущим версиям конвенции вызвало жаркую полемику среди юристов и интеллектуалов. В 1-й статье Конвенции Организации Объединенных наций ребенок определяется как любой человек моложе восемнадцати лет, «если в соответствии с законодательством, применимым к ребенку, совершеннолетие не достигается раньше»¹.

С наступлением совершеннолетия ребенок наделяется дееспособностью, способностью своими действиями или бездействиями приобретать свои субъективные юридические права и обязанности, осуществлять и прекращать их. Таким образом, важнейшим различием правового статуса взрослого и ребенка является дееспособность. Прояснение одной из самых трудных для социальных наук и философии категории «действия» осложняется тем, что определение дееспособности как особого правового статуса содержит аспект возможности: субъект права выступает как потенциальный агент и инстанция действия, он может как реализовывать, так и не реализовывать свое право действовать.

К сожалению, мне придется оставить в стороне проблему деликтоспособности — способности нести ответственность за свои действия, анализ этой важной составляющей части правового статуса ребенка утяжелит мое небольшое исследование и сделает его несоизмеримым задачам одной академической статьи. Отметим лишь один из самых главных и интересных парадоксов права: ребенок наделяется ответственностью раньше, чем получает право осуществлять некоторые действия. Категория ответственности и ее актуальные смысловые трансформации заслуживают особого внимания, такой текст готовится к печати.

Есть и еще одна важная побочная линия темы «ребенок как субъект права», связанная с определением момента, когда ребенок попадает под действие права, т. е. нижней границы несовершеннолетия, где он опознается правом в качестве существа, достойного защиты.

1 Конвенция о правах ребенка (http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml).

Мы можем себе лишь наметить этот важнейший для политической философии и философии права сюжет определения границы между зое, голой природной, животной жизнью, и *bios*, социальной жизнью, защищенной правом, который актуализировали в современной философии Жак Деррида [Derrida 2009; 2012] и Джорджо Агамбен [Агамбен 2011]. Достаточно ли для этого простой рожденности или «натальности» (natality)?

Ханна Арендт вводит это понятие, чтобы описать три типа человеческого опыта, которые обуславливают друг друга: фактическое рождение — вхождение человека в мир, политическое рождение — спонтанность, беспричинность политического действия, а также теоретическое рождение — свойство эмерджентности человеческого мышления. Для Арендт натальность — это не только попытка тематизации антонима к хорошо продуманному и вполне традиционному для философии понятию смертности или конечности; она считает натальность «центральной категорией политического мышления» [Arendt 1958: 9]. Человеческая способность действовать свободно «онтологически укоренена» в «факте натальности». Но в этом философском решении есть нечто озадачивающее. Что может означать эта «онтологическая укорененность», если момент и обстоятельства рождения невозможно выбрать самостоятельно, если в ситуации рождения человек пассивен и заброшен в мир?

Надо сказать, спорное и сильное философское решение Арендт, о котором мне уже доводилось писать [Дуденкова 2015], релевантно для актуальных философских дискуссий о смысле рождения. Так, например, в своем докладе «Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике» Юрген Хабермас вводит различие между выросшим и сделанным именно на основании понятия натальности: «Прежде всего именно с позиции этой “возможности быть самим собой” “чужой план”, вторгающийся вместе с генетической программой в историю нашей жизни, может оказаться фактором, создающим помехи. А для возможности быть самим собой также необходимо, чтобы личность чувствовала себя в своем теле как дома... Телом соединяются смыслы направлений центра и периферии, своего и чужого. Воплощение личности в теле делает возможным не только различие активного и пассивного, действующего и происходящего, делания и нахождения; оно заставляет проводить дифференциацию между действиями, которые мы приписываем самим себе, и действиями, которые мы приписываем другим. Но телесное существование позволяет делать эти различия в перспективах лишь при условии, что личность идентифицирует себя со своим телом.

И поскольку личность способна чувствовать себя единой со своим телом, она должна воспринимать его в своем опыте как нечто

естественно вырастающее — как продолжение органической, саму себя регенерирующей жизни, из лона которой и родилась эта личность. Собственная свобода переживается лишь в связи с чем-то, что по своей природе не может быть подчинено. Невзирая на свою конечность, личность знает себя как начало собственных действий и притязаний, в котором невозможно обмануться. Но должна ли она поэтому сводить происхождение самой себя к не подчиняющемуся никому началу, то есть к началу, которое не предрешает ее свободу лишь в том случае, если — как это имеет место с Богом или природой — оно исключает воздействие со стороны других лиц? Понятийно востребованную роль такого лишенного подчиненности начала выполняет также и естественность рождения. Философия редко тематизировала эту взаимосвязь. К редким исключениям принадлежит Ханна Арендт, которая в рамках своей теории действия вводит понятие “натальности”» [Хабермас 2002: 71].

Новорожденный как кандидат на роль *homo sacer*, носитель голой жизни, продолжает оставаться сильнейшей философской провокацией и социальной проблемой. Неучтенные дети оказываются фантомной болью и предметом торга медиков, политиков и правозащитников, например, исследователи Global Slavery Index отмечают, что именно дети составляют значительный процент рабов в России и мире, а одно из современных определений рабства — именно отсутствие документов, подтверждающих правовой статус и обеспечивающих правовую защиту¹. Ребенок не может сам обеспечить себя этими документами, заявить о своем существовании для права, поэтому также оказывается в серой зоне правовой неразличимости.

Таким образом, определение нижней границы несовершеннолетия также представляет серьезную теоретическую проблему, если судить по накалу биоэтических дискуссий, связанных с распространением репродуктивных технологий и философии пост-, транс- и метагуманизма. Однако мы сконцентрируемся именно на верхней границе, по которой определяется взрослость или совершеннолетие².

1 <https://www.globalslaveryindex.org/2018/data/maps/#prevalence>.

2 Я стараюсь систематически различать взрослость и зрелость или акме (акμή — высшая точка, вершина) — фазу индивидуального развития, характеризующуюся достижением наиболее высоких показателей в деятельности, творчестве. Я надеюсь, что отечественные социологи науки наконец заинтересуются акмеологией, оригинальной отечественной психологической традицией, которая развивается с начала 1990-х годов и уже успела получить паспорт ВАКовской специальности. Зарубежная психологическая наука не знает такой психологической традиции и другой дисциплины, кроме психологии развития.

Дееспособность как *ability* и *possibility*

Нашей целью станет прояснение способности к действию как категории философии и социальной теории. Концепция способности в традиции философии субъекта может включать несколько рубрик: субъект вменения и ответственности, действия и права, субъект рефлексии и самоопределения, автор и источник нарратива о себе, некто, использующий местоимение «я», понимание способности может трактоваться и более скромно, через агентность как источник изменения в мире. Мы сконцентрируемся на трактовках способности, которые через первую традицию восходят к категории автономии, спонтанности самополагания.

Эту важную часть моего небольшого исследования полезно начать с одного из любимых экзегетических упражнений Фуко [2011], экскурса и среза, связанного с философским текстом-фетишем Канта «Ответ на вопрос: Что это такое Просвещение?», и знаменитым фрагментом из него: «Просвещение — это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине — это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! — имей мужество пользоваться собственным умом! — таков, следовательно, девиз Просвещения» [Кант 1966: 25]. Фуко указывает на два важных аспекта момента Ausgang, выхода, исхода, движения человека (человеческого рода? человеческого индивида?) к совершеннолетию и вопрошает: «Действительно ли речь идет об агенте выхода? Другими словами, речь идет об активном или пассивном процессе? Когда текст говорит о der Ausgang des Menschen, это можно понимать так, что человек волевым усилием вырывается из состояния, в котором он пребывал. Это можно понимать и так, что он захвачен процессом, который им движет и который переводит его из внутреннего во внешнее, из одного состояния в другое» [Фуко 2011: 39].

Другими словам, возможны две оптики, два взгляда на возникновение способности к действию: внутренняя и внешняя. В первом случае способность к действию понимается как антропоморфная *ability*, привязанная к субъекту как источнику действия. Во втором — как *possibility*, привязанная к внешнему времени-пространству-среде. Если обобщить теоретические дискуссии вокруг категории *ability*, которые развернулись в аналитической философии¹

1 Важнейшие работы последнего времени в этой области: [Stanley 2011; Glick 2012; Nelkin 2011].

и disability studies¹, то они организованы именно вокруг этих интерпретаций способности к действию.

Однако обе перспективы сходятся в концепции порядков признания. В категории признания пересматривается дихотомия активности/пассивности: признание — эпистемологический модус, который предполагает не только активность схватывания и связывания в понятия, но и страдательность принятия и согласия. Но прежде всего категория «порядок признания», которую используют Поль Рикер, Аксель Хоннет, Жан-Люк Ферри и многие другие философы и социальные теоретики, предполагает социальный контекст взаимодействия [Honneth 1995; Fraser, Honneth 2003; Рикер 2010; Boltansky 1990; Ferry 1991]. «Каждый действователь соотносится с другими благодаря посредничеству разнорядковых социальных систем» [Рикер 2005: 39]. Таким образом наводится мост между индивидуальными формами способностей и социальными формами, пригодными для их осуществления. Из множества концепций признания мы опираемся на теорию Поля Рикера [2010], который произвел своеобразную феноменологию «человека могущего» и соотнес ее с социальными практиками.

39

Ребенок как недействительный человек

Благодаря работе Филиппа Ариеса «*Ребенок и семейная жизнь при старом порядке*» [1999] сегодня считается общепринятым, что понятие детства исторически и культурно обусловлено. Однако «конструктивистская» философия детства не преуспела. Педагогика, психология и медицина весьма скептически относятся к инициативам радикального разрыва с реалистической оптикой. По сей день доминирующий взгляд на детей соотносится с аристотелевской концепцией детства.

Аристотель считает конечную причину живого организма функцией, которую организм обычно выполняет, достигнув зрелости. Формальная и целевая причина существования любого организма представляет структуру, которую он обычно имеет в зрелости. Согласно этой концепции, человеческое дитя является незрелым образом человека, возможным, но не действительным человеком. Именно это составляет существенное отличие между аристотелизмом и платонизмом, хотя некоторые моменты определения возможного как силы, вместилища, способности претерпевать мы

1 Последние десятилетия сложилась огромная литература в этой междисциплинарной области, например: [Davis 1997; Withers 2012; Barnes, Mercer 2010].

можем обнаружить уже у Платона. Различие возможного и действительного (дюнамиса и энтелехии, потенциального и актуального в латинском переводе) является темой множества текстов, среди которых в первую очередь выделяется 9-я книга «Метафизики» и вся «Физика».

Аристотелевское определение через набор категорий (сущность, качество, количество и т. д.) еще сохраняет некоторую преемственность с платоновской моделью определения как последовательного генеалогического распределения родов и видов, постепенно восходящего ко все более полным и первичным сущностям. Именно различие возможного и действительного позволяет ввести совершенно иную трактовку сущего вообще.

«А так как о сущем говорится, с одной стороны, как о сути вещи, качестве и количестве, с другой — в смысле возможности и действительности, или осуществлении, то исследуем также более подробно различие между возможностью и действительностью...» [Аристотель 1976: 234]. Способности (или возможности) определяются следующим образом: «А все способности, относящиеся к одному и тому же виду, суть некоторые начала и называются способностями по их отношению к одной первой способности, которая есть начало изменения вещи, находящееся в другом или в ней самой, поскольку она другое. А именно: это, во-первых, способность претерпевать как заложенное самой претерпевающей вещи начало испытываемого в ней изменения, вызываемого другим или ею самой, поскольку она другое; это, во-вторых, обладание невосприимчивостью к худшему... далее эти способности означают способности либо вообще делать, либо претерпевать, либо делать и претерпевать надлежащим образом» [Там же: 235].

Стоит заметить, что Аристотель не предлагает некую выработанную концепцию возможного и действительного: анализируя его тексты, можно было бы выделить несколько версий возможности, каждая из которых ведет к утяжелению общего концептуального каркаса его концепции и неразрешимым трудностям. Эти трудности проистекают из примата действительного, который угрожает замкнуть возможное в тавтологическое и рефлексивное определение действительного или переопределяет его в «другое действительное». Можно сказать, что Аристотель производит данное различие именно с целью его уничтожения, поскольку подлинное движение — это осуществленное, остановившееся в своей конечной точке.

Примат действительного над возможным проявляется по-разному. Во-первых, действительность первичнее в плане определения: «способное в первичном плане есть способное потому, что может стать действительным..., а потому познание (того что в действительности) должно предшествовать познанию (того что возможность)»

[Там же: 243]. В некотором смысле возможность, чтобы быть таковой, уже должна всегда перестать быть только возможностью, стать действительностью, вычеркнуть себя, познание не может работать с неосуществимыми или пустыми возможностями (в этом пункте Аристотель весьма близок обычным платоновским положениям о невозможности познавать становящееся, находящееся в движении). Во-вторых, возможность вторична по отношению к действительности даже в плане времени. Конечно, ребенок предшествует взрослому во времени, но «ведь из сущего в возможности возникает сущее в действительности через сущее в действительности, например, человек — из человека, образованный — из образованного, причем всегда есть нечто первое, что приводит в движение, а это движущее уже существует в действительности» [Там же: 245].

Ребенку предшествует взрослый не просто как родитель (для Аристотеля дети всегда происходят от взрослых, а не наоборот), но как учитель и педагог, формирующий пассивную претерпевающую сторону ребенка. В-третьих, действительность первичнее возможного по своей сущности, ведь «последующее по становлению первое по форме и сущности (например, взрослый мужчина первое ребенка, и человек — первое семени, ибо одно уже имеет свою форму, а другое — нет), а также потому, что все становящееся движется к какому-то началу, то есть к какой-то цели (ибо начало вещи — это то, ради чего она есть, а становление — ради цели); между тем цель — это действительность и ради цели приобретает способность» [Там же: 246]. Можно сказать, что действительность первичнее возможности именно потому, что она есть сущность, сущность возможного.

41

Аристотель подчеркивает, что дело — цель всякой деятельности как некоторого осуществления цели, так что деятельность (энергия) направлена на осуществленность (энтелехия). Энтелехия же вещи — это ее сущность и форма, действительность: «...очевидно, что сущность и форма — это действительность» [Там же: 247]. В конечном счете все тезисы о первенстве действительного подкрепляются тем наиважнейшим положением, что вечное никогда не может быть возможным в том смысле, что возможность подразумевает возможность несуществования, тогда как вечное — это всегда актуальное. Таким образом, ребенок представляется воплощением возможного, он всегда оказывается возможностью взрослого, который первичнее его во всех отношениях.

Педагогика и психология, не обращаясь к Аристотелю напрямую, до сих пор широко используют аристотелевскую концепцию детства. Отсюда следует, что основополагающий социально-правовой порядок признания ребенка в статусе несовершеннолетнего состоит в обязательстве создавать поддерживающую среду, в которой дети должны развиваться, превращаясь в взрослых. Это традиция

защиты детства, в которой дети мыслятся как «неспособные», не обладающие необходимыми биологическими и психологическими возможностями для выполнения взрослых функций. Несмотря на модификации этой концепции под влиянием психоанализа и теории Пиаже, аристотелевская нормативная концепция остается самой влиятельной парадигмой детства последние столетия.

Г. Мэтьюз [Matthews 2009] утверждает, что нормативная теория развития поддерживает «концепцию дефицита» детства, согласно которой природа ребенка понимается в первую очередь как конфигурация недостающих способностей. Эта концепция, утверждает он, игнорирует или недооценивает тот факт, что дети, например, способны быстро выучить второй язык или нарисовать эстетически привлекательную картину, или поставить интересный с философской точки зрения вопрос. Какими бы качественно другими ни были способности ребенка, из-за того, что они сопоставляются с возможностями взрослых, ребенок всегда считается недееспособным.

Ребенок как радикальная возможность

42

Таким образом, детство в социальных науках и педагогике мыслится как возможность, потенциальность, перетекающая в действительность, т. е., проще говоря, возможность стать взрослым. Я хочу здесь поставить вопрос: как в случае ребенка можно мыслить возможность неаристотелевским образом? Мыслить его не как потенцию взрослого, возможность действительного, а возможность себя, свернутую самопотенцию, действительность возможного? Именно в этом ключе трактует способности субъекта Кант, когда вводит представление о самости как деятельности, полагающей саму себя. По всей видимости, такая трактовка возможности как способности рождается в результате усиления идеи Лейбница о «духовном автомате» монады как реализованной в настоящем чистой возможности наилучшего из возможных миров. Лейбницу «будет принадлежать радикализация такого понимания субъективности как деятельности» [Рено 2002: 39]. В перспективе действительности возможного ребенок может оказаться не недовзрослым, а наиболее радикальным субъектом действия.

По мысли Канта, субъект является пучком относительно связанных между собой способностей. Высшие цели не единственные цели разума, но полагая их, разум не полагает ничего, кроме самого себя. Итак, существуют интересы разума, но разум в таком контексте — лишь судья собственных интересов. Если говорить о природе представления, оно может быть связано с объектом с точки зрения согласия или соответствия ему, тогда этот случай суть познаватель-

ная способность. Представление может вступать с объектом в причинную связь: тогда это способность желания («способность быть посредством своих представлений причиной действительности предметов этих представлений» [Кант 1966: 175]). Представление также привязано к субъекту, повышая или ослабляя его жизненные силы. В качестве способности выступает в этом случае чувство удовольствия и неудовольствия.

Если речь идет о знании, Канта интересует вопрос: может ли способность достичь своей высшей формы? Высшая познавательная способность у Канта объясняется через мысль о необходимости быть способным выйти за пределы представления, чтобы понять другое представление как связанное с ним. Знание мыслится как синтез представлений. Таким образом, «Критика чистого разума» начинается с вопроса: «Существует ли высшая познавательная способность?», «Критика практического разума» — с вопроса «Существует ли высшая способность желания?», «Критика способности суждения» вопрошает «Существует ли высшая способность удовольствия и неудовольствия?». До сих пор не прекращаются споры о том, как связаны между собой субъективные способности полагающего самого себя субъекта, можно ли говорить об иерархии способностей, но есть все основания полагать, что важнейшей из них является воля.

43

Кант [1994: 46] в «Критике способностей суждения» пишет: «Дело в том, что воля в качестве способности желания есть одна из ряда природных причин в мире, а именно та, которая действует в соответствии с понятиями; и все то, что представляется возможным (или необходимым) посредством воли, называется практически возможным (или практически необходимым), в отличие от физической возможности или необходимости действия, причина которого определяется к каузальности не посредством понятий (а, как в неодушевленной материи, посредством механизма или, как у животных, посредством инстинкта)». Именно в этом ключе Делез и Агамбен пытались думать о ребенке как о субъекте спонтанной деятельности самополагания, игры, возможности не по отношению к взрослому, будущему состоянию, а о действительной возможности настоящего.

Делез делает девочку Алису любимым концептуальным персонажем «Логики смысла», она позволяет ему указать на становление как форму игры возможностей. «В “Алисе в Стране Чудес” и “Алисе в Зазеркалье” речь идет о категории очень специфических вещей: о событиях, чистых событиях. Когда я говорю: “Алиса увеличивается”, — я полагаю, что она становится больше, чем была. Но также верно, что она становится меньше, чем сейчас. Конечно, она не может быть больше и меньше в одно и то же время. Сейчас она больше,

до того была меньше. Но она становится больше, чем была, и меньше, чем стала, в один и тот же момент. В этом суть одновременности становления, основная черта которого — ускользнуть от настоящего. Именно из-за такого ускользания от настоящего становление не терпит никакого разделения или различия на до и после, на прошлое и будущее. Сущность становления — движение, растягивание в двух смыслах-направлениях сразу: Алиса не растет, не сжимаясь, и наоборот» [Делез 1998: 15]. В становлении как идеальной игре ребенок не просто реализует один из вариантов будущего внутри установившегося поля возможностей, где некие события не-совозможны, но задает линии различия самих этих полей. Алиса дифференцирует мировые линии событий, которые никогда не могут сойтись в одной формуле. Подобным образом дифференциальное уравнение описывает только одну мировую линию схождения множества событий в результате броска кости. Играющий ребенок со всеми коннотациями образа, идущими от Гераклита и Ницше, совершает несущественное движение, которое организует разговор о существенном, не заботясь о том, чтобы он был организован.

44

На этой же линии критики классической оппозиции возможного/действительного располагается ранняя работа Агамбена [Agamben 1993] «Детство и история. Деструкция опыта». Поддерживая некоторые мотивы экзистенциалистско-гегельянского определения сущности человека через желание, а значит через недостаток по отношению к природе, Агамбен выводит на сцену ребенка как возможность бесконечного апробирования новых форм жизни. Ребенок не является недоразвившимся человеком, возможностью взрослого, а устанавливает свои собственные, еще не известные формы жизни. Примером такой формы может служить аксолотль, который достигает зрелости, не претерпевая метаморфоз и не превращаясь во взрослую особь. По сути, Агамбен указывает на парадокс в определении взросления, который является центральной проблемой этого текста. При этом мы расходимся в интерпретации возможности у Канта: если для меня возможность скорее восходит к потенцированию способности, то для Агамбена — к негативности определения опыта.

Таким образом, если мы интерпретируем способность как чистую интенцию, возможность действовать, именно ребенок оказывается максимально дееспособным. Через трудную дилемму понимания возможности как категории будущего или прошлого вынуждены проходить современные философские и политические концепции справедливости, когда предлагают свои трактовки возможности выбора. Где укореняется эта возможность, внутри или вовне субъекта? Обусловлена ли дееспособность, способность действовать возможностью действительного или действительностью возможного? За этой игрой слов стоят две влиятельные онтологические программы.

Выявленные нами онтологические различия в интерпретации способности действовать могут объяснить некоторые странности сложившихся правовых практик. Дело в том, что сегодня сосуществуют две противоречивые правовые традиции в отношении детей, которые зафиксированы в Конвенции о правах ребенка: традиция защиты и традиция самоопределения. Первая напрямую увязывается с трактовкой детства как возможности будущего по Аристотелю, вторая соотносится с возможностью настоящего, идеей самополагающего субъекта, наделенного полнотой способностей по Канту. В Конвенции о правах ребенка дети, с одной стороны, мыслятся как недееспособные, с другой — им предоставляются универсальные права. Текст конвенции не содержит никакого решения этого противоречия, складывается впечатление, что оно просто игнорируется. Столкновение двух противоречащих друг другу понимания способности и возможности позволяет также объяснить, почему идеология «освобождения» детей, которую провозглашают представители «новой социологии детства» и *childhood studies*, не находит широкой поддержки. Об этом современном противостоянии критических и нормативных медицинских и педагогических практик мне уже доводилось писать [Дуденкова 2014].

45

Совершеннолетие в контексте разных порядков признания

Если мы вслед за «теоретиками признания» попытаемся разметить порядки признания в качестве «систем организации социального опыта» [Ferguson 1991: 9], то можно усмотреть стертое в правовом поле различие: дети социально институционализированы не только как юные (*puer*), но и как дочери и сыновья (*filius*). Кроме правового порядка признания детей, с которого мы начинали обзор проблемы определения совершеннолетия, существует и другой порядок признания — назовем его свойским, семейным. Первичная социальная связь возникает не с абстрактным нормативным взрослым, педагогом или психологом, социальным работником, защищающим права детей, а со значимым взрослым, конкретным родителем; именно этот порядок признания является базовым. Не всегда интеллектуалы обращают внимание на это различие (хотя библиографические списки по проблеме определения детства сегодня включают десятки наименований), и очень немногие рассматривают его в своих работах целенаправленно.

Арендт в числе редких интеллектуалов, отмечающих особую роль порядка признания детей родителями. Она полагает, что освобождение детей, наделение их правами взрослых приводит к потере детьми связи с прошлым и их неуверенности в будущем. «Когда

детей эмансипировали от авторитета взрослых, их не освободили, а подчинили еще более страшному и тираническому авторитету — тирании большинства. Так или иначе, дети оказались изгнаны из мира взрослых... Ребенка надо защищать от мира, его исконное место — это семья, которая каждый день возвращается из публичного пространства к своей частной жизни, под охрану четырех стен. Они очерчивают пространство сокрытости, без которого ничего живое не может созреть. Это касается не только детской, но и вообще всякой человеческой жизни» [Арендт 2014: 277].

Левинас, один из самых сильных этико-ориентированных исследователей инаковости и критиков концепции субъективности, продумывает это смещение различия детства и зрелости в концепции плодovitости. Ребенок всегда остается для отца или матери ребенком, каким бы взрослым он ни был. Отношения с сыном или дочерью мыслится Левинасом как трансценденция транс-субстанциональности (в ребенке я вижу себя и одновременно являюсь другим). «Отцовство — различие в тождестве, структура, не предусмотренная формальной логикой. Отношение с ребенком — отношение с Другим, не власть, а плодovitость связывает нас с абсолютным будущим» [Левинас 1999: 127].

46

Может ли этот порядок признания транспонироваться в порядок правовой? Вероятно, нет. Хотелось бы присоединиться к французской исследовательнице Ирен Тери, которая в своих текстах о новых правах детей, опираясь на интеллектуальную традицию коммуитаризма, указывает, что проникновение права в ткань родственных отношений, не только разрушает чувство солидарности сообщества, но и приводит к инфляции самого права [Théry 1998]. В этом контексте предпочтительной метафорой является монетарность: в результате экспансии права в область родственного порядка признания обесценивается сама валюта прав. Например, Паоло Проди пишет о кризисе и даже самоубийстве права в момент его наивысшего триумфа: «в тот момент, когда позитивное право начинает полностью регулировать социальную жизнь, проникает во все аспекты жизни человека, которые до сих пор основывались на разноплановых нормах, общество костенеет и начинает саморазрушаться, потому что лишается возможности дышать, необходимой для его выживания». [Проди 2017: 10]. Расширение списка прав для детей является одним из аспектов «инфляции права», провоцирует скепсис по отношению к праву как порядку признания.

Чтобы раскрыть тему наиболее полно, мне хотелось бы сослаться на современную русскую литературу, работающую с темой детства и зрелости. Что может значить совершеннолетие с точки зрения родственного, свойского порядка признания? Этот сложный вопрос, равно как и различие между «нормативным», «педагогическим»

и «свойским», «родительским» порядком признания, поможет нам прояснить эзотерическая интерпретация романа Владимира Шарова «Будьте как дети».

Сюжетные линии романа завязаны на понимании детей как нового избранного народа, единственного революционного социального класса, радикального субъекта социальных изменений. Шаров [2009: 156] придумывает письмо Ленина Троцкому в мае 1922 года: «Миллионы сирот, бездомных, оставшиеся после мировой и Гражданской войн, после голода, тифа, после испанки и холеры, — есть истинный пролетариат. Он последний и самый пролетарский из пролетариатов, самый обиженный и беззащитный, но именно в нем спасение человека. Прежде, пытаясь себя оправдать, родители, поколение за поколением, силой принуждали детей идти дорогой греха, якобы иного не дано — эти же свободны и выберут добро. Наша всемирная революция — революция детей».

Автор неявно полемизирует с А. Макаренко, когда придумывает историю детской коммуны: по сюжету книги, в Таганроге создан большой интернат для беспризорников, начальство составляли бывшие гимназические кадры и отставные чекисты. Кроме сирот почти треть коммуны — дети местных коммунистов. «Поскольку партия смотрит на семью как на пережиток, тем, кто не заражен ее влиянием, открыта широкая дорога. В общем, коммуна — заведение привилегированное, сдать туда детей желающих немало» [Там же: 134]. 19 мая 1923 года в кузнице партийных кадров начинается волнение, группа старших воспитанников вооружается. Чекисты отказываются подавлять восстание: стрелять в своих детей никто не хочет.

Таким образом, ребенок становится автономным милитаризованным субъектом в той мере, в какой он освобожден от семейного порядка признания; взрослый продолжает быть им связанным и несет ответственность за ребенка. Заострим утверждение: ребенок как автономный агент действия, изъятый из «своейского» порядка признания и обладающий полнотой способностей в кантианском смысле, оказывается максимально потенцированным радикальным субъектом действия, быть может, тем самым сувереном политической философии. Этот наиболее революционный социальный класс является также и самым удобным инструментом биополитики, потому что его дееспособность обусловлена «голым» фактом рождения. Так арендтовская натальность трансформирует ребенка из безбидного аксолотля в автономный политический субъект.

В современных правовых определениях недееспособности несовершеннолетних сталкиваются два взаимоисключающих представления о возможности и способности, имеющих свои истоки в философии Канта и Аристотеля. Концептуальный конфликт обуславливает противоречивость определения ребенка как субъекта

права. Для аристотелевской парадигмы мышления о детстве ребенок является «всего лишь» возможностью взрослого, поскольку способность мыслится как возможность будущего. В той мере в какой кантианская антропология мыслит возможность как полноту самореализации субъекта в настоящем, в пределе — полную автономию, ребенок оказывается радикальным субъектом действия, обладающим не просто всей полнотой прав, но сам устанавливающий право.

Снять это напряжение и противоречие в какой-то мере позволяет калибровка порядков признания, но родственный порядок признания принципиально не нуждается в правовой регуляции. Эти промежуточные выводы объясняют многие парадоксы правового статуса ребенка, хотя вряд ли могут помочь определить законный возраст употребления алкоголя.

Библиография / References

Агамбен Дж. (2011) *Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь*, М.: Европа.

— Agamben J. (2011) *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*, М.: Европа. — in Russ.

48

Арендт Х. (2014) Кризис в воспитании. *Между прошлым и будущим*, М.: Институт Гайдара.

— Arendt H. (2014) *Between Past and Future*, М.: Institut Gajdara. — in Russ.

Аристотель (1976) *Сочинения*. т.1, М.: Наука.

— Aristotle (1976) *Works*, t.1, М.: Nauka. — in Russ.

Арбес Ф. (1999) *Ребенок и семейная жизнь при старом режиме*, Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.

— Aries P. (1999) *Centuries of Childhood: A Social History of Family Life*, Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo uniersiteta. — in Russ.

Делез Ж. (1998) *Логика смысла*, М.: Раритет.

— Deleuze G. (1998) *The Logic of Sense*, М.: Raritet. — in Russ.

Дуденкова И.В. (2014) Детский вопрос в социологии: между нормативностью и автономией. *Социология власти*, 3: 47-58.

— Dudenkova I.V. (2014) Children's question in sociology: between normative and autonomy. *Sociology of Power*, 3: 47-58. — in Russ.

Дуденкова И.В. (2015) Начинание, рождение, действие. Августин и политическая мысль Ханны Арендт. *Социологическое обозрение*, 14 (1): 105-119.

— Dudenkova I.V. (2015) Beginning, birth, action. Augustine and Hannah Arendt's Political Thought. *Russian Sociological Review*, 14 (1): 105-119. — in Russ.

Кант И. (1994) *Критика способности суждения*. М., Искусство.

— Kant I. (1994) *Critique of judgment*. М., Art. — in Russ.

Кант И. (1966) Критика практического разума. *Собрание сочинений в 6-ти томах*. Т.4. М.: Наука.

- Kant I. (1966) Critique of Practical Reason. *Collected Works in 6 Volumes*. T.4. М.: Science. — in Russ.
- Левинас Э. (2000) *Тотальность и бесконечное*. СПб.: Университетская книга.
- Levinas E. (2000) *Totality and Infinite*. SPb.: University book. — in Russ.
- Михайлова Я.Я., Сивак Е.В. (2018) Научное родительство? Что волнует родителей и какими источниками информации они пользуются. *Вопросы образования*, 2: 25-39.
- Mikhajlova YA.YA., Sivak E.V. (2018) Scientific parenting? What worries parents and what sources of information they use. *Education issues*, 2: 25-39. — in Russ.
- Рено А. (2002) *Эра индивида. К истории субъективности*, СПб.: Владимир Даль.
- Renaut A. (2002) *L'Individu: remarques sur la philosophie du sujet*, SPb.: Vladimir Dal'. — in Russ.
- Рикер П. (2010) *Путь признания: три очерка*, М.: РОССПЭН.
- Ricœur P. (2010) *The Course of Recognition*, М.: ROSSPEHN. — in Russ.
- Рикер П. (2005) *Субъект права*. Рикер П. *Справедливое*, М.: Гнозис-Логос.
- Ricœur P. (2005) Subject of law. Riker P. *The Just*, М.: Gnozis-Logos. — in Russ.
- Фуко М. (2011) *Управление собой и другими*. Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1982-1983 учебном году, СПб.: Наука.
- Foucault M. (2011) *Le Gouvernement de Soi et des Autr*, SPb.: Nauka. — in Russ.
- Хабермас Ю. (2002) *Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике?* М.: Весь мир.
- Habermas U. (2002) *The Future of Human Nature*, М.: Ves' mir. — in Russ.
- Шаров В. (2008) *Будьте как дети*, М.: Вагриус.
- Sharov V. (2008) Be like a children, М.: Vagrius. — in Russ.
- Agamben J. (1993) *Infancy and History: The Destruction of Experience*, London; New York: Verso.
- Archard D. (2015) *Children: Rights and Childhood*, London: Routledge.
- Archard D., Macleod C. (2002) *The Moral and Political Status of Children: New Essays*, Oxford: Oxford University Press.
- Arendt H. (1958) *The Human Condition*, Chicago: University of Chicago Press.
- Barnes C., Mercer G. (2010) *Exploring disability* [2nd edition]. Cambridge, Polity Press.
- Boltansky L. (1990) *Amour et la Justice comme competences*. Paris, Metaille.
- Davis L.J., ed. (1997) *The Disability Studies Reader*. Routledge.
- Derrida J. (2009) *The Beast and the Sovereign*. Vol. I, Chicago: University of Chicago Press.
- Derrida J. (2012) *The Beast and the Sovereign*. Vol. II, Chicago: University of Chicago Press.
- Eekelaar J. (1986) The Emergence of Children's Rights. *Oxford Journal of Legal Studies*, 6: 161-182.
- Ferry J-M. (1991) *Les Puissances de l'expérience*. Paris: Cerf.

Fraser, Honneth A. (2003) *Redistribution or Recognition: A Political-Philosophical Exchange*. Cambridge, UK.

Gheaus A., Calder G., Wispeleare J. de, eds. (2019) *Routledge Handbook of the Philosophy of Childhood and Children*, London: Routledge.

Glick E. (2012) Abilities and Know-How Attributions. Brown, Gekken (eds.), *Knowledge Ascriptions*, Oxford: Oxford University Press.

Hannan S. (2018) Why Childhood is Bad for Children? *Journal of Applied Philosophy* 35: 11–28.

Hays S. (1998) *The Cultural Contradictions of Motherhood*, New Haven: Yale University.

Honneth A. (1995) *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts*. Cambridge, UK.

Lareau A. (2011) *Unequal Childhoods Class, Race, and Family Life, With an Update a Decade Later*, University California Press.

Matthews G. (2009) *Philosophy and Developmental Psychology: Outgrowing the Deficit Conception of Childhood*, Siegel: 162–176.

Nelkin D. (2011) *Making Sense of Freedom and Responsibility*, Oxford: Oxford University Press.

Stanley J. (2011) *Know How*, Oxford: Oxford University Press.

50

Thery I. (1998) *Couple, filiation et parente aujurd'hui / Le droit face aux mutation et de la vie privée*, Paris, Odile Jacob.

Winnicott D.W. (1964) *The Child, the Family, and the Outside World*. Harmondsworth.

Withers A. (2012) *Disability Poilitics & Theory*, Halifax, Fernwood.

Рекомендация для цитирования

Дуденкова И.В. (2019) Что значит быть несовершеннолетним? *Социология власти*, 31 (1): 30–50.

For citations:

Dudenkova I.V. (2019) What Does it Mean to Be a Minor? *Sociology of Power*, 31 (1): 30–50.

Поступила в редакцию: 26.01.2019; принята в печать: 07.02.2019

Received: 26.01.2019; Accepted for publication: 07.02.2019

АЛЕКСАНДР В. ХРАМОВ

ОЦАД, Москва, Россия

Усмирение дикаря: теистические эволюционисты XIX века о детях и воспитании

doi: 10.22394/2074-0492-2019-1-51-70

Резюме:

В статье представлен анализ суждений теистических эволюционистов XIX века о детстве и воспитании в контексте истории эволюционной мысли. К теистическим эволюционистам относят мыслителей, понимавших эволюцию не только как естественный процесс, но и как проявление творческой активности Бога. Автор демонстрирует, что в своем понимании детства теистические эволюционисты фактически возвращаются к пуританской модели, в соответствии с которой детям от рождения свойственна испорченность, а функция воспитательного процесса состоит в том, чтобы вывести их из этого состояния и приобщить к морали и цивилизации. В отличие от пуритан к подобному выводу теистических эволюционистов, которые по большей части отрицали учение о первородном грехе, подтолкнул не религиозный, а научный фактор. Ключевую роль в понимании детства у теистических эволюционистов, как и у других представителей эволюционистского лагеря, сыграла теория рекапитуляции. Согласно этой теории, в процессе индивидуального развития организм повторяет эволюционную историю своих предков. Отсюда эволюционисты заключали, что ребенок в первые годы жизни находится на стадии дикости и варварства, через которую прошло все человечество. Как показывает автор, первым, кто еще в додарвиновскую эпоху взглянул на проблему воспитания детей в свете теории рекапитуляции, был теистический эволюционист Роберт Чемберс. В работах позднейших теистических эволюционистов не раз встречается утверждение, что дети — маленькие дикари, чьи животные инстинкты подлежат усмирению и контролю. Как показано в статье, подобные взгляды органично вписываются в более широкую традицию понимания детства, сложившуюся в рамках западной цивилизации Нового времени.

51

Храмов Александр Валерьевич — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Палеонтологического института РАН, соискатель кафедры богословия и литургии Общecerковной аспирантуры и докторантуры им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Научные интересы: история эволюционной мысли, взаимоотношения науки и религии, теория национализма, постколониальные исследования, исследования детства. E-mail: a-hramov@yandex.ru

Ключевые слова: детство, теория эволюции, Дарвин, рекапитуляция, расизм, психология

Alexander V. Khramov

SS Cyril and Methodius School, Moscow, Russia

Taming the Savage: The 19th-Century Theistic Evolutionists on Children and Education

Abstract:

The aim of the paper is to analyze the positions on children and education expressed in the writings of the 19th-century theistic evolutionists in the general context of the history of evolutionary thought. Theistic evolutionists considered evolution not as an exclusively natural process, but as a creative activity on the part of God. The author shows that theistic evolutionists in fact returned to the Puritan understanding of childhood, which assumes that a child is wicked from the very moment of his birth and that the principal end of education is to free him from this state and show him the way to moral life and civilization. However, most of the theistic evolutionists rejected the traditional doctrine of original sin. Thus, their conclusion about the depravity of children was based not on religious — but on scientific grounds. The understanding of childhood in theistic evolutionism, as well as in evolutionism in general, revolved around the theory of recapitulation. The theory states that an organism — in the course of its individual development — repeats the evolution of its ancestors. Theistic evolutionists concluded from this theory that a child lives in a state of savagery and barbarism during his first years, much like the whole human race used to do many thousand years ago. The author demonstrates that Robert Chambers, an early theistic evolutionist, was the first to look at the problem of child education from the point of view of recapitulation theory. Theistic evolutionists of the later period repeatedly reaffirmed that children were no more than little savages whose animal impulses need to be tamed and kept under control. The author points out that these ideas fit quite well with more general notions of childhood as these emerged in the Western civilization of the modern era. While the theistic evolutionists were not wholly original in their application of recapitulation theory to children, they made an important contribution to the development and popularization of this attitude. In particular, the theistic evolutionist Robert Chambers was the first who came to assess child development from the evolutionary point of view.

Keywords: childhood, theory of evolution, recapitulation, racism, psychology

Alexander V. Khramov — PhD in biology, postdoctoral researcher at the Paleontological Institute of the Russian Academy of Sciences, PhD student at the SS Cyril and Methodius School of Post-Graduate and Doctoral Studies. Research interests: history of evolutionary biology, the relationship between science and religion, nationalism studies, postcolonial studies, childhood studies. E-mail: a-hramov@yandex.ru

27 Д екабря 1839 года в лондонском доме на Гауэр-стрит в семье Эммы и Чарльза Дарвина родился первенец. Маленький Уильям Эразм — так нарекли новорожденного — стал одним из немногих детей викторианской эпохи, жизнь которых известна нам до мельчайших подробностей. Например, в первую неделю Уильям зевал, икал и потягивался как старичок. В возрасте шести недель и четырех дней улыбался при виде маминого и папиного лица. В возрасте двенадцати недель сжал левой рукой свою бутылочку. Все эти сведения можно почерпнуть в дневнике наблюдений, который Чарльз (не без помощи супруги) вел на протяжении первых двух первых лет жизни сына. Позднее Дарвин использовал этот дневник при подготовке книги «Выражение эмоций у человека и животных» (1872) и статьи «Биографический очерк одного ребенка» (1877).

Пристальный интерес родоначальника современной эволюционной теории к проблематике детства отнюдь не случаен. Уже первые эволюционисты, включая его деда Эразма Дарвина, проводили параллели между индивидуальным развитием человека из одноклеточного зародыша и эволюцией земной жизни, начинающейся с одноклеточных форм. В детях видели переходное звено между животным и человеческим началом, пытались распознать в них отголоски первых этапов истории нашего вида. Иначе говоря, фигура ребенка занимала одно из центральных мест в эволюционистском дискурсе. С одной стороны, дети рассматривались как ключ к постижению эволюции, и, с другой стороны, эволюционизм также накладывал отпечаток на восприятие детства [Humes 1983].

53

В рамках одной статьи невозможно рассмотреть весь спектр эволюционистской мысли в его отношении к детству, поэтому я ограничусь лишь одной, но достаточно важной его частью — представлениями теистических эволюционистов¹. К ним можно отнести авторов, которые рассматривали эволюцию как проявление активности Бога-Творца. По их мнению, Бог так или иначе предопределил результаты эволюционного процесса, в первую очередь появление человека. Поскольку во времена Дарвина религиозный фактор играл в интеллектуальной жизни куда большую роль, чем сегодня, теистический эволюционизм был весьма востребован не только среди богословов, но и среди ученых. Сторонниками теистического эволюционизма являлись даже ближайшие соратники Дарвина, на-

1 До сих пор отношение теистических эволюционистов к проблематике детства практически не становилось предметом специального рассмотрения. Единственная известная мне работа на эту тему [Starley, 2007] посвящена повести «Дети вод» Чарльза Кингсли (1819-1875), англиканского священника и соратника Дарвина.

пример, британский натуралист Альфред Уоллес и американский ботаник Аза Грей [Храмов 2013].

Монголоид в колыбели

Детская тема отчетливо прозвучала уже в первом произведении этого направления, опубликованном анонимно трактате «Следы естественной истории творения» (1844), который принадлежал перу Роберта Чемберса (1802–1871), издателя и журналиста шотландского происхождения. Надо сказать, что Чемберс был не только первым теистическим эволюционистом, но и первым, кто заставил английское общество всерьез заговорить об органической эволюции. Учитывая, что «Происхождение видов» было опубликовано в 1859 году, Чемберс опередил Дарвина на 15 лет. Став настоящей сенсацией, «Следы» только за первые 16 лет выдержали 11 изданий, и вплоть до 1889 года по совокупному тиражу этот трактат превосходил «Происхождение видов». Альфред Уоллес признавался, что именно «Следы» обратили его внимание на существование эволюции; Дарвин в предисловии, добавленном к третьему изданию (1861) «Происхождения видов», также отмечал заслуги автора «Следов» в деле распространения эволюционных идей в Англии [Schwartz 1990].

В «Следах» утверждалось, что эволюция как неорганической, так и живой материи разворачивалась согласно предзаданному божественному плану. Вместо того чтобы «вмешиваться каждый раз, когда требовалось вызвать к существованию очередную устрицу или рептилию» [Chambers 1844: 154], писал Чемберс, «Вечное Существо заранее все устроило и доверило все действию учрежденных им законов, Само вечно присутствуя во всех вещах» [Ibid.: 185]. Чемберс постоянно сравнивал эволюцию жизни в целом с развитием эмбриона, тем самым давая понять, что она столь же детерминирована и подчинена закону неуклонного совершенствования. «Страницы геологической летописи никогда не были чем-то большим, чем стадиями в прогрессировании внутриутробного развития, событием столь естественным и столь же мало сопровождаемым удивительными и необычными обстоятельствами, как и безмолвный прогресс, [происходящий в утробе] обычной матери с каждой неделей ее беременности» [Ibid.: 223].

Джеймс Секорд отмечает, что тема беременности и внутриутробного развития, которая пронизывает «Следы», была связана не только с теоретическими соображениями, но и с обстоятельствами личной жизни Чемберса, который жил в доме, полном детьми, и с вечно беременной женой. [Secord 2000: 96]. Чемберс был столь же многодетен, как и Дарвин: не считая умерших во младенчестве, у первого было девять, а у второго — восемь детей. И если Дарвин

в связи с рождением первенца завел особый дневник наблюдений, то Чемберс по этому случаю написал стихотворение «К маленькому мальчику», которое появилось в 1835 году в одном из литературных журналов Эдинбурга.

Согласно Чемберсу, эволюция идет вперед скачками за счет поэтапного удлинения эмбриогенеза (см. рис. 1, слева). Например, у рыб развитие зародыша доходит только до некоей поворотной точки А, общей для всех позвоночных животных, и затем идет по рыбьему типу (от А до F). Но в определенный момент эволюции у некоторых рыб эмбриональное развитие перескочило точку А и продлилось до следующей поворотной точки С, и из их яиц вышли уже более высокоразвитые существа — рептилии. Затем к эмбриональному развитию рептилий добавился еще один этап (от С до D), в результате чего рептилии породили птиц. Иными словами, в представлении автора «Следов» существует универсальная схема эмбрионального развития, состоящая из последовательных стадий, ведущих к типу организации, характерному для млекопитающих. Зародыши менее продвинутых существ не успевают пройти все стадии и сворачивают с этой магистральной дороги раньше. Поэтому рыбы — это в каком-то смысле недоразвитые рептилии, рептилии в свою очередь — это недоразвитые птицы, а птицы — это млекопитающие-недоноски.

55

Точно в таком же ключе Чемберс рассматривал и развитие человеческого зародыша (см. рис. 1, справа). «Наш мозг проходит через различные стадии, характерные для мозга рыбы, рептилии и млекопитающего и в итоге становится мозгом человека. Более того, после завершения животных трансформаций, он последовательно усваивает характеристики, свойственные для негроидной, малайской, американской и монголоидной народностей, и в итоге становится мозгом белого человека» [Chambers 1844: 306]. Соответственно представители низших рас, считает Чемберс, рождаются как бы раньше срока, не пройдя всех стадий зародышевого развития. «Негр демонстрирует неизменно несовершенный мозг, выступающую нижнюю челюсть и худые согнутые конечности, типичные для ребенка белой расы задолго до его рождения. Американский абориген являет собой это же дитя, но незадолго до рождения. Монгол — это новорожденный, остановившийся в развитии» [Ibid.: 307].

Ссылаясь на французского эмбриолога Этьена Серра (1786–1868), который, впрочем, не был сторонником теории эволюции, Чемберс перечислял монголоидные черты, характерные для новорожденного белой расы: плоское лицо, широкий гладкий лоб и глаза, смещенные к краям головы. По его мнению, полное отсутствие бороды у негров и американских индейцев и ее слаборазвитость у монголов также свидетельствует о том, что эти расы застряли

на низших стадиях развития, соответствующих раннему детству [Ibid.: 307]. Из этой концепции напрашивался расистский вывод в духе тогдашних колониалистских практик, что представители неевропейских народностей — это эмбрионы или в лучшем случае новорожденные дети в обличье взрослого человека, неспособные управлять собой. Но концепция Чемберса имела и обратную сторону, ведь из нее следовало, что дети самих европейцев — как минимум до появления полноценной растительности на лице — несут сходство с примитивными предками. В лице новорожденного в мир респектабельной викторианской семьи вторгается плосколицый монгол, чуждая раса, которая подлежит укращению и инкультурации.

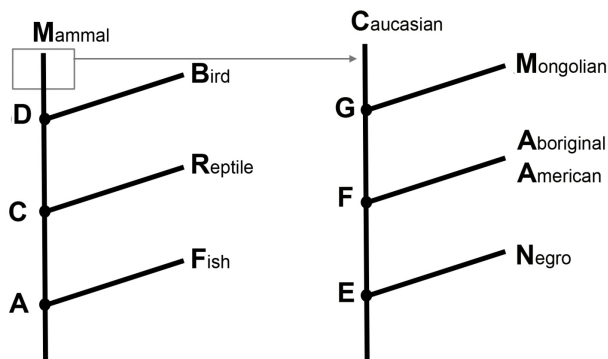

Рис. 1. Слева — общий ход эмбрионального развития позвоночных животных, соответствующий их эволюционной истории. Эта схема приведена непосредственно в «Следах» [Chamber 1844: 212]. Справа — схема завершающих этапов развития человеческого зародыша, которую можно реконструировать, исходя из словесного описания Чемберса.

Fig. 1. On the left — general course of the embryonic development of vertebrates, which corresponds to their evolutionary history. This scheme was published in «Vestiges» [Chamber 1844: 212]. On the right — scheme of the final stages of human embryo development, which can be reconstructed from the verbal description given by Chambers.

В вышеупомянутом стихотворении «К маленькому мальчику» Чемберс [Chambers 1835: 70] делится опасением, что невинность ребенка по мере его взросления может уступить место испорченности, и его душа окажется осквернена подобно скинии Завета, оскверненной языческими ритуалами. «Оставайся светлым и невинным, мой любимый малыш», — молит он сына. Но в «Следах» возникает уже совсем иное понимание детства. Согласно этому пониманию, дети появляются на свет отнюдь не в состоянии невинности, которому угрожает соприкосновение с внешним миром.

Напротив, дети рождаются дикарями, свирепыми монголами, изначальноную необузданность которых может укротить лишь длительное воспитание. «В раннем детстве все порывы беспорядочны, ребенок жесток, лукав, лжив и поддается малейшему искушению, но со временем он учится контролировать эти наклонности, у него в привычку входит быть гуманным, искренним и честным», писал Чемберс [Chambers 1844: 355], уподобляя взросление процессу исторического развития: «точно так же и человеческое общество на самых ранних стадиях бывает кровавым, агрессивным и вероломным, но со временем становится справедливым, правдивым и доброжелательным» [Ibid.].

Дети — наряду с сумасшедшими — в понимании автора «Следов» как бы возвращают нас в прошлое, будучи живой иллюстрацией пройденных этапов эволюции. Ссылаясь на врача из Хэнвелльской психиатрической лечебницы для бедных, Чемберс указывал, что ненормальные признаки умственной деятельности ее пациентов «сильно напоминают определенные здоровые проявления животных, стоящих ниже по уровню организации, и каждый должен был наблюдать как часто действия детей, особенно во время игры, и там, где затронуты их эгоистические чувства, имеют сходство с действиями тех или иных привычных нам животных» [Ibid.: 346-347]. Отталкиваясь, похоже, от опыта собственной семейной жизни, Чемберс напоминал читателям, что дети, как и собачки, прячут от сверстников лакомые кусочки под ковер и в другие укромные места, чтобы потом съесть их в более благоприятный момент. Иными словами, ребенок — это не ангел, а маленькое животное. Именно этому представлению было суждено восторжествовать с наступлением дарвиновской эпохи.

57

Дикарь в детской

В отличие от Чемберса и других теистических эволюционистов, которые считали, что эволюция носит прогрессивный характер, поскольку в ней реализуется божественный план, Дарвин был весьма скептически настроен по отношению к идее прогресса. Он не считал возможным, как это делал Чемберс со смелостью дилетанта, выстраивать в единую восходящую линию различные классы живых существ (рыба — рептилия — птица — млекопитающее) или человеческие расы (негр — американский индеец — монголоид — белый человек). Тем не менее построенная на этой идее теория рекапитуляции, согласно которой организм в индивидуальном развитии последовательно повторяет этапы, пройденные в ходе эволюции его предками, в теистическом эволюционизме — и в значительной мере в эволюционизме в целом — стала руководящей нитью для осмысле-

ния детства. Однако если у Чемберса упор был сделан на чисто антропометрические характеристики, то последующие теистические эволюционисты говорили главным образом о том, что дети воспроизводят культурные и поведенческие паттерны, характерные для первых этапов эволюции человечества.

«Путь развития каждого вида, которому он следовал на протяжении эпох, более или менее отчетливо отражается в том пути, которому следует эмбрион или молодь данного вида», писал американский пастор-конгрегационалист Майрон Адамс (1841-1895), рассуждая о сходстве головастика лягушки с рыбой. Это умозаключение он немедленно переносил на детей: «ребенок повторяет в миниатюре историю своей расы. Раса в начале невежественна, аморальна и, следовательно, не несет моральной ответственности» [Adams 1893: 67]. Ему вторил другой американский богослов, унитариянин Майнот Севидж (1841-1918): «каждый ребенок до своего рождения в процессе развития проходит по каждой ступени животной жизни, от самой низшей до самой высшей. Тем самым человек повторяет и принимает в себя всю жизнь ниже себя. Каждый родившийся ребенок снова проходит весь путь развития (progress) жизни на Земле» [Savage 1897: 85-86].

58

Отсылки к заморским дикарям и примитивным культурам прошлого превращаются в инструмент интерпретации поведения современных европейских детей. Как писал Севидж (по иронии судьбы его фамилия переводится как «дикарь»), «после своего рождения каждый ребенок начинает свою жизнь как животное, и через варварство вырастает к цивилизованному состоянию культуры и образования. Игрушки ребенка — суть копии варварских орудий, таких как дубинка, лук, стрела и копье; игры детей в детской, на тротуаре и на школьной площадке копируют древние религиозные ритуалы, их бессмысленные рифмы и формулировки — это остатки величественных церемоний Старого Света» [Ibid.: 87].

Этого же подхода к пониманию детства с некоторыми оговорками придерживался английский ботаник и англиканский священник Джордж Генсло (1835-1925). Его отец, тоже ботаник и священник, Джон Генсло (1796-1861), был учителем Дарвина и симпатизировал эволюционному учению последнего, однако сам Джордж выступал с резкой критикой теории естественного отбора. Впервые с идеей эволюции, как и многие другие теистические эволюционисты второй половины XIX века, Генсло познакомился на страницах «Следов», и в его понимании развитие жизни на Земле, направляемое Богом, было целенаправленным и планомерным. Подобно Альфреду Уоллесу, Генсло считал, что человек не мог произойти от обезьяноподобных предков без вмешательства Бога, и потому отвергал высказывавшееся Дарвином предположение, что дети в раннем возрасте напоминают приматов.

Дарвин указывал, что маленькие дети, если их рассердить, выпячивают губы и издают звуки, как это делают в аналогичном состоянии духа человекообразные обезьяны: «ничего необычного нет и в том, что животные в раннем возрасте более или менее полно сохраняют, а впоследствии утрачивают характерные черты, которыми первоначально обладали их взрослые предки» [Дарвин 1953: 834]. Генсло, напротив, подчеркивал, что детей нельзя воспринимать как маленьких обезьянок, это полноценные люди с самого рождения. «Более внимательный анализ не дает нам ничего, что бы иллюстрировало какую-либо переходную ступень между лопотанием обезьяны и разумными высказываниями, сколь бы слабо они ни были выражены, двухлетнего или даже восемнадцатимесячного ребенка» [Henslow 1873: 116]. Особенности развития детского интеллекта, подчеркивает Генсло, говорят о существовании непреодолимой грани между человеком, созданным по образу и подобию Божьему, и всем остальным животным миром.

Но в то же время, подобно Адамсу и Севиджу, Генсло не видел ничего зазорного в том, чтобы отождествлять дикарей и детей, и такое сближение отнюдь не добавляло положительных моментов к характеристикам обеих групп. «Необразованный дикарь в своих лучших представителях вполне сравним с современным европейским ребенком. Тем самым [развитие] интеллектуальных способностей остановилось на стадии, характерной для ребенка, в тех дикарях, что не могут выйти за пределы элементарного счета. Современный школьник, как правило, подобно дикарю, восхищается физической силой и животной храбростью, но мало ценит моральную силу, обладающую большей значимостью», — отмечал Генсли. «Правдивость считается священной лишь среди немногих дикарей, и то же самое можно сказать про мальчиков» [Ibid.: 117].

59

Сравнение с дикарями неизменно выявляло лишь негативные черты детского характера и никогда не давало повода сказать о нем что-то хорошее. В итоге в сочинениях теистических эволюционистов вырисовался весьма мрачный образ ребенка как лживого, жестокого, необузданного и примитивного существа. «В самых низших расах, если не считать страха, наблюдается общая нехватка эмоциональных качеств, состояние, которое напоминает одну из стадий детства в наиболее совершенном человечестве» [Cope 1887: 387-388], писал видный американский палеонтолог и теистический эволюционист Эдвард Коуп (1840-1897), взгляды которого на механизмы эволюции, кстати, поначалу мало чем отличались от взглядов Чемберса.

Отношение теистических эволюционистов к детству нашло, пожалуй, наиболее яркое выражение в одной из проповедей американского конгрегационалиста Генри Бичера (1813-1887). Соратник

президента Линкольна, Бичер был одним из известнейших ораторов и общественных деятелей своего времени. Среди прочего он посвятил немало усилий пропаганде эволюционной идеи в религиозных кругах. В проповеди, посвященной учению о первородном грехе, Бичер увещевал прихожан: «вы должны поначалу обходиться с вашим ребенком как с животным. Конечно, в стихах дети всегда зовутся “ангелами”, но те, кто занимается воспитанием детей, так их не назовут. Вы очень хорошо знаете, что с ребенком нужно обращаться как с маленьким необученным зловредным животным. Чем сильнее ребенок одарен по части интеллекта и силы воли, тем более несносным в начале является маленькое животное. Первоначально вы должны обращаться с ребенком, используя в своем роде медицинскую контр-стимуляцию, вы исправляете его не посредством рассудка, а посредством ладони вашей руки, с помощью контр-стимуляции, которая отучает от эгоизма или неповиновения» [Beecher 1885: 85].

60

Этот подход к воспитанию детей заставляет вспомнить о воспитательных практиках пуритан раннего Нового времени, девизом которых была знаменитая библейская фраза: «кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его» [Притчи 13:24]. В свете учения о первородном грехе, основополагающего для кальвинистского богословия, проблема изначальной детской испорченности выходила на первый план. По словам Лоуренса Стоуна, решение этой проблемы пуритане искали в «самом безжалостном подавлении воли [ребенка] и его полном подчинении родителям, учителям и другим вышестоящим авторитетам» [Stone 1977: 406]. Как писали пуритане Роберт Кливер и Джон Дод в своем руководстве «Богоугодный способ управления домохозяйством» (1621), «маленький ребенок, лежащий в колыбели, и своенравен, и полон страстей, и хотя у него крошечное тельце, он имеет греховное сердце и всецело склонен ко злу» (цит. по [Illick 1974: 316]). Вопреки моде на руссоистские идеи пуританская модель в Англии оставалась на плаву еще в конце XVIII века. Так, английская религиозная писательница Ханна Мор (1745-1833) в трактате «Критические замечания о современном женском образовании» (1799) настаивала: «разве это не фундаментальная ошибка видеть в детях невинных существ, чьи маленькие недостатки, возможно, нуждаются в некоторой корректировке, а не существ, которые приходят в мир с испорченной природой и дурными наклонностями, в исправлении которых состоит великая задача воспитания?» [More 1841: 323].

Фактически теистические эволюционисты воспроизводили точно такое же понимание детства в духе сурового кальвинизма двухвековой давности. Но при этом парадоксальным образом многие

из них выступали с резкой критикой учения о первородном грехе. Эволюция, направляемая Богом, понималась теистическими эволюционистами как движение поступательного прогресса от низшего к высшему. Эта идея была несовместима с представлением о том, что человек в далеком прошлом лишился изначального совершенства. Как писал Севидж [Savage 1897: 205], «ложность учения о грехопадении человека полностью доказана, сегодня установлена истинность прямо противоположного утверждения. Человечество никогда не претерпевало падения». Ему вторил Бичер [Beescher 1885: 139]: «эволюция изгонит из мира манихейскую доктрину, идею, что человек проклят из-за грехопадения мифического прародителя, что это грехопадение испортило самое его тело и кровь, и кости, и что человек унаследовал испорченность, и что его плоть испорчена сама по себе».

Следовательно, представление теистических эволюционистов о детях как о необузданных дикарях и зловредных животных было лишено религиозной подоплеки, вопреки тому, что может показаться на первый взгляд. Оно проистекало из другого, чисто светского источника, и коренилось в научных идеях XIX века, прежде всего в вульгаризованной версии теории рекапитуляции¹. Теория эволюции, в других аспектах вошедшая в противоречие с традиционным религиозным миропониманием, в своих выводах относительно природы детства удивительным образом с ним совпала. Это станет особенно очевидно, если мы обратимся уже не к теистическим, а к светским эволюционистам XIX века и их высказываниям о детстве и детях.

61

Преступные пигмеи

Вряд ли будет преувеличением сказать, что наиболее известным и читаемым эволюционистом во второй половине XIX века — как минимум в англоязычных странах — был не Дарвин, а британский мыслитель Герберт Спенсер (1820–1903). Если Дарвин ограничивался рассмотрением эволюции живых существ, то Спенсер, подобно Чемберсу, положил в основу своей философии идею универсальной эволюции, начиная космологией и заканчивая социологией. Подобно Чемберсу, и во многом вопреки Дарвину, Спенсер говорил о неуклонной прогрессивной тенденции, которая присуща эволюции материи. Во многом именно благодаря этому философия Спенсера пользовалась большой популярностью у теистических

1 О влиянии теории рекапитуляции на викторианскую педагогику в целом см. [Starley 2007].

эволюционистов, включая вышеупомянутых Бичера и Севиджа [Moore 1979: 220, 229]. Тем не менее Спенсер, в целом сочувственно относясь к религии (точнее, ко всем мировым религиям), проповедовал агностицизм, ставя на место христианского Бога анонимное Непознаваемое (The Unknowable). В этом смысле он был даже дальше от теистического эволюционизма, чем сам Дарвин, который в своих сочинениях старался обходить молчанием религиозную проблематику.

Но если взглянуть на то, как Спенсер оценивал детство, то мы едва ли увидим разницу между ним и теистическими эволюционистами. В статье «Моральное воспитание» (1858), позднее вошедшей в состав сборника «Эссе о воспитании и сходных вопросах» (1861), Спенсер предостерегал: «не ожидайте от ребенка большой нравственной добродетели. В ранние годы каждый цивилизованный человек проходит через стадию развития, свойственную тому варварскому роду, от которого он произошел. Как и черты ребенка, такие как плоский нос, ориентированные вперед (forward-opening) ноздри, большие губы, широко расставленные глаза, отсутствие лобной пазухи и т. д., некоторое время напоминают черты дикаря, то же можно сказать и о его инстинктах» [Spencer 1896: 205-206]. Утверждение Спенсера о краниометрическом сходстве детей и дикарей очень похоже на рассуждения Чемберса на этот счет. Вполне возможно, что Спенсер прямо позаимствовал эту мысль у Чемберса; известно, что он был хорошо знаком со «Следами» и в 1845 году даже рекомендовал эту книгу к прочтению в одном из писем к знакомому [Secord 2000: 488].

Как и теистические эволюционисты, Спенсер развивает мысль о сходстве дикарей и детей применительно и к особенностям поведения последних: «отсюда [по причине рекапитуляции — А.Х.] и склонность к жестокости, воровству, лжи, столь распространенные среди детей — склонности, которые даже без помощи наказаний [по мере взросления] более или менее видоизменяются, подобно чертам лица. Популярный взгляд на детей как на “невинных” созданий, который может быть вполне справедлив в плане знания о зле, абсолютно ложен в том, что касается злых побуждений, как это станет ясно каждому, кто проведет хотя бы полчаса в детской. Мальчики, если их предоставить самим себе, как это происходит в школе-пансионе, обращаются друг с другом с гораздо большей жестокостью, чем взрослые мужчины, и если их предоставить себе в еще более раннем возрасте, их жестокость будет еще более очевидна» [Spencer 1896: 206].

Английский психиатр Генри Модсли (1835-1918), ссылки на которого не раз встречаются в сочинениях Дарвина, был одним из первых, кто привлек теорию эволюции для объяснения пси-

хических болезней. Его взгляды на природу детства был столь же жесткими, как у теистических эволюционистов. Как писал Модсли [Maudsley 1880: 281], «разговоры о чистоте и невинности детского сознания — это элемент поэтического идеализма и намеренного лицемерия, посредством которого люди игнорируют реальность и наслаждаются праздными мечтами; в той мере, в какой чистота существует, она свидетельствует о недостатке ума, порывы, которые в реальности управляют ребенком — это эгоистичные порывы страсти. На тех же основаниях можно было бы испытывать энтузиазм по поводу невинности сознания собаки». Модсли приводит слова Платона: «мальчик — это самое порочное из диких животных», отмечая, что на самых первых ступенях интеллектуального развития действуют самые низкие страсти. В понимании Модсли случаи детского сумасшествия — это не исключение из правил, а, наоборот, своеобразное окно, через которое мы можем заглянуть в клокочущий водоворот страстей, скрывающийся внутри любого ребенка. Модсли рассказывает об умственно неполноценных детях, которые мучают котов, убивают канареек, похотливо трутся гениталиями о мебель, в своем лице возвращая человечество на уже пройденные этапы эволюции, когда царили жестокость и слепой половой инстинкт. Дети-сумасшедшие выявляют тот потенциал разрушения, который несет в себе каждый ребенок, да и каждый человек в целом [Ibid.: 295-296].

Взгляды Модсли на детство перекликаются и с концепциями итальянского психиатра и криминалиста Чезаре Ломброзо (1835-1909). Он рассматривал преступников как дегенеративный тип, который откатился назад к пройденным этапам эволюции. Дети, считал Ломброзо [2005: 184], повторяют в своем развитии весь путь эволюции человечества и потому в первые годы жизни они на какое-то время встают на ту же ступеньку животности и дикости, на которой взрослые преступники пребывают постоянно: «дети — это временные преступники, (которые) легко забывают свои дурные поступки». Ломброзо писал об экстремальной завистливости детей, которые иногда всовывают нож в руки родителей, требуя убийства своих соперников. Дети отличаются пониженной чувствительностью, подобно преступникам, любят мучить животных слабее себя. Склонность к гневу, доходящая до битья людей и всего остального, писал Ломброзо, доводит ребенка «до состояния дикаря, приходящего в ярость во время охоты за бизонами» [Там же: 156]. Впрочем, при условии правильного воспитания и отсутствия дурной наследственности у ребенка «преступные наклонности атрофируются, подобно тому, как в хорошо, правильно развивающемся теле атрофируются органы зародышевой жизни» [Там же: 157]. Но, отмечает Ломброзо, неправильное воспитание может задержать

нравственное перерождение, и тогда дети перенесут преступные инстинкты во взрослую жизнь, подобно тому, как головастики лягушек и тритонов в очень холодной воде не проходят последнюю стадию превращения. Точно такие же отсылки к дикарям и к развитию амфибий в связи с детской проблематикой, как мы видели, встречаются и у теистических эволюционистов.

Некоторые теистические эволюционисты высказывались в русле Ломброзо, как, например, английский зоолог Уильям Карпентер (1813–1885), большой поклонник «Следов». «Детское состояние, — писал он, — одинаково для всех человеческих рас, и детская природа повсюду проявляется в сущности одним и тем же образом, но если приостановка в развитии приводит некоторые расы к тому, что эта [детская] природа сохраняется на протяжении всей жизни, то другие расы представляют восходящий ряд стадий [развития], завершающийся в том, что считается высшими результатами умственной и нравственной культуры. Но даже среди в целом наиболее развитых рас мы находим не просто отдельных лиц, но устрашающе большое количество тех, в ком дурная наследственность, и порочное окружение поощряет низшую животную природу в ущерб подлинно человеческому началу, в результате чего возникают создания, которые в моральном отношении стоят гораздо ближе к зверям, чем к более возвышенным типам человечества» [Carpenter 1889: 406]. Из этих слов видно, что, как и Ломброзо, Карпентер с легкостью перекидывает мостик от детей к заокеанским «низшим расам», а от них — к европейским преступникам. И те, и другие остановились в развитии и не смогли преодолеть в себе животную природу детства.

Таким образом, можно констатировать, что теистические эволюционисты были не слишком оригинальны в своем понимании детства как периода дикости и варварства, воспроизводящего в миниатюре пройденный этап эволюции человечества. Скорее, их высказывания на эту тему следует рассматривать в рамках более широкого движения в сторону «демонизации» детей, активно происходившего под эгидой теории эволюции, но начавшегося еще задолго до Дарвина, о чем будет сказано чуть ниже. Дополненная представлениями о рекапитуляции и дегенерации, теория эволюции способствовала тому, что вокруг детства сгустилась атмосфера подозрительности. Считалось, что каждый ребенок вносит в цивилизованный мир элемент животной дикости, и, если его не обуздать, это угрожает крахом всей цивилизации.

Эта установка во второй половине XIX — начале XX века прямо или косвенно оказала колоссальное влияние на все аспекты воспитания детей, начиная от детской литературы [Keagney, 1986] (вспомнить хотя бы, что Джеймс Барри, создатель Питера Пэна, в каче-

стве страны детства изобразил остров, населенный кровожадными пиратами, индейцами и мальчиками, одетыми в медвежьи шкуры) и заканчивая вопросами гигиены. Например, эволюционистская аналогия между детьми и дикарями стала одним из дополнительных стимулов для продолжения борьбы с детским онанизмом, после того как его экстремальные медицинские последствия, о которых писали Сэмюэль Тиссо и другие авторы XVIII в., были поставлены под сомнение. В этой связи можно вспомнить американского психолога Грэнвилла Холла (1844–1924), которого иногда называют отцом подростковой психологии. В предисловии к своему двухтомнику «Подростковый возраст и его психология» (1904) он прямо обозначает, что в основе его подхода к проблемам детей и подростков лежит теория рекапитуляции [Hall 1904: viii]. Холл полагал, что дети в плане своего ментального и физического развития соответствуют пигмеям, от которых, по его предположению, ведет начало современное человечество. «То, что взрослый современный человек был когда-то пигмеем и что мальчик по своему росту и весу являет собой нашего отдаленного предка, недоказуемо не в большей мере, в какой нельзя опровергнуть, что он произошел от вымершего антропоида размером с одну из наших некрупных человекообразных обезьян. В самом деле, в процессах эволюции длинные филогенетические стадии могут быть представлены небольшими онтогенетическими, и наше детство может быть аналогично уменьшившемуся рудиментарному органу» [Ibid.: 48–49].

65

Сходство между пигмеями-дикарями и детьми, согласно Холлу, простирается вплоть до полной взаимозаменяемости: «мальчик 10–11 лет весьма неплохо приспособлен к условиям дикарской жизни теплой страны, где бы он легко мог выжить независимо от своих родителей, добывая все необходимое для жизни и будучи лишенным только репродуктивной функции» [Ibid.: 44]. Получается, единственное, что отличает ребенка от полноценного дикаря, — это отсутствие возможности жить половой жизнью. Именно благодаря этому ребенок может сосредоточиться на интеллектуальном и моральном развитии и преодолеть фазу дикости. Но если половые органы ребенка заработают преждевременно, то такое развитие сделается невозможным, и он навеки останется на уровне дикаря. Поэтому, считал Холл, с онанизмом все равно следует бороться, пусть даже он непосредственно не угрожает здоровью ребенка. Дело обстоит куда хуже — онанизм угрожает всей цивилизации, препятствуя обузданию и воспитанию маленьких дикарей. «Уступки простому и грубому чувственному наслаждению укорачивают период роста, и единственный способ продлить его и достичь более высокого и полной зрелости [человеческого] рода — это старая и понятная добродетель самоограничения» [Ibid.: 438].

Итак, аналогия между детьми и дикарями находила применение в самых разных контекстах и пользовалась популярностью далеко за пределами теистического эволюционизма. Тем не менее вклад теистических эволюционистов в продвижение этой идеи был весьма значителен. Как мы убедились, впервые ее в эволюционистском контексте теории рекапитуляции еще в додарвиновскую эпоху высказал теистический эволюционист Роберт Чемберс. Вполне возможно, что рассуждения Чемберса подтолкнули к аналогичным выводам Герберта Спенсера, чьи взгляды на эволюцию в целом и на детство в частности подхватили позднейшие теистические эволюционисты, такие как Майнот Севидж и Генри Бичер. И хотя по другим пунктам, таким как степень божественного вмешательства в эволюцию и роль естественного отбора, среди эволюционистов XIX века кипели яростные споры, в вопросе о понимании детства наблюдалось практически полное единодушие. И теистические эволюционисты, и их светские коллеги пытались развенчать «миф» о детской невинности, фактически возвращаясь — под эгидой науки — к более ранним представлениям на этот счет, которые можно найти еще у пуритан.

Дети и дикари в исторической перспективе

Эволюционная теория предложила новый и убедительный для своего времени аргумент в пользу сближения детей и дикарей, однако в самом таком сближении для современного сознания не было ничего нового. Начиная с XVI–XVII вв., когда детство впервые было осмыслено как исключительно важный период в жизни человека, требующий особого отношения, детей настойчиво сравнивали с обитателями Нового Света.

По существу открытие детства и открытие Америки произошло одновременно. Для Джона Локка и Томаса Гоббса ребенок был в той же мере носителем естественного состояния, в какой им был и североамериканский индеец. В глазах философов-просветителей XVIII в., включая Жан-Жака Руссо, парадигмальным образцом для понимания детства служили одичавшие дети, которых время от времени сенсационно находили в лесах, вроде Питера из Ганновера или девочки-дикарки из Шампани. Грязные, слабоумные, немые, ползающие на четвереньках, они позиционировались не как экстремальное отклонение от нормы, а, наоборот, как наглядная иллюстрация *естественной* дикости и животности, которая свойственна каждому человеку от рождения и которая должна быть изжита в ходе воспитательного процесса [Stewart-Robertson 1981; Храмов 2014]. Эволюционисты XIX века по-своему продолжили эту линию рассуждений. Если заглянуть дальше, уже в XX век, то и здесь дикарь остался той

меркой, по которой выкраивался образ детства. Например, в книге «Тотем и табу» (1913) Зигмунд Фрейд без каких-либо колебаний переходил от обсуждения этнографических подробностей из жизни примитивных племен к анализу детского поведения. В фобиях детей, связанных с собаками, лошадьми и другими животными, он видел проявление черт первобытного тотемизма.

Нельзя забывать и о том, что в Новое время дети часто рассматривались также в рамках более широкой общности, включавшей не только заокеанских дикарей, но и пауперов, безумцев, делинквентов, короче, все то разношерстное население исправительных домов, о котором столь красноречиво писал Мишель Фуко. Выше мы убедились, что эволюционисты XIX века подчас сравнивали детей не только с дикарями, но и с умалишенными и преступниками, и в самом деле сопоставления такого рода — ввиду их многочисленности и устойчивости — могли бы послужить темой для отдельной статьи. И опять-таки традиция подобных сопоставлений возникает задолго до дарвиновской эпохи. Еще Гоббс видел в преступнике великовозрастного ребенка, не сумевшего вовремя преодолеть беспорядочные импульсы, свойственные грудным младенцам. У Локка дети, идиоты, дикари и необразованные (illiterate) нередко упоминаются через запятую [Храмов 2014]. Все эти категории объединяет пребывание на периферии промышленной цивилизации или за ее пределами. Безумцы по понятным причинам неспособны к производительной деятельности. Необразованным рабочим постоянно угрожает превращение в нищих и безработных. В свою очередь нищие пополняют ряды бродяг и преступников с большой дороги. Криминальные элементы со времен Гоббса привычно уподоблялись дикарям, находящимся в естественном состоянии войны всех против всех. Все эти взрослые выпали из системы производства, тогда как дети еще не успели в нее встроиться и, оставшись без образования, тоже рискуют навсегда застрять в детстве и стать лишними людьми.

На заре капитализма качество трудового ресурса становится ключевым фактором успеха европейских обществ. Возрастающее разделение труда, потребность в квалифицированных специалистах и вытекающая из нее необходимость в образовании, под которое следует резервировать довольно продолжительный отрезок жизни человека, накладывающийся на период полового созревания, — вот довольно очевидная и не раз обсуждавшаяся причина «изобретения» детства. Наделение детей качествами, свойственными дикарям, преступникам и безумцам, лишний раз подчеркивало всю важность образовательного и воспитательного процесса. Что может вырасти из маленького варвара, предоставленного самому себе? Ребенок, раньше срока переставший быть ребенком, в обход

школы (или домашнего обучения) перешагнувший порог взрослого мира, — это главный кошмар Запада со времен пуритан XVII в. и вплоть до наших дней. Возможное появление таких детей несет с собой угрозу для всей цивилизации. В воображении Запада это вечно возобновляемый источник нового варварства, которое грозит опрокинуть все достижения прогресса. В качестве визуализации этого кошмара можно рассматривать знаменитую повесть Уильяма Голдинга «Повелитель мух» (1954), не раз экранизовавшуюся, или рассказ Стивена Кинга «Дети кукурузы» (1977), по которому затем сняли серию фильмов ужасов. И там, и там речь идет о детях, которые выскользнули из рук учителей и семьи и, раньше срока зажив самостоятельно, как взрослые (в рассказе Кинга девочки-подростки рожают от своих сверстников), сразу же вернулись на уровень дикарей, практикующих кровавые языческие культы.

Угроза впадения в дикость из-за сбоя в образовательном процессе, вызванных преждевременным взрослением, рождает неизбежную тревогу по поводу границы, отделяющей детство от взрослой жизни. Так, ранняя сексуализация детей, ранее не вызывавшая большого беспокойства (вспомним сцены из детства Людовика XIII, на которых останавливается Филипп Арьес), постепенно начинает восприниматься как недопустимое нарушение этой границы. Отсюда вскользь упомянутый выше двухвековой поход против онанизма, в общем и целом завершившийся только к 1920 году, отсюда и волна озабоченности по поводу различных разновидностей *child sexual abuse*, накрывшая западные страны в конце 1970-х и не спадающая до сих пор.

За всеми этими формами моральной паники стоит уверенность: если ребенок слишком рано приобщится к наслаждениям взрослой жизни, он не успеет победить внутреннего дикаря и не найдет себе места в цивилизации. Последствия детского онанизма в понимании авторов XVIII-XIX веков и последствия детских сексуальных контактов со взрослыми, какими их изображают в современной литературе, удивительно схожи: преждевременное половое созревание, проблемы с учебой, психические расстройства и девиантное поведение во взрослом возрасте. Говоря словами Фрейда [1991: 98], «ранняя сексуальная деятельность понижает способность ребенка поддаваться воспитанию».

Дети, преждевременно переставшие быть детьми в сексуальном плане, на всю жизнь остаются детьми во всех остальных отношениях и потому пополняют ряды безработных, преступников, невротиков и психопатов. Здесь речь идет не о страхе за детей, а скорее, наоборот, о страхе перед детьми, о страхе потерять контроль над стихийной первобытностью детства. Не отдавая себе отчет в этом страхе, мы рискуем не понять многие аспекты той эволюции детства и представлений о нем, которая происходила на Западе на протя-

жении последних трех-четырёх столетий. В некотором смысле фигура дикаря продолжает отбрасывать свою пугающую тень на детей и все, что связано с ними.

Библиография / References

Дарвин Ч. (1953) Выражение эмоций у животных и человека. Сочинения. Т. 5, М.: Изд-во АН СССР.

— Darwin C. (1953) *The Expression of the Emotions in Man and Animals. Writings. V. 5, M.* — in Russ.

Ломброзо Ч. (2005) Преступный человек, СПб.: Мидгард.

— Lombroso C. (2005) *Criminal Man*, Saint Petersburg. — in Russ.

Храмов А. (2014) Как пчела превратилась в волка: дети-дикари и антропология модерна. *Неприкосновенный запас*, (6): 243-264.

— Khramov A. (2014) How a bee turned into a wolf: feral children and the anthropological thought of modernity. *Neprikosnovennyy zapas [Emergency ration]*, (6): 243-264. — in Russ.

Храмов А. (2015) Теистическая эволюция и дарвинизм: от войны к миру. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, (4): 84-109.

— Khramov A. (2015) Theistic Evolution and Darwinism: from War to Peace. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom [State, Religion and Church in Russia and Worldwide]*, (33): 84-109. — in Russ.

Фрейд З. (1991) Очерки по психологии сексуальности. «Я» и «Оно». *Труды разных лет*. Кн. 2, Тбилиси: Мерани.

— Freud S. (1991) Three Essays on the Theory of Sexuality. *The Ego and the Id. Works of different years. Vol. 2*, Tbilisi: Merani. — in Russ.

Adams M. (1893) *The continuous creation: an application of the evolutionary philosophy to the Christian religion*, New York, Boston: Houghton, Mifflin and Co.

Beecher H.W. (1885) *Evolution and religion*. Part I, London: James Clarke and Co.

Carpenter W.B. (1889) *Nature and Man: Essays Scientific and Philosophical*, New York: D. Appleton and Co.

Chambers R. (1844) *Vestiges of the natural history of creation*, London: John Churchill.

Chambers R. (1835) To a little boy. *Blackwood's Edinburgh Magazine*, (38): 70.

Cope E.D. (1887) *The origin of the fittest*, New York: P. Appleton and Co.

Hall G.S. (1904) *Adolescence its psychology and its relations to physiology, anthropology, sociology sex, crime, religion and education*. Vol. I, New York: D. Appleton and Co.

Henslow G. (1873) *The theory of evolution of living things and the application of the principles of evolution to religion*, London: Macmillan and Co.

Humes W. (1983) Evolution and Educational Theory in the Nineteenth Century. D. Oldroyd, I. Langham (eds) *The Wider Domain of Evolutionary Thought*, Dordrecht: D. Reidel Publishing Company: 27-56.

Illick J.E. (1974) Child-Rearing in Seventeenth-Century England and America. L. DeMause (ed.) *The History of Childhood*, New York: Psychohistory Press: 303-350.

Kearney A. (1986) Savage and Barbaric Themes in Victorian Children's Writing. *Children's Literature in Education*, (17): 233-240.

Maudsley H. (1880) *The Pathology of Mind*, New York: D. Appleton and Co.

Moore J. R. (1979) *The Post-Darwinian Controversies: A Study of the Protestant Struggle to Come to Terms with Darwin in Great Britain and America, 1870-1900*, New York and London: Cambridge University Press.

More H. (1841) *Strictures on the modern system of female education. The Works of Hannah More*, Vol. I, New York: Harper & Brothers.

Savage M.J. (1897) *The religion of evolution*, Boston: G.H. Ellis.

Schwartz J.S. (1990) Darwin, Wallace, and Huxley, and "Vestiges of the Natural History of Creation". *Journal of the History of Biology*, (23): 127-153.

Secord J.A. (2000) *Victorian Sensation: The Extraordinary Publication, Reception, and Secret Authorship of Vestiges of the Natural History of Creation*, Chicago: University of Chicago Press.

Spencer H. (1896) *Education: intellectual, moral, and physical*, New York: D. Appleton and Co.

70 Starley J. (2007) Of Beasts and Boys: Kingsley, Spencer, and the Theory of Recapitulation. *Victorian Studies*, (49): 583-609.

Stewart-Robertson J.C. (1981) The Well-Principled Savage, Or the Child of the Scottish Enlightenment. *Journal of the History of Ideas*, (42): 503-525.

Stone L. (1977) *The Family, Sex and Marriage in England 1500-1800*, New York: Harper and Row.

Рекомендация для цитирования:

Храмов А.В. (2019) Усмирение дикаря: теистические эволюционисты XIX века о детях и воспитании. *Социология власти*, 31 (1): 51-70.

For citations:

Khramov A.V. (2019) Taming the Savage: The 19th-Century Theistic Evolutionists on Children and Education. *Sociology of Power*, 31 (1): 51-70.

Поступила в редакцию: 22.10.2018; принята в печать: 14.12.2018

Received: 22.10.2019; Accepted for publication: 14.12.2018

Статьи. Исследования

Михаил М. Соколов

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия

Поколения вместо классов? Возраст и потребительская революция в России

doi: 10.22394/2074-0492-2019-1-71-91

Резюме:

В статье показывается, что паттерны потребления и характеристики стиля жизни, которые в западных обществах маркируют границы среднего и высшего классов, в России обозначают границы младших возрастных когорт. Используя данные репрезентативного опроса, проведенного в Петербурге в апреле-мае 2017 года, автор демонстрирует с помощью анализа корреспонденций, что формы досуговой активности описываются двумерной структурой, одно из измерений которой соответствует общему уровню (не)активности, а второе — относительному объему культурного капитала. Вопреки тому, что предполагает литература по социологии потребления, не доход и образование, а возраст является фактором, в наибольшей степени влияющим на общий уровень досуговой активности; влияние дохода оказывается ограниченным и по достижении сравнительно невысокого уровня (около 20 000 рублей на члена домохозяйства) сходит на нет. Анализируя данные мониторинга культурной жизни по Петербургу (организатор — М.Е. Илле), доступные с 2005 года, мы показываем, что возраст в этом анализе выступает как индикатор принадлежности к когорте, а не нахождения на фазе биографического цикла. Каждая следующая когорта демонстрирует в целом более высокий уровень активности, причем наиболее велик разрыв между старшими когортами. В заключительной части мы интерпретируем эти результаты как следствие различий в открытости разных поколений для паттернов глобальной статусной культуры. Поддержание определенного стиля жизни, помимо доходов, требует навыков и компетенций, которые легче приобретаются сравнительно молодыми людьми. В условиях, когда стиль жизни импортируется, именно внутренняя неготовность к восприятию его норм может быть основным узким местом, ограничивающим его распространение. В этих условиях возрастные группы приобретают квази-классовые черты.

71

Соколов Михаил Михайлович — профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, кандидат социологических наук. Научные интересы: микросоциология, социальная стратификация, теория организаций, социология академического мира. E-mail: msokolov@eu.spb.ru

Ключевые слова: социология потребления, социальная стратификация, социальная структура в России, стили жизни, культурный капитал, поколения

Mikhail M. Sokolov

European University at Saint Petersburg, Russia

Generations Instead of Classes? Age and the Consumer Revolution in Russia

Abstract:

This paper argues that consumption patterns and lifestyles, which—in the Western-European and the US contexts—mark the boundaries of the upper-middle class, demonstrate a much stronger affinity with the boundaries of the younger age cohorts in Russia. Using the results of a representative survey carried out between April and May 2017 in Saint Petersburg, Russia, we apply multiple correspondence analysis to demonstrate that the observed consumption patterns are best described by a two-dimensional structure, one axis of which describes the total level of (in)activity, while the other axis stands for the relative amount of cultural capital. Counter to what one might expect on the basis of international stratification and consumption studies, however, age—rather than occupation, education or income—is the strongest predictor of overall participation, explaining around 38% of the variance. Using the results of a series of regular cultural consumption surveys available since 2011, we argue that age should be interpreted as belonging to a certain generation—rather than a certain passing stage of a lifecycle—as generations retained the same level of activity across the time span of 12 years. In the last part of the article we interpret these differences as being the result of an exposure to Western status culture at different stages of one's biography, making younger people the most receptive to its omnivorous affirmation of multi-faceted activity.

Keywords: sociology of consumption, social stratification, social structure in Russia, lifestyles, cultural capital, generations

72

Со времен «Боулинга в одиночестве» Патнэма [Putnam 2001], если не со времен «Самоубийства» Дюркгейма, структура классического детектива считается наиболее выигрышной для социологической статьи. Вначале обозначается список подозреваемых гипотез, теоретическая дискуссия дает возможность читателю заподозрить каждого из них по очереди, а кульминацией становится табличка, в которой регрессионные модели отсеивают ошибочно подозреваем-

Mikhail M. Sokolov — professor, European University at Saint Petersburg. Research interests: microsociology, social stratification, organizations theory, sociology of the academic world. E-mail: msokolov@eu.spb.ru

мых одного за другим, пока преступник не будет выведен на чистую воду.

Эта статья представляет собой из рук вон плохой детектив. Имя преступника вынесено в заголовок вместе с описанием самого преступления. В ней утверждается, что различия в стилях жизни, которые в социологии традиционно ассоциируются с классами — понимая под «классами» группы, чьи позиции определяются рыночными шансами, и положение в которых в значительной мере наследуется — в России (или во всяком случае в Петербурге) сильнее связаны с возрастными категориями, чем с традиционными маркерами класса, такими как доходы, занятие или образование. Иными словами, во многих отношениях в современной России порядок рождения равносителен восходящей социальной мобильности — чем позже, тем выше.

Тезис

В центре социологии стратификации находятся дискуссии об отношении между тремя переменными: а) классом, определенным через экономические шансы, б) стилем жизни и в) статусом, понятым как социальная оценка и престиж, ассоциирующимся с той или иной позицией [Bourdieu 1984; DiMaggio, Mohr 1985; Holt 1998; Chan, Goldthorpe 2007]. Классовая принадлежность индивида в современных обществах преимущественно определяется его позицией на рынке труда¹. Стиль жизни описывает модели поведения за пределами мира работы и включает в себя, например, способы проведения досуга, интерес к высокому искусству, выбор гардероба и следование нормам этикета. Наконец, статус означает оценку, подразумевающую уважение и зависть, которые положение индивида вызывает у окружающих.

Переменные явным образом зависимы друг от друга, хотя точный характер их связи является одним из основных предметов споров в исследованиях стратификации. На поверхности лежит тот факт, что ресурсы, которые связаны с классовой позицией, могут существенно ограничивать выбор стилей жизни (скажем, конный спорт и путешествия в экзотические страны обходятся недешево и обычно недоступны занятым неквалифицированным физиче-

1 Группы, чье экономическое положение зависит преимущественно от наследственного богатства, важны аналитически, но в любом случае слишком незначительны статистически, чтобы обычные методы исследований стратификации могли пригодиться в их изучении. Мы живем в мире, в котором праздный класс составляет ускользающе малую величину.

ским трудом). Иные каузальные цепочки, однако, менее очевидны на первый взгляд.

Влиятельная позиция в исследованиях потребления, ассоциирующаяся с именем Бурдьё, предполагает, что для высших классов стиль жизни является не только отражением их более благоприятного положения, но и инструментом воспроизводства этого положения. Социальные контакты имеют тенденцию ограничиваться средой придерживающихся одного и того же образа жизни. Им есть, о чем говорить друг с другом, и они могут ожидать друг от друга одобрения своих жизненных и потребительских решений. Это приводит к тому, что прочные социальные связи обычно возникают среди представителей одного и того же класса, и люди получают предложения работы и создают семьи с теми, кто занимает примерно то же положение в социальной структуре, что и они [Erikson 1997; Lizardo 2006; Lizardo 2014; Lizardo 2016]. Как следствие этого социальная мобильность — и собственная, и межпоколенческая — оказывается ограничена. Помимо фильтрации социальных контактов — предполагает далее эта теоретическая позиция — стиль жизни связан с консолидацией классового господства через легитимацию. Некоторые его элементы окружены престижем, который заставляет других воспринимать индивида, ведущего подобную жизнь, не просто с завистью, но с искренним почтением. Экономическое процветание индивида в этом контексте понимается как выражение исключительных личностных качеств, а не следствие происхождения, жадности или слепой удачи. Стиль жизни маскирует классовое господство и тем самым придает ему устойчивость.

Важная линия в исследованиях стратификации, начинающаяся с Веблена и продолженная Гоффманом и Бурдьё, исследовала механизмы подобной трансмутации [Veblen 2017 (1899); Goffman 1951]. Богатство может превращаться в стиль жизнь непосредственно — как в случае вебленовского «демонстративного потребления». Однако в стабильных классовых системах подобные прямолинейные символы богатства вымываются отчасти потому, что не имеют легитимирующего значения и не конвертируются в почтение (можно завидовать обладателю золотой цепи, но уважать его — вряд ли), отчасти потому, что делают старые элиты беззащитными перед притоком нуворишей [Goffman 1951; Holt 1998; Pyysiäinen, Ruynänen 2018].

Вместо этого основной упор делается на элементах стиля жизни, которые предполагают не просто сиюминутное богатство, но долгую социализацию в условиях изобилия, и которые прививаются в детстве и с трудом усваиваются позднее, как, например, посадка в седле в среде традиционной аристократии или умение свободно ориентироваться в течениях европейской живописи XIX века во Франции, описанной Бурдьё. Чтобы играть легитимирующую

функцию, стиль жизни не должен быть слишком однозначно и прямолинейно связан с богатством, а для этого связь с классом желательно скрыть под покровом социализационных различий.

Жесткий классовый детерминизм этой модели столкнулся с двумя оппозициями, постмодернистской и премодернистской. Критики утверждали, что

а) связи стиля жизни с позицией на рынке труда могут быть не слишком жесткими в постмодерном обществе, где кто угодно может вести какой угодно образ жизни [Rasborg 2017];

б) престиж занятия связан с представлениями о его сложности и важности, а престиж стиля жизни — с представлениями об утонченности, мужественности, энергичности и прочих социально желаемых качествах, которые требуются для его ведения. Степень, в которой экономически доминирующие группы могут манипулировать этими представлениями в своих интересах, ограничена. Богатые вовсе не всегда могут убедить других, что занятия, приносящие наибольший доход, самые важные, или что характерный для них стиль жизни самый добродетельный и заслуживающий восхищения [Shils 1956; Chan, Goldthorpe 2004; Chan, Goldthorpe 2007; Flemmen et al. 2018; Bihagen, Labert 2018]¹.

75

В отличие от первой, постмодернистской, критики этот подход предполагает, что в современных обществах продолжают воспроизводиться различия между статусными группами, типичные для премодерных обществ и не связанные с классовыми различиями. Так, почтение, которым окружена ученость и утонченность, может в какой-то степени становиться инструментом воспроизводства классовых элит, обеспечивающих своих детей образованием, но они ценятся вовсе не только потому, что являются эвфемизмом класса и могут служить социальной мобильности с не меньшим успехом, что и социальному воспроизводству [DiMaggio, Mohr 1995].

1 «Манипуляции представлениями» могут принимать две формы, сильную и слабую. В первой, сильной, форме экономически господствующий класс может выдать элементы стиля жизни, доступные только ему, за свидетельство вызывающих почтение внутренних достоинств. Во второй, слабой, форме господствующий класс может незаметно использовать свои ресурсы для того, чтобы приобрести атрибуты, признание высокой ценности которых само по себе не является следствием идеологической манипуляции. Примером первого может служить утверждение Веблена о том, что праздничный класс навязывает всем остальным свои стяжательские (rescuiatū) каноны вкуса, позволяющие выдать предпочтение серебряной посуды за выражение душевной утонченности, которая непостижимым образом оказывается доступна почему-то только богатым. Примером может служить использование семейных ресурсов для приобретения чисто меритократического формального образования.

И с точки зрения постмодернистской, и с точки зрения премодернистской критики механизм перевода наследственных экономических преимуществ в стиль жизни и престиж работает с большими перебоями или не работает вообще.

Помимо того, что подразумевают эти два традиционных направления критики, мы можем указать, однако, на целый ряд иных переменных, опосредующих влияние положения на рынке труда на образ жизни, например, на географическую локацию, семейное положение (наличие малолетних детей), наличие свободного времени. В другом месте автор этой статьи утверждал [Илле, Соколов 2018; Sokolov 2018], что Россия вследствие радикальной перестройки системы экономического неравенства в течение прошлых десятилетий может служить естественной лабораторией, позволяющей исследовать все эти связи в квазиэкспериментальной манере.

В этой статье делается попытка оценить роль одной переменной, влияние которой на стиль жизни аналитически независимо от влияния класса — возраста. Возраст играет в российском случае более важную роль в определении стиля жизни, чем специфика занятости или доходы. Более того, занятость или доходы во многом определяются возрастом, причем определяются крайне неблагоприятным для старших возрастных когорт образом.

76

Данные

Исследование, результаты которого интерпретируются ниже, представляло собой опрос 2100 взрослых (18 лет и старше) жителей Санкт-Петербурга по трем подвыборкам: по случайной выборке мобильных телефонов (700 человек), случайной выборке стационарных телефонов (700 человек) и уличном опросу рядом с городскими сетевыми супермаркетами (700 человек). Исследование проводилось в конце апреля — начале мае 2017 года. Методическим аспектам проекта посвящена самостоятельная публикация, к которой мы отсылаем читателя за дополнительными деталями [Соколов, Казанцев 2017].

Исследование продолжало серию опросов, начатую еще в 1991 году М.Е. Илле, и включало в себя блок вопросов, посвященных культурному потреблению (частота посещения кино, драмтеатра, музыкального театра, концертов музыки академических жанров, музеев, поп- и рок-концертов за последние 12 месяцев). Мы добавили также имена восьми писателей, представляющих разные «естественные жанры», идентифицированные в рамках исследования литературных предпочтений читателей городской сети библиотек [Соколов, Соколова, Сафонова 2016], и подсчитали, какое число из авторов респондент смог опознать.

Были также заданы вопросы о возрасте, образовании, профессии (респондентов просили точно определить свою позицию, например «учитель биологии средней школы»), образовании родителей и среднемесячных доходах на члена семьи. Чтобы оценить наличие свободного времени, мы просили респондентов также определить продолжительность своей рабочей недели (менее 40 часов в неделю, 40 часов, более 40 часов и рудиментарный «неработающий», включающий в себя всех от студентов до домохозяек и пенсионеров).

Помимо вопросов, которые задавались всем 2100 респондентам, меньшей подвыборке в 1400 человек (стационарные телефоны и уличный опрос) задавались вопросы о типах отдыха, в которых они участвуют на более регулярной основе, измеряемой в часах в неделю, таких как прием гостей, компьютерные игры, рукоделие, чтение художественной литературы, шопинг, соцсети, посещение баров и ресторанов, физические упражнения и просмотр телевизора. Кроме того, подвыборке в 700 человек (только уличные опросы) задавался вопрос о некоторых иных формах досуговой активности: выездах на шашлыки, охоте и рыбалке, посещению спортивных состязаний. Мы добавили также посещение церкви. Из-за того что не все вопросы задавались всем респондентам, объем выборки изменяется от анализа к анализу.

77

Результаты

В качестве традиционной — со времен Бурдые — формы представления данных для социологии потребления мы использовали множественный анализ корреспонденций, располагающий в пространстве категории номинальных переменных так, чтобы отразить вероятность их совстречаемости. Чем ближе точки, соответствующие вариантам ответа, тем больше вероятность, что такие ответы на вопрос будут даны одним и тем же человеком (рис. 1¹, первая ось объясняет 17%, вторая — 13% инерции).

Строчными буквами приведены данные по формам культурной и некультурной досуговой активности (ответы группировались, чтобы получить достаточное число случаев в каждой категории). Заглавными — дополнительные переменные, включая социально-

1 Рисунок получен с использованием ответов 700 респондентов, которым задавался вопрос обо всех видах деятельности, фигурирующих как активные точки. Изображение, получаемое при замене отсутствующих ответов на модальные на выборке в 1400 человек (опрос по стационарным телефонам и уличный опрос), практически ничем не отличалось от него (доступно по требованию).

демографические характеристики, уровень образования, доходы, занятия, сгруппированные по категориям ISCO, продолжительность рабочей недели, а также число опознанных авторов из предложенного списка из восьми имен.

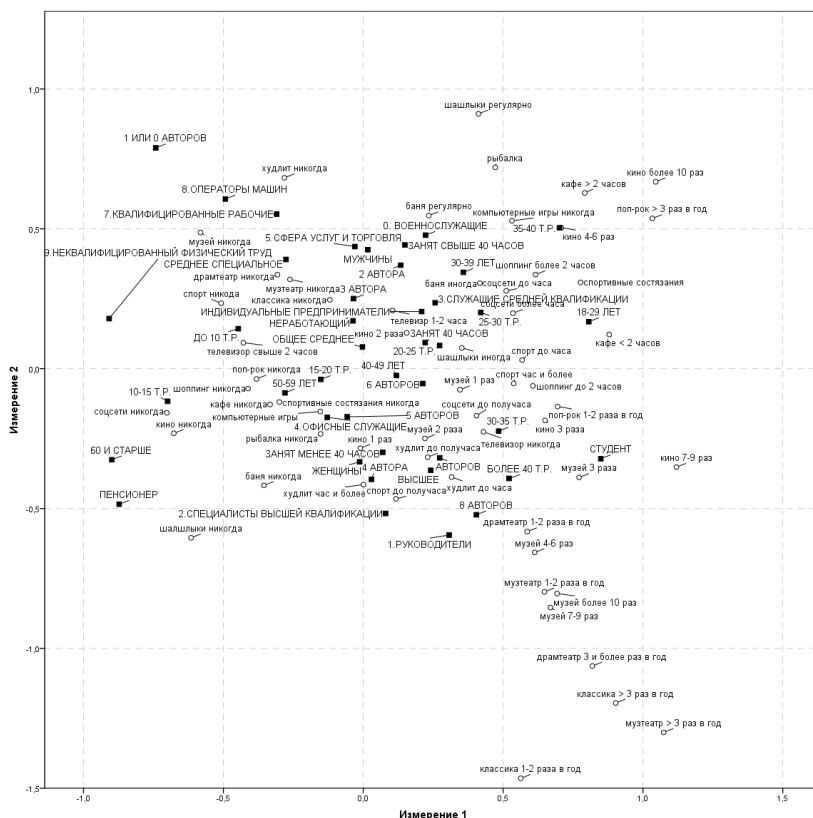

Рис. 1. Пространство досуговых активностей. Результаты анализа корреспонденций (активные точки отмечены строчными буквами и незакрашенными кругами, дополнительные — заглавными буквами и черными квадратами).

Fig. 1. The space of leisure activities (multiple correspondence analysis, active points marked by white circles, supplementary points by black squares and capital letters).

Первое, горизонтальное измерение очевидно противопоставляет общую активность общей пассивности. Справа оказываются те, кто утверждает, что ничем практически не занимается («не хожу в кино», «не читаю художественную литературу») помимо просмотра телевизора более 2 часов в день. Слева те, кто занимается практически всем, кроме просмотра телевизора. Лишь преиму-

щественно домашние способы проведения свободного времени — прием гостей, рукоделие, посещение церкви и компьютерные игры — связанные с этим общим уровнем активности относительно слабо. Участие во всех остальных — от рыбалки и бани до концертов классической музыки и от шоппинга до использования социальных сетей и чтения художественной литературы — положительно коррелирует друг с другом. Второе измерение характеризует «культурность» досуга. Сверху незатейливые (и в основном мужские) виды отдыха — рыбалка, баня и шашлыки, но также шопинг, снизу — классическая музыка, чтение и драмтеатр.

До сих пор наша схема должна была напомнить читателям Бурдье схему из «Различения», повернутую на 90 градусов против часовой стрелки: одно измерение отражает общий уровень капитала (слева — много, справа — мало), второе — преобладание в его композиции культурного над экономическим (снизу) или наоборот (сверху). Действительно, исследователи, опиравшиеся на бурдьевистскую теорию и использовавшие анализ корреспонденций, обычно обнаруживали первое измерение, соответствовавшее уровню активности и противопоставлявшее средний класс рабочему. Главное различие между более и менее привилегированными группами проходило по признаку общего уровня активности. Уже внутри группы высокоактивных прослеживалось второе измерение, противопоставлявшее разные типы досуга: с одной стороны, традиционная высокая культура (концерты классической музыки, музеев), с другой — рок-концерты или рейв. При этом многие недавние исследования обнаруживали, что это измерение в Западной Европе противопоставляет не столько фракции высшего класса с высоким и низким уровнем культурного капитала, сколько младшие и старшие когорты — старомодная «высокая культура» уступает место новым формам культурного капитала [Gayo-Cal, Savage, Warde 2006; Roose et al. 2012]. Размывание традиционной «культурности» обычно связывается с развитием культурной всеядности [Peterson 1992], предположительно пришедшей на место традиционного снобизма. В сфере культурного потребления — утверждают Петерсон и другие — основная оппозиция проходит по принципу «много и всего самого разного vs. мало и чего-то одного или ничего вообще». Вместо мира, в котором высшие классы слушали бы Брамса, а низшие — рок или рэп, мы получили мир, в котором элиты слушают и Брамса, и рок, и рэп, а низшие — только рок или только рэп, или не слушают вообще ничего. В России, однако, революция всеядности, если она и разворачивается, пока не зашла слишком далеко и позволяет нам проследить оппозицию между «культурным» и «некультурным» досугом.

Таблица 1. Регрессия (OLS) позиций индивида на шкале активности (модель 1) и «культурности» (модель 2) по избранным социально-демографическим переменным¹

Table 1. OLS regression of individual activity level (Model 1) and cultural capital scores (Model 2) on selected social-demographic variables

		Модель 1 Уровень активности		Модель 2 Шкала культурности	
Параметр		B	η^2	B	η^2
Константа		1,823*** (,187)	,141	,107 (,210)	,000
Пол: мужской		-,125* (,064)	,007	-,676*** (,071)	,135
Образование общее среднее		-,477*** (,102)	,037	-,383** (,114)	,019
80 Образование среднее специальное		-,270*** (,071)	,024	-,507*** (,080)	,066
Неработающий		,051 (,098)	,000	,425*** (,109)	,025
Занят менее 40 часов в неделю		,089 (,121)	,001	,358** (,135)	,012
Занят 40 часов в неделю		,023 (,084)	,000	,166 (,094)	,005
Возраст		-,032*** (,002)	,292	,015*** (,002)	,063
Доход менее 10 тыс. руб.		-,549** (,214)	,011	-,578* (,240)	,010
Доход 10-15 тыс. руб.		-,530** (,167)	,017	-,569** (,187)	,016

1 Стандартные отклонения приведены в скобках. Референтные категории для пола — мужской, для образования — высшее, для занятости — работающий свыше 40 часов в неделю, для дохода — свыше 40 000 рублей в неделю, для образования родителей — оба с высшим.

Доход 15–20 тыс. руб.	-,300* (,155)	,006	-,524** (,174)	,016
Доход 20–25 тыс. руб.	,005 (,156)	,000	-,546** (,175)	,017
Доход 25–30 тыс. руб.	,135 (,169)	,001	-,463** (,190)	,010
Доход 30–35 тыс. руб.	,034 (,177)	,000	-,365 (,198)	,006
Доход 35–40 тыс. руб.	,088 (,206)	,000	-,718** (,231)	,016
Оба родителя без в/о	,077 ,087	,001	,244* (,098)	,011
Один из родителей с в/о	,109 (,078)	,003	-,036 (,087)	,000
R ² скорректированный		,455		,324

*p < 0.05, **p < 0.01, ***p < 0.001

Значительно более неожиданным — с точки зрения бурдьеви-ской теории — может стать результат поиска переменных, предска-зывающих уровень и характер активности при контроле по другим переменным (таблица 1). Мы использовали координаты индивида в двумерном пространстве, созданном анализом корреспонденций как зависимые переменные, и попробовали определить, как влия-ют на них перечисленные независимые переменные¹. Прежде всего следует сказать, что независимые переменные предсказываются дежурным набором социально-демографических атрибутов доста-точно хорошо (для первой оси R² = 0.455, для второй — 0.324), в отли-чие, например, от политических взглядов, которые в России таким путем предсказываются очень плохо [Калинин 2011].

1 Для регрессионного анализа использовалась выборка в 1400 человек (ста-ционарные телефоны и уличный вопрос), где значения по вопросам об уча-стии в спортивных состязаниях, охоте и рыбалке, церкви и шашлыках были заменены на средние. Расчеты на подвыборке в 700 человек, которым фактически задавались все вопросы, приносят практически эквивалент-ные результаты.

Однако переменные, играющие основную роль, не совсем те, о которых Бурдые призывает нас думать в этом контексте в первую очередь. В отношении уровня досуговой активности можно было бы подумать, что основным влияющим на него фактором будут доходы и, возможно, наличие свободного времени после работы. На самом деле уровень занятости не оказывает на число форм досуга, в которых, по словам индивида, он принимал участие, вообще никакого влияния, а доход хотя и оказывает, но гораздо меньшее, чем возраст.

По доходам опрошенные делятся на две группы, с границей, проходящей примерно на уровне дохода в 20 000 рублей на члена семьи. Получающие меньше ощутимо менее активны, чем получающие больше, но увеличение доходов свыше этого порога влияет на приращение активности уже довольно слабо¹. Высшее образование влияет на зависимую переменную в том же направлении, что и молодость, но слабее. То различие в разносторонней активности, которое во Франции или где-то еще в Европе было бы различием между средним и рабочим классом, в России становится в первую очередь различием между молодыми и старыми (и это даже если мы оставляем за скобками тот факт, что в России максимальные доходы получают люди в возрасте около 30 лет, а затем каждая следующая когорта оказывается все беднее и беднее [Белоконная и др. 2007])².

Для «культурности» демографические переменные опять оказываются важнее, чем классовые. Правда, тут основную роль играет пол, но возраст также значим. Относительная доля высокой культуры в досуге старших поколений выше, чем младших, однако абсолютная частота участия младших выше и в высокой, и низкой культурах. Кроме того, значимы образование как самого индивида (сила эффекта примерно такая же, как у возраста), так и образование родителей. Доходы не играют заметной роли (лишь самая высокодоходная группа сообщает о высоком уровне участия), а вот занятость играет (похоже, что люди, работающие боль-

1 Можно возразить, что доходы являются лишь очень грубой метрикой позиции на рынке труда. Чтобы ответить на эту критику, мы использовали ответы на вопрос о занятии, чтобы классифицировать индивидов по группам ISCO и включили классовую принадлежность как мультиномиальную переменную в регрессию (кодировка выполнена Надеждой Соколовой). Переменная оказалась значимой на уровне 0.001; тем не менее по объясненной дисперсии она все равно была незначительной по сравнению с возрастом.

2 В нашей выборке корреляция Спирмена между возрастом и доходом составила -0.197 (N = 1942, p < 0.0001).

ше всего часов в неделю, более других склонны к незамысловатым удовольствиям).

Можно сказать, что возраст в России по сути дела играет ту роль, которую у Бурдье играет класс: он принципиально противопоставляет людей, ведущих активную жизнь за пределами дома, тем, чьи горизонты ограничены этими пределами. Есть несколько возможных интерпретаций того, почему это так. Некоторые из них предполагают, что мы тут имеем дело с эффектом возрастного цикла, другие — с эффектом генерации. С одной стороны, может играть роль быстро приходящее в упадок здоровье, родительские заботы и общие невысокие ожидания в отношении активности немолодых людей (эффект возрастного цикла). С другой стороны, младшие когорты в период быстрых экономических изменений занимают лучшие ниши на возникающих рынках труда, и это обеспечивает их лучшее экономическое положение (генерационное различие). Это дополняется тем, что молодые могут быть во всех смыслах быстрее и успешнее в освоении всевозможных глобальных потребительских моделей, которые поощряют разностороннюю активность до глубокой старости.

Данные нашего опроса сами по себе не позволяют в полной мере противопоставить эти два объяснения, однако они могут помочь сделать это в сочетании с данными мониторинга культурной жизни Петербурга, осуществленного М.Е. Илле в 2005–2011-х годах. Следующие графики отображают динамику культурного участия в 2005–2017-х годах по возрастным когортам для кино (доля побывавших хотя бы раз в кино за последние 12 месяцев, рис. 2) и для высокой культуры (доля побывавших хотя бы раз в драматическом театре, музыкальном театре и/или на концерте классической музыки, рис. 3).

83

Если бы эффект возраста был прежде всего эффектом жизненного цикла, мы должны были бы увидеть параллельно нисходящие прямые за 12-летний период для каждой когорты, и в 2017 году те, кому было 18 лет в 2005-м, оказались бы примерно в той точке, в которой в 2005 году были тогдашние 30-летние. Мы не видим, однако, подобной динамики. В случае кино мы видим, что активность всех когорт несколько возрастает между 2005 и 2009 годами, а затем немного снижается (возможно, следствие кризиса?), но не опускается до уровня 2005 года. Даже старшая когорта (младшим представителям которой было 68 лет в 2005-м, но исполнилось 80 в 2017-м) не продемонстрировали значимого снижения активности. Иными словами, каждая следующая генерация оказывается более активной и, видимо, сохраняет этот более высокий уровень на протяжении всей жизни.

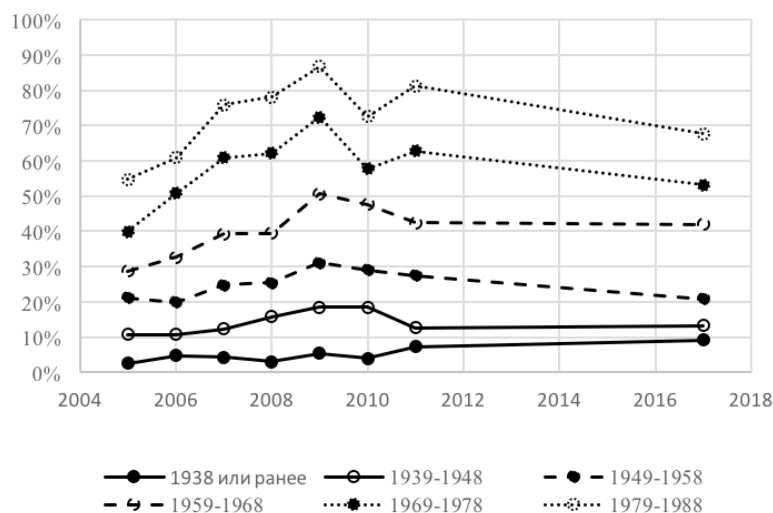

Рис. 2. Доля возрастных когорт, посещавших кино за последние 12 месяцев, по годам.

Fig. 2. Shares of cohorts visiting cinema in the last 12 months, by year.

84

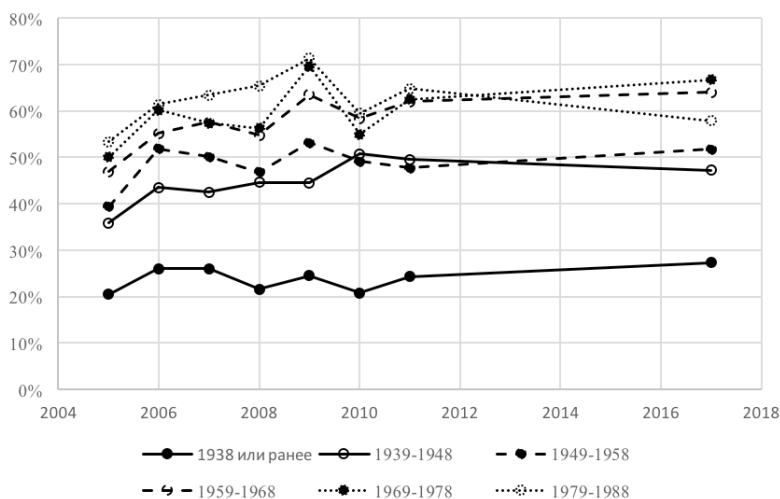

Рис. 3. Доля возрастных когорт, посещавших учреждения высокой культуры за последние 12 месяцев, по годам.

Fig. 3. Shares of cohorts, participating in high culture in the last 12 months, by year.

У возраста как подозреваемого в таинственном исчезновении досуговой активности есть надежное алиби. В случае высокой культуры четкие границы отличают старшие когорты от младших, но три

младшие (родившиеся между 1959 и 1988 годами) практически неразличимы. Тем не менее и там мы видим сохранение или даже небольшой рост активности во всех когортах на протяжении 12-летнего периода. Снижение активности каждой следующей когорты нельзя объяснить ухудшением здоровья или действием норм, ограничивающих активность старших поколений. Мы не можем утверждать, что таких норм не существует или что ухудшения здоровья не происходит (оно наверняка происходит). Однако действие этих факторов, видимо, компенсируется распространением иных норм, поощряющих ведение активного образа жизни. То, что индивиды теряют за счет возраста, они с лихвой компенсируют за счет этого фактора.

Обсуждение

Основным эмпирическим результатом этой статьи может считаться простая констатация того, что, хотя основное внимание в социологических исследованиях стилей жизни и потребления традиционно уделяется классовым переменным, абсолютная значимость возраста в России является не меньшей по сравнению с ними. Разнообразие и интенсивность досуговой активности, которые в западных случаях оказываются в первую очередь маркирующими классовую границу, в России обозначает границу поколений. При этом доход после определенного уровня вообще перестает влиять на частоту участия во всевозможных досуговых активностях (и это не учитывая того, что доход сам по себе в известной мере определяется поколением).

85

Как получается, что поколения различаются по уровню активности даже при контроле по занятости и физическому возрасту? Наша догадка состоит в том, что подобное возможно лишь в довольно специфических обстоятельствах. Значение возраста увеличивается, если, во-первых, происходит резкая экономическая трансформация, и, во-вторых, сам репертуар классовых стилей жизни полностью обновляется.

Экономическая трансформация, по всей видимости, приводит к тому, что новые и более благоприятные экономические ниши оказываются в значительной степени заняты молодыми людьми, которые в отношении доходов оказываются вровень со старшими или даже фактически богаче старших. Сдерживающий эффект, который недостаток средств оказывает на активность младших, в этих условиях отсутствует. Действительно, существующие данные, в том числе собранные на гораздо более широких выборках, чем наша, показывают что по контрасту с большинством западных стран в настоящее время наибольшие доходы получает возрастная

группа 30-летних. В старших возрастных группах они начинают снижаться (в большинстве стабильных экономик средние доходы стабильно растут по мере того, как люди делают карьеру, по меньшей мере до 50-летнего возраста [Белоконная и др. 2007])¹. Во многих отношениях от экономических преобразований в России за последние 30 лет выиграла не какая-то существовавшая прежде группа, например бывшая номенклатура, а демографическая когорта. Так, анализ биографий фигурантов российского списка Форбс показывает, что значительное большинство сверхбогатых родились в 1960-е годы [Лепеле, Агафонов 2016]. Те, кто пришли раньше, были слишком привязаны к уже начатой карьере и оказались недостаточно гибкими, чтобы отреагировать на открывшиеся возможности; те, кто пришел позже, обнаружил, что возможностями уже воспользовался кто-то другой.

Та же логика действует, однако, и применительно к поколенческим различиям в уровне досуговой активности. Младшие когорты открыли для себя искусство тратить деньги при капитализме так же, как непосредственно предшествующие им открыли для себя искусство их зарабатывать. Этот феномен поколенческих различий в классовой социализации приводит нас к парадоксальной ситуации, в которой узнаваемые по мировой литературе классовые границы существуют и воспроизводятся, если не в отсутствие классов, то во многом поверх классовых границ².

Младшие когорты в России живут более активной и, возможно, интересной жизнью, чем старшие. Жизнь молодых в России напоминает жизнь богатых в других странах, но это сходство обосновано

1 Россия стоит особняком в том плане, что в США и многих других хорошо исследованных странах положение младших поколений на рынке труда в последнее десятилетие оказывается гораздо менее благоприятным по сравнению с положением их родителей (см. например <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-11-29/fed-says-millennials-are-just-like-their-parents-only-poorer>). Среди рожденных в 80-е куда меньше людей, зарабатывающих больше того, что их отцы зарабатывали в их возрасте (при учете инфляции), чем среди рожденных в 60-е и ранее. В России большинство рожденных в 80-е зарабатывают куда больше того, что их отцы зарабатывают даже сейчас, несмотря на выслугу лет и карьерный рост.

2 Разумеется, перестройка рынка труда создала множество ситуаций, в которых разные когорты занимают ниши, предполагающие не просто неравные вознаграждения, но и более или менее очевидную эксплуатацию одних другими. По крайней мере об этом неизбежно задумываешься, глядя на университетских администраторов тридцати с небольшим лет, проводящих воспитательную работу среди старшего профессорско-преподавательского состава за зарплату, в разы превосходящую зарплату самого заслуженного из их подчиненных.

не тем, что молодежь обязательно богаче старших, но потому, что, кажется, они были первыми, кто освоил новые стандарты потребления. Когда острая фаза кризиса осталась позади, началось постепенное экономическое восстановление, и отдельные элементы стиля жизни западных элит оказались доступны, скорость их освоения определялась не только доходами, но и готовностью проходить вторичную классовую социализацию.

Действительно, помимо самых одиозных форм демонстративного потребления, ассоциирующихся с поговорками новыми русскими, остальные его формы требуют определенной информированности и навыков (подумайте о верховой езде или об авиаспорте). Мысль, к которой нас подводят исследования статусной культуры, состоит в том, что ведение определенного образа жизни — это, помимо всего прочего, работа, требующая специального образования. В условиях, когда ни у кого не оказывается этого образования, в выигрышном положении оказываются те, кто в большей степени готов учиться.

В этом смысле возраст мог сказаться на разнообразии и формах активности не столько потому, что возрастные нормы поведения прямо предписывали старшим снижение активности, сколько потому, что, чем старше были люди, когда началось распространение новых потребительских паттернов, тем менее они были готовы к их освоению, даже имея необходимые для этого средства. Любая форма социализации предполагает период ученичества, в ходе которого ученик чувствует себя некомпетентным и беспомощным; чем старше индивид (и чем более высокую позицию он занимает на какой-либо карьерной лестнице), тем сложнее ему примириться с необходимостью ресоциализации¹. Это объясняет, почему контрасты наиболее зримы в случае с новыми формами досуговой активности, такими как шоппинг, и наименее заметны в области устоявшихся практик, которые задавали стандарт социальной (само)оценки и в более ранний период (посещение театра²).

1 Социологическим примером этого может считаться рефлексия Гоффмана о природе антропологической полевой работы, в которой он прямо называет статус препятствием для проведения городской этнографии [Goffman 1989]. Старшему профессору куда сложнее смириться с мыслью, что в сообществе, которое он отправится изучать, он будет предметом снисходительных усмешек, чем аспиранту, который вынужден мириться с этой ролью и на своем родном факультете.

2 То, что в отношении высокой культуры граница пролегла не между самой младшей когортой и всеми остальными, а между средними и старшими поколениями, возможно, является следом некой культурной революции, которая должна была случиться на пороге 80-х и о которой мы можем строить только догадки.

Кроме того, ресоциализация предполагает признание того, что прежняя линия поведения была ошибочной и требует корректировки. Она предполагает тем самым некоторое сожаление по этому поводу, которого индивиды, как мы знаем из социально-психологической литературы и поведенческой экономики, стремятся избежать любой ценой [Arkes, Blumer 1985; Brockner 1992; Zeelenberg et al. 2018]. В этом смысле ведение любого образа жизни на протяжении некоторого времени создает незримое обязательство (commitment) продолжать вести его и дальше [Becker 1960]. Инертность, приписываемая старшим поколениям, во многом, видимо, имеет это происхождение.

Когда в Россию были импортированы стандарты, отождествляющие социальный статус с активностью и предполагавшие пренебрежительное отношение ко всем, проводящим выходные перед телевизором, они были с наибольшей готовностью восприняты теми, кто в силу возраста руководствовался стандартами иного типа в течение меньшего срока. Отметим, что высшее образование также было фактором, способствующим восприятию более активного стиля жизни. Именно младшие и более образованные оказались на острие потребительской революции в России. Этот феномен имеет продолжение и в иных составляющих образа жизни. Те, кого недавнее исследование обозначает как «миллениалов» [Радаев 2018], оказались первыми, воспринявшими сформировавшуюся в западных обществах связь между статусом и здоровьем. Соответственно среди них мы находим существенное сокращение потребление табака и алкоголя (предшествовавшее им «реформенное» поколение, наоборот, поставило сомнительные рекорды в этой области).

Если изложенная здесь интерпретация верна, такая подмена классовых границ генерационными является чертой переходного периода, который однажды закончится. Однако, даже по осторожной оценке, это «однажды» наступит не ранее чем через несколько десятилетий.

Библиография / References

Белоконная Л.А., Гимпельсон В.Е., Горбачева Т.Л., Капелюшников Р.И., Лукьянова А.Л., Жихарева О.Б. (2007) Формирование заработной платы: взгляд через призму профессий. *Вопросы экономики*, 10: 52–74.

— Belokonnaya L.A., Gimpel'son V.E., Gorbacheva T.L., Kapelyushnikov R.I., Luk'yanova A.L., Zhikhareva O.B. (2007) Shaping Wages: The Impact of Occupations. *Voprosy ekonomiki*, 10: 52–74. — in Russ.

Илле М.Е. (2016) Участие жителей «культурной столицы» в культурной жизни Петербурга. «Телескоп»: журнал социологических и маркетинговых исследований, 5: 27–32.

- Ille M.E. (2016) Participation of residents of the “cultural capital” in the cultural life of St. Petersburg. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovanij*, 5: 27-32. — in Russ.
- Илле М.Е. (2017) Образ «идеального» петербуржца и культурная жизнь города. «Телескоп»: журнал социологических и маркетинговых исследований, 4: 32-42.
- Ille M.E. (2017) The Image of an Ideal Saint Petersburgian and the Cultural Life of the City. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovanij*, 4: 32-42. — in Russ.
- Илле М.Е., Соколов М.М. (2018) Статусные культуры в эпоху социальной революции. Культурное потребление в Петербурге, 1991-2011. *Мир России*, 1: 159-182.
- Ille M.E., Sokolov M.M. (2018) Status Culture in the Times of Economic Transformation. Cultural Participation in Saint Petersburg, 1991-2011. *Mir Rossii [Universe of Russia]*, 1: 159-182. — in Russ.
- Калинин К.О. (2011) Эволюция социально-профессионального размежевания в России (1993-2007 гг.): теория, методология, измерение. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1 (101): 24-43.
- Kalinin K. (2011) Socio-professional cleavages in Russia (1992-2007). Theory, methodology, measurement. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Sotsial'nye i ekonomicheskie peremeny [Public opinion monitor: economic and social changes]*, 101 (1): 24-43. — in Russ.
- Лепеле В., Агафонов Ю. (2016). «Золотые двери» в российскую бизнес-элиту: рекрутирование и изменение структуры крупного предпринимательства в постсоветской России. *Мир России*, 25 (3): 97-125.
- Lepele V., Agafonov Yu. (2016) The “Golden Doors” to Russian Business Elite: the Recruitment Process and the Structural Transformation of Large-scale Business in Post-Soviet Russia. *Mir Rossii [Universe of Russia]*, 25 (3): 97-125. — in Russ.
- Радаев В.В. (2018) Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ. *Социологические исследования*, 3: 15-33.
- Radaev V.V. (2018) Millenials in the context of earlier generations: An empirical analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Research]*, 3: 15-33. — in Russ.
- Соколов М.М., Сафонова М.А., Соколова Н.А. (2016) Статусные культуры, биографические циклы и поколенческие изменения в литературных вкусах читателей петербургских библиотек. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 3: 116-135.
- Sokolov M., Safonova M., Sokolova N. (2016) Status cultures, biographic cycles, and generational changes in literary tastes. An analysis of a database covering all users of Saint Petersburg public libraries system in 2014. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. [The Journal of Sociology and Social Anthropology]*, 3: 116-135. — in Russ.
- Соколов М.М., Казанцев А.С. (2017) Типы опросов, выборочные смещения и эффекты квоты: Результаты эксперимента с трехосновной выборкой в российском мегаполисе. *Экономическая социология*, 18 (5): 87-110.

— Sokolov M., Kazantsev A. (2017) Survey types, sample biases, and the effects of demographic quotas. The results of an experiment with a three-frame survey in a major Russian city. *Ekonomicheskaja sociologija [Economic sociology]*, 18 (5): 87-110. — in Russ.

Arkes H., Blumer C. (1985) The psychology of sunk cost. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 35: 124-140.

Becker H.S. (1960). Notes on the concept of commitment. *American Journal of Sociology*, 66 (1): 32-40.

Bihagen E., Lambert P. (2018). Can class and status really be disentangled? *Research in Social Stratification and Mobility*, 58: 1-10.

Bleichrodt H., Wakker P. (2015) Regret theory: A bold alternative to the alternatives. *The Economic Journal*, 125: 493-532.

Bourdieu P. (1984) *Distinction: The Social Critique of the Judgment of Taste*, London: Routledge/Kegan Paul.

Brockner J. (1992) The escalation of commitment to a failing course of action: Toward theoretical progress. *Academy of Management Review*, 17 (1): 39-61.

Chan T.W., Goldthorpe J.H. (2004) Is There a Status Order in Contemporary British Society? Evidence from the Occupational Structure of Friendship. *European Sociological Review*, 20 (5): 383-401.

Chan T.W., Goldthorpe J.H. (2007) Class and Status: The Conceptual Distinction and Its Empirical Relevance. *American Sociological Review*, 72 (4): 512-532.

DiMaggio P., Mohr J. (1985) Cultural Capital, Educational Attainment, and Marital Selection. *American Journal of Sociology*, 90 (6): 1231-1257.

DiMaggio P., Mohr J. (1995) The Intergenerational Transmission of Cultural Capital. *Research in Social Stratification and Mobility*, 14: 167-199.

Erickson B.H. (1996) Culture, class, and connections. *American Journal of Sociology*, 102 (1): 217-251.

Flemmen M., Jarnes V., Rosenlund L. (2018) Social space and cultural class divisions: the forms of capital and contemporary lifestyle differentiation. *The British Journal of Sociology*, 69 (1): 124-153.

Gayo Cal M., Savage M., Warde A. (2006) A cultural map of the United Kingdom, 2003. *Cultural Trends*, 15 (2-3): 213-237.

Goffman E. (1951) Symbols of Class Status. *British Journal of Sociology*, 11: 294-304.

Goffman E. (1989) On fieldwork. *Journal of Contemporary Ethnography*, 18 (2): 123-132.

Holt D.B. (1998) Does Cultural Capital Structure American Consumption? *Journal of Consumer Research*, 25: 1-25.

Lizardo O. (2006) How cultural tastes shape personal networks. *American Sociological Review*, 71 (5): 778-807.

Lizardo O. (2014) Omnivorousness as the bridging of cultural holes: A measurement strategy. *Theory and Society*, 43 (3-4): 395-419.

Lizardo O. (2016). Why “cultural matter” matter: Culture talk as the mobilization of cultural capital in interaction. *Poetics*, 58: 1-17.

Peterson R. (1992) Understanding audience segmentation, from elite and mass to omnivore and univore. *Poetics*, 21 (4), 243-258.

Putnam R.D. (2001) *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. New York: Simon and Schuster.

Pyytiäinen J., Ryyänänen M. (2018) Downplaying class with style: Middle class anxiety and the aesthetic performance of role distance. *Poetics*. (<https://doi.org/10.1016/j.poetic.2018.10.001>)

Rasborg K. (2017) From class society to the individualized society? A critical reassessment of individualization and class. *Irish Journal of Sociology*, 25 (3): 229-249.

Roose H., van Eijck K., Lievens J. (2012). Culture of distinction or culture of openness? Using a social space approach to analyze the social structuring of lifestyles. *Poetics*, 40 (6): 491-513.

Shils E. (1965) Charisma, Order and Status. *American Sociological Review*, 30 (2): 199-213.

Sokolov M. (2018) Cultural capital and social revolution. Arts consumption in a major Russian city, 1991-2017. *Poetics* (<https://doi.org/10.1016/j.poetic.2018.10.005>)

Veblen T. (2017 [1899]) *The Theory of the Leisure Class*, Routledge.

Zeelenberg M., (2018) Anticipated regret: A prospective emotion about the future past. The psychology of thinking about the future. In Oettingen G., Sevincer A.T., Gollwitzer P.M. (eds.) *The psychology of thinking about the past*. New York: The Guilford Press: 276-295.

91

Рекомендация для цитирования:

Соколов М.М. (2019) Поколения вместо классов? Возраст и потребительская революция в России. *Социология власти*, 31 (1): 71-91.

For citations:

Sokolov M.M. (2019) Generations Instead of Classes? Age and the Consumer Revolution in Russia. *Sociology of Power*, 31 (1): 71-91.

Поступила в редакцию: 30.01.2019; принята в печать: 22.02.2019

Received: 30.01.2019; Accepted for publication: 22.02.2019

Межпоколенческие отношения и социальные трансформации на примере Северного Кавказа

doi: 10.22394/2074-0492-2019-1-92-113

Резюме:

В статье рассматривается роль межпоколенческих отношений и межпоколенческого конфликта в социальной трансформации. Исследование данного вопроса осуществляется на примере Северного Кавказа. Анализ базируется на разделении двух форм межпоколенческого конфликта: конфликта на основе стадий жизненного цикла и конфликта на основе межпоколенческого разрыва. Именно последний особенно важен для понимания механизмов социальной трансформации. Автор демонстрирует, что межпоколенческий разрыв может приводить как к эволюции межпоколенческих отношений и постепенной эмансипации молодежи, так и выливаться в острый межпоколенческий конфликт. Последний определяет динамику межпоколенческих отношений в первую очередь в условиях высоких темпов социальных преобразований, идеологического плюрализма и протестного потенциала молодежи. Опорой молодежи в противодействии сложившимся нормам и заложенным в процессе ранней социализации представлениям о превосходстве старших становятся радикальные идеологии. На Северном Кавказе роль такой идеологии сыграл исламский фундаментализм. Именно он стал языком межпоколенческого конфликта и способом его легитимации. Эта идеология отрицает безусловную ценность опоры на опыт предков и считает, что авторитет знания выше авторитета возраста. Подобный механизм межпоколенческого конфликта поставил под вопрос сами основы традиционной культуры. С одной стороны, это расширило возможности адаптации молодежи к новым условиям, способствовало развитию индивидуализма и критического мышления. Но, с другой стороны, межпоколенческий конфликт в подобной форме привел к радикализации молодежи, к распространению насильственных практик.

Стародубровская Ирина Викторовна — кандидат экономических наук, руководитель направления «Политическая экономия и региональное развитие» Фонда «Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара». Научные интересы: социальные трансформации, урбанизации, социологии города, социология религии, радикальные исламские течения. E-mail: irinavstar@gmail.com

Статья подготовлена по материалам НИР РАНХиГС 2019 г. «Анализ механизмов религиозной радикализации молодежи и сопоставление вариантов противодействия ее проявлениям (на примере Северного Кавказа)».

Ключевые слова: межпоколенческие отношения, межпоколенческий конфликт, социальная трансформация, радикальные идеологии, исламский фундаментализм, Северный Кавказ

Irina V. Starodubrovskaya

Gaidar Institute for Economic Policy, Moscow, Russia

Intergenerational Relations and Social Transformations: The Case of North Caucasus

Abstract:

The article is devoted to the analysis of the role of intergenerational relations and intergenerational conflict in social transformation. The example of the Northern Caucasus is used for this research. The analysis is built on the separation of the two forms of intergenerational conflict: conflict based on the life cycle stages and conflict based on the generation gap. The latter is especially important for understanding the mechanisms of social transformation. The article demonstrates that a generation gap can either lead to the evolution of intergenerational relations—and the step-by-step emancipation of the youth—or generate acute intergenerational conflict. The conflict intervenes in the dynamic of intergenerational relations, mostly in the situation of rapid social transformation, ideological pluralism and the youth's protest potential. For the youth, radical ideologies act as pillars against existing norms and the superiority of elders that was implanted during the early process of socialization. In the Northern Caucasus, Islamic fundamentalism had played the role of such an ideology. It was the language and the way of legitimation of intergenerational conflict. It denied the undoubted value of relying on the ancestral experience and considered the authority of knowledge as more important than the authority of ages. This mechanism of intergenerational conflict questioned the very basis of traditional culture. On the one hand, it widened the possibilities for the youth's adaptation to the new conditions, contributed to the development of individualism and critical thinking. However, on the other hand, intergenerational conflict in such forms led to youth radicalization and the spread of violent practices.

Keywords: intergenerational relations, intergenerational conflict, social transformation, radical ideologies, Islamic fundamentalism, the Northern Caucasus.

Irina V. Starodubrovskaya — Candidate of Sciences (Economics), Head of the Department of Political Economy and Regional Development of the Gaidar Institute for Economic Policy. Research interests: social transformation, urbanization, urban sociology, sociology of religion, radical Islam. E-mail: irinavstar@gmail.com

The article is prepared on the basis of RANEPA research project “Analysis of the youth religious radicalization mechanisms and comparison of different strategies for dealing with it (using the example of the Northern Caucasus)”.

Два типа межпоколенческого конфликта

При анализе социальных трансформаций межпоколенческие отношения редко становятся самостоятельным предметом изучения. Это не значит, что их роль полностью игнорируется. Обычно признается, что новые формы жизненного уклада воспринимаются в первую очередь молодежью, и это может вызывать конфликт со старшими поколениями, и на этом ставится точка. Возможно, причина в том, что межпоколенческий конфликт считается чем-то естественным, воспроизводящимся в любых условиях, и потому не может объяснить какие-либо специфические социальные сдвиги. Действительно, межпоколенческая передача опыта, с одной стороны, и смена поколений, когда более молодые «берут бразды» в свои руки — с другой, характерны для любого общества. Тем не менее анализ межпоколенческого конфликта в научной литературе¹ позволяет выделить два его принципиально разных типа:

- 1) межпоколенческий конфликт, связанный со стадиями жизненного цикла;
- 2) межпоколенческий конфликт, связанный с межпоколенческим разрывом.

94

Первая модель формируется в результате того, что различные возрастные когорты могут занимать разное положение в социальной системе. «Возрастная стратификация означает, что в обществе индивиды, принадлежащие к определенным возрастным группам, имеют неравный доступ к ценным социальным ролям и социальным вознаграждениям» [Foner 1984: xiii]. В науке даже делались попытки сравнивать возрастную классификацию с классовой [Mannheim 2012; Foner 1984]. Очевидно, социальное неравенство могло порождать межпоколенческие конфликты.

Так, традиционная, доиндустриальная система характеризовалась доминированием старших, «в подавляющем большинстве [подобных] обществ преимущества приходят с возрастом» [Foner 1984: 29]. В руках старших обычно сосредотачивались основные производственные ресурсы; они пользовались авторитетом и руководили как семьями, так и более крупными сообществами; они рассматри-

1 Следует отметить, что исследования межпоколенческих отношений далеко не сводятся к характеристике межпоколенческого конфликта. Значительная их часть посвящена другим вопросам, в частности самому определению поколения (биологическое vs социальное/историческое). Данная статья не ставит задачу дать обзор всей имеющейся здесь литературы. Поэтому работы, посвященные иным аспектам межпоколенческих отношений, включаются в анализ только тогда, когда это необходимо для рассмотрения основной темы данной статьи.

вались как хранители важной для общества информации, передающейся из поколения в поколение. Наконец, они воплощали связь с предками и тем самым обладали определенной мистической властью и контролировали соблюдение ритуалов.

В основном такое положение занимали старшие мужчины, но старшие женщины также пользовались значительными привилегиями. Не все перечисленные позиции старшие занимали автоматически, но возраст был обязательным условием для того, чтобы на них хотя бы претендовать. Очевидно, подобное положение могло вызывать протест молодежи, особенно когда старшие стремились неоправданно долго удерживать контроль над ресурсами и тем самым ограничивали ожидаемое младшими продвижение в статусной иерархии¹. Молодежь в некоторых случаях объединялась в более или менее формализованные группы (мужские союзы), что помогало ей отстаивать свои интересы. На молодых могли опираться властные фигуры традиционного общества, которые не были связаны с геронтократией — военные вожди, колдуны, знахари, пророки. По мнению исследователей, «военная деятельность молодежи часто выходила из-под контроля старейшин» [Бочаров 2001: 111].

95

Однако «традиционные культуры охраняли общество от молодежи» [Там же: 112] — ее агрессивность пытались перенаправить вовне, на внешние набеги, добыча от которых все равно контролировалась старшими, а авторитет молодежных лидеров стремились ограничить (вплоть до того, что иногда их просто убивали). Кроме того, встроенные в традиционную систему отношений ограничители, такие как обычаи избегания, давление общественного мнения, последовательное проведение идеи превосходства старших в ходе социализации молодого поколения, наконец, просто близость родственных связей позволяли смягчить ситуацию. При этом наиболее серьезным амортизатором служило то, что молодые по мере продвижения по ступеням жизненного цикла должны были, наконец, занять такое же доминирующее положение, как их отцы и деды, матери и бабушки. «Неизбежность старения предотвращала либо приглушала конфликты между старыми и молодыми...» [Foner 1984: 130].

Но даже в обществах, для которых характерно было ритуализированное «свержение» власти старших, это не приводило к эманси-

1 «В земледельческих же и скотоводческих обществах старшие контролировали главные материальные ресурсы: землю и скот. Они могли задерживать социальный рост молодежи, лишая сыновей приданного (калыма), сами же брали дополнительных жен, увеличивая свой престиж» [Бочаров 2001: 105].

пации молодежи. «Старшие обнаруживают, что младшие, по мере взросления, поступают так же, как старшие в том же возрасте, и то же считают правильным и должным» [Redfield 1947: 297]. То есть аналогичный цикл без особых изменений повторялся и у следующих поколений. «В некоторых обществах от каждого молодого поколения ждут мятежа — презрения к пожеланиям старших и захвата власти у людей старших, чем они сами. Детство может переживаться мучительно, и маленькие мальчики могут жить в постоянном страхе, что их взрослые дяди и тетки схватят их и подвергнут устрашающим ритуалам в их честь. Но когда эти маленькие мальчики подрастут, они будут ожидать от своих братьев и сестер тех же самых церемоний во имя их детей, церемоний, которые так пугали и мучили их» [Мид 1988: 334].

Вторая модель межпоколенческого конфликта может возникнуть, если в результате социальных сдвигов опыт предшествующих поколений оказывается нерелевантным для молодежи, и возникает межпоколенческий ценностной разрыв [Spitzer 1973; Мид 1988]. Такой разрыв может появиться, например, в условиях миграции на другие территории, включая урбанизацию; резкого изменения образовательного уровня молодого поколения по сравнению с предшествующими; научно-технических сдвигов; доступности новых источников знаний, доходов и идей; каких-либо глобальных природных или социальных катаклизмов. Этот феномен описывали, в частности, Р. Инглхарт и К. Вельцель в работе «Модернизация, культурные изменения и демократия», изучая переход от индустриальных к постиндустриальным ценностям и демонстрируя, что он носит поколенческий характер [Инглхарт, Вельцель 2011].

Но всегда ли ценностной разрыв приводит к межпоколенческому конфликту? Важными размышлениями на эту тему делится Маргарет Мид в книге «Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями». Она выделяет три типа культуры с точки зрения модели поколенческих отношений: постфигуративный, где дети прежде всего учатся у своих предшественников; кофигуративный, где дети и взрослые учатся у сверстников; префигуративный, где взрослые учатся у своих детей.

Постфигуративная культура — это тот тип традиционной культуры, который рассмотрен выше. Он характеризуется, по словам Мид, чувством вневременности и всепобеждающего обычая, единственным прошлым неопределенной давности. Это прошлое находит воплощение в стариках. «Для того чтобы сохранить такую культуру, старики были нужны. И нужны не только для того, чтобы иногда вести группы людей в новые места в периоды голода, но и для того, чтобы служить законченным образцом жизни, как она есть» [Мид 1988: 323].

Кофигуративная культура, которую Мид рассматривает как устойчивую модель, предполагает, что и старые, и молодые считают естественным отличие форм поведения у каждого следующего поколения по сравнению с предыдущим. Это связано с тем, что «опыт молодого поколения радикально отличен от опыта их родителей, дедов и других представителей той общины, к которой они непосредственно принадлежат» [Там же: 345]. В качестве «менторов» и примеров для подражания в такой ситуации все чаще выступают сверстники и не имеющие кровного родства с молодым человеком взрослые, которые могут помочь ему в адаптации. Однако допустимость культурных различий и их границы все еще контролируются старшими. «Во всех кофигуративных культурах старшие по возрасту по-прежнему господствуют в том смысле, что именно они определяют стиль кофигурации, устанавливают пределы ее проявления в поведении молодых» [Там же: 342]. Изменения соседствуют с сохранением неких неизблемых общих основ, которые не подвергаются сомнению ни старшими, ни младшими. Мид называет это изменениями в пределах неизменного [Там же: 359].

При этом старшие могут вести себя по-разному. Они могут понимать собственную неспособность до конца приспособиться к изменившимся условиям, принимать необходимость восприятия детьми новых поведенческих и ценностных моделей и даже гордиться их успехами в адаптации. Особенно велика вероятность такого поведения, если межпоколенческий разрыв не очень велик. Но может реализоваться и другой вариант, когда младшее поколение радикально разрывает с прошлым, а старшие не готовы это принять. Мид считает, что конфликты между поколениями прежде всего присущи классовым обществам с высокой вертикальной мобильностью. «Молодой человек, завоевывающий иное положение в обществе, отличное от его родителей, будь они крестьянами или представителями средних классов в аристократическом обществе, представителями угнетенной расовой или этнической группы, должен открыто и осознанно разорвать с постфигуративными моделями, олицетворяемыми его родителями и дедами, и искать новые модели для своего поведения» [Там же: 348]. Судя по всему, здесь формируются основы для перехода к префигуративной культуре.

Что касается этой последней, то Мид может лишь прогнозировать ее характеристики. «Дети сегодня стоят перед лицом будущего, которое настолько неизвестно, что им нельзя управлять так, как мы это пытаемся делать сегодня, осуществляя изменения в одном поколении с помощью кофигурации в рамках устойчивой, контролируемой старшими культуры, несущей в себе много постфигура-

тивных элементов» [Там же: 359-360]. В этих условиях, по ее мнению, межпоколенческий разрыв приобретает новый характер, он глобален и всеобщ: «дети на наших глазах становятся совсем чужими, подростков, собирающихся на углах улиц, следует бояться, как передовых отрядов вторгшихся армий» [Там же: 360].

О той же глубине разрыва говорит и Ш. Айзенштадт в связи с молодежными движениями конца 1960-х, направленными, по его словам, против модерна с его рациональностью и центральной ролью науки: «впервые в истории по меньшей мере какие-то части этих движений стремятся полностью отделиться от более широких социальных и национальных движений, от мира взрослых, стремятся не принимать никаких моделей или союзов, связанных со взрослыми, тем самым подчеркивая межпоколенческий разрыв и конфликт беспрецедентного масштаба» [Eisenstadt 1973: 244].

98

Необходимо отметить, что анализ межпоколенческих отношений в подробной логике характерен в первую очередь для периода до 1980-х годов. На его развитие особенно сильно повлиял «молодежный бунт» конца 1960-х, выведший проблематику межпоколенческого конфликта в число наиболее актуальных тем научных исследований. Однако в дальнейшем стало очевидно, что радикальность разрыва с прошлым в ходе молодежных бунтов была преувеличена. Это пришлось признать и самой Мид во втором издании ее книги «Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями».

В дальнейшем фокус исследования поколенческих отношений смещается. Межпоколенческий разрыв начинает восприниматься как некая универсальная данность, а различиями между поколениями пытаются объяснить циклические волны в истории. Так, в своих работах Н. Хоув и У. Штраус [Strauss, Howe 1991; Strauss, Howe 1998] рассматривают повторяющиеся в американской истории циклы продолжительностью 80-90 лет, состоящие из четырех этапов: подъем, пробуждение, спад, кризис. Смена поколений приводит в движение данный цикл и определяет его периодичность. В детстве и молодости поколения формируются под влиянием исторических событий, а затем, в середине жизни и старости, будучи родителями и лидерами, они сами формируют историю. Соответственно поколения, имеющие одинаковый исторический опыт в начале жизни, воспроизводят похожие жизненные сценарии.

Подобный подход переводит акценты с взаимоотношений между поколениями на специфические характеристики каждого отдельного поколения. Категории «поколение X, Y или Z» либо какие-то другие их наименования становятся обязательной частью практически любого поколенческого исследования. Особое внимание обращается на специфику ценностей различных поколений (исследование

Инглхарта и Вельцеля можно рассматривать в качестве подобного примера).

В то же время работы в данной сфере начинают носить более прикладной характер. Особенности каждого конкретного поколения (поколенческие субкультуры) стремятся учитывать и использовать в системе управления с целью ее совершенствования. Соответственно динамика межпоколенческих отношений рассматривается уже не как результат действия во многом стихийных социальных сил, а как вполне управляемый процесс, направленный на повышение эффективности. «Социальная эволюция не достигается новыми поколениями автоматически. Страна и компания развиваются только тогда, когда каждое следующее поколение умнее предыдущего. Говоря простыми словами, это происходит в той степени, в какой: 1) родители улучшают воспитание своих детей; 2) улучшается образование детей; 3) образовательный уровень повышается от поколения к поколению; 4) отношения между сверстниками интенсифицируются, в наши дни — с помощью мультимедиа. Другой фактор состоит в том, что экономика знаний в обществе и в компании развивается быстрее, если мудрость старшего поколения передается более молодому поколению, если наиболее молодые поколения могут опираться на опыт старших, на то, чему более старшие поколения научились в своей (трудовой) жизни» [Bontekoning 2011: 291]. Очевидно, при такой постановке вопроса тематика конфликтности либо вообще уходит из поля зрения исследователя, либо акценты в ее анализе серьезно смещаются.

99

Между тем, если рассматривать происходящее на Северном Кавказе, именно исследования, посвященные логике межпоколенческого конфликта и определяющим его социальным силам, представляют наибольший интерес. Слом традиционного социального уклада, активные миграционные процессы, разнонаправленная глобализация — все это предопределило остроту и неуправляемость проблем, возникавших здесь в отношениях между поколениями. И с этой точки зрения работы, появившиеся как реакция на европейский молодежный бунт конца 1960-х, могут дать больше для понимания происходящих в данном регионе сдвигов, чем более поздняя литература по проблеме поколений. Не случайно у исследователей радикальных, в том числе исламских фундаменталистских движений, активизация которых на Северном Кавказе вызывает столь серьезную тревогу, возникают прямые ассоциации с молодежными движениями 1960-х годов. «Молодежь 1960-х приступила к тому, чем уже не первое десятилетие занимались фундаменталисты, — они начали создавать “контркультуру”, “альтернативное общество”, бунтуя против господствующих взглядов» [Армстронг 2013: 277].

Межпоколенческие отношения и адаптация к изменениям на Северном Кавказе¹

Традиционные культуры на Северном Кавказе характеризуются как «этикетные, жестко регламентированные, которые требуют подчинения младшего старшим и четкой ритуализации поведения» [Павлова 2012: 245]. Иными словами, они предполагают явно выраженные возрастные, поколенческие иерархии. Старший мужчина обычно был главой семьи, и ему все должны были безоговорочно повиноваться. По адатам, отец имел право на жизнь своих детей. «Младший брат должен был повиноваться старшему брату, младшая сестра — старшей сестре, младшая невестка — старшей невестке, младшая жена — старшей, первой жене. ... Эта традиционная регламентация простиралась и за пределы семьи, распространяясь на всех вообще старших родственников — дедов, бабок, дядьев, теток и т. п.» [Смирнова 1983: 35-36]. Подобное отношение к старшим формировалось в ходе ранней социализации и определяло поведение человека на протяжении всей его жизни². *«У нас как змея: старшие голова, младшие хвост. Старшие указывают, как делать, что делать. Младшие слушаются. ... Старшие много видали в своей жизни, их слушаться, и как они говорят, если сделать — никогда не ошибешься»* (мужчина молодого возраста, Дагестан, 2014)³. *«У нас такое общество, что даже наказывать не нужно. Потому что, если старший сказал, — так и должно быть. Это уже установлено так»* (мужчина старшего возраста, Дагестан, 2016).

В то же время подчинение младших обеспечивалось не только за счет воспитания. Во многих северокавказских селах очень схоже описывался существовавший на памяти ныне живущих поколений (иногда старшего, иногда среднего, а в отдельных случаях и младшего возраста) достаточно репрессивный механизм, позволявший

1 Данный анализ основан на полевых исследованиях, проводившихся с 2012 по 2018 год в пяти республиках Северного Кавказа — Дагестане, Чечне, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. За этот период изучено около 50 сельских и городских населенных пунктов, проведено около 450 индивидуальных и групповых интервью и 36 фокус-групп. Затрагиваемые в статье вопросы анализировались в рамках двух крупных тем: трансформация традиционного уклада на Северном Кавказе и причины, механизмы и последствия распространения исламского фундаментализма в северокавказских республиках.

2 Об используемых механизмах подобной социализации см. [Гарб 1984].

3 Цитаты из интервью с информантами выделены курсивом. По каждому информанту указаны: пол, возрастной интервал, регион и год проведения интервью. Возрастные интервалы определялись следующим образом: молодой возраст — 15-35; средний возраст — 35-55; старший возраст — старше 55.

держат младших «в узде». Можно выделить три ключевых элемента данного механизма.

1. Единство всех носителей возрастного и властного авторитета в контроле за поведением младших. Учителя, старейшины, родители, власти поддерживали друг друга в этом процессе, обменивались информацией, могли несколько раз наказать младшего за один и тот же проступок (например, сначала в школе, потом дома). «Если раньше учителя замечания делали или там взрослый человек ребенку, мальчику или девочке, какое-то замечание сделали, если они пошли жаловаться к родителям, родители еще добавляли им. Может быть даст там по заднице и так далее: “нельзя так делать, слушать надо старших”» (женщина старшего возраста, Дагестан, 2016); «Я помню там, если в школе не отучился, пришел, на тебя учительница жалуется, тебя учительница отчитывала, и еще и дома получал по полной программе» (мужчина среднего возраста, КБР, 2015). При возникновении разногласий мнение старшего автоматически считалось правильным вне зависимости от сути вопроса.

2. Безоговорочное подчинение младшего любому старшему в местном сообществе, не только члену семьи или родственнику. Старший мог потребовать от младшего выполнения практически любого поручения, и младший не имел возможности отказаться, даже если был занят или это было ему неудобно. «Старший говорит — идешь даже по своим делам — сбегай там, хлеб купи или там сигарет купи. Мы вообще даже и не думаем — взял, побегал, купил» (мужчина среднего возраста, КБР, 2015). Подобное подчинение также поддерживалось коллективными действиями старших и носителей авторитета. «Родителей не устраивало, если я не пошел. Лично я взбучку получал» (мужчина молодого возраста, Дагестан, 2014).

3. Использование страха и стыда в качестве инструментов воздействия. «Ребенок должен чего-то бояться... Без страха нет стыда. ... Пока человек не будет бояться, все равно... без этого порядка не будет» (мужчина среднего возраста, КЧР, 2015). Информанты вспоминали, что молодежь вообще боялась пройти мимо годекана (места, где сидели старшие), поскольку всегда мог найтись повод для наказания, в том числе физического. «Они [старшие] сидели на годекане целыми днями — нечего же было делать — давали детям поручения. Кто-то, если таким окажется менее проворным, они могли, имели право даже наказывать детей, чужих детей. Многие боялись даже проходить рядом. Не было принято» (женщина среднего возраста, Дагестан, 2015). «Если молодой кто-то подходил, там палкой могли стукнуть, не пускали, настолько у них сила была, никто не мог им возразить» (мужчина среднего возраста, Дагестан, 2014).

Кроме того, страшно было, что о проступке сына или дочери все узнают, расскажут в сельсовете, в колхозе, и этот позор будет выставлен на всеобщее обозрение. «Когда я был маленьким, у нас ... всегда боялись слова “сельсовет”. Родителей вызовут в сельсовет, что там пору-

гают, что там могут еще в комбинате на собрании коллектива сказать: “Вот, твой сын что-то сделал, или с кем-то не поздоровался”» (мужчина среднего возраста, Дагестан, 2015). В некоторых местах практиковались публичные физические наказания детей и подростков — ребенка могли выпороть перед всем классом.

В то же время советская модернизация не могла не поставить вопрос о большей свободе молодого поколения в определении своего будущего. В городах, а также в «продвинутых» селах молодые люди получали образование, делали карьеру, девушки эмансипировались, выходили из традиционных гендерных ролей. Тем не менее далеко не всегда это приводило к открытому межпоколенческому конфликту. Каким же образом сглаживались потенциальные противоречия?

Один из способов состоял в использовании механизмов «ритуального послушания»¹. Традиционные модели межпоколенческих отношений являются высоко ритуализованными. Вот как, например, описываются требования к взаимоотношениям «старший — младший» применительно к Ингушетии:

- при появлении старшего младший обязан встать и не садиться до тех пор, пока старший не разрешит это сделать;
- при встрече со старшим на дороге младший обязан поздороваться и поинтересоваться, как у старшего дела, узнать, не нужна ли помощь, проводить до дома;
- если старший и младший идут по дороге, то младший должен держаться левее старшего и на шаг сзади;
- младший должен проявлять услужение старшему, беспрекословно ему подчиняться, не перечить и не противоречить ему; даже если старший не прав, необходимо молча выслушать его [Павлова 2012: 163].

В этом перечне только последний пункт реально предполагает повинование младших. Все остальное — правила этикета, которые могут соблюдаться и в том случае, если жизненные решения младший принимает сам². Степень ритуализованности могла быть различной. Иногда достаточно было формально согласиться со старшими,

1 Я благодарю свою коллегу Наиму Нефляшеву, предложившую этот термин в наших обсуждениях данного вопроса.

2 Подобные механизмы были характерны не только для Северного Кавказа. Сравните пример из исследования, посвященного сельской Ирландии. «Например, почтение молодых людей может быть пустой формальностью. В одном случае сын прекрасно ладил со своим отцом, создавая видимость уступок старику. “Даже после того как я женился, — рассказывал младший, — каждое утро я шел к старику и спрашивал, что, по его мнению, я должен сегодня делать. ... Потом я тратил двадцать или тридцать минут, делая то, что сказал старик, а после занимался своими делами”» [Foner 1984: 99].

а потом сделать по-своему; иногда приходилось откладывать реализацию собственного выбора, например, прежде чем обучиться любимой профессии, закончить выбранный родителями вуз. Но, очевидно, этот механизм способен был в определенной мере смягчить жесткость возрастных иерархий и предоставить молодому поколению некоторую свободу маневра.

Использовались ли в советское время механизмы адаптации, описываемые Мид как кофигуративные? Скорее всего, да, хотя в моем исследовании подобных конкретных примеров не было. А вот в постсоветское время в отдельных сообществах они позволяли обеспечить необходимую трансформацию межпоколенческих отношений без открытого противостояния. Старшие признавали преимущества молодежи в быстром приспособлении к новым веяниям, поиске новых решений. *«Сейчас, честно говоря, дети уже умнее стали. Намного больше информации получают, чем родители. Они уже знают, что происходит в мире, что творится, какие новости, где какие проблемы, какие ситуации, какая профессия интересная. ... Они лучше развиты в общении, чем взрослое поколение»* (женщина, среднего возраста, Дагестан, 2015). В таких условиях границы ритуального послушания расширялись. Так, младшие могли уже просто не ставить старших в известность о своих планах, лишая их возможности что-либо запретить. А раз нет запрета — значит, формально нет и неповиновения. Некоторые правила этикета также начинали отмирать. *«Там, допустим, остановить машину, старика посадить в машину, подвезти — уже нет такого»* (мужчина среднего возраста, Дагестан, 2015).

103

Тем не менее младшие и старшие по меньшей мере символически поддерживали общую сельскую идентичность, ориентировались на единые ценности. Старшие в этих условиях понимали, к чему стремятся молодые, и это не вызывало у них отторжения и ощущения угрозы. *«Жизненные цели те же самые. Вырастить детей, их женить, построить им дома, достаток, ... такие обычные цели»* (мужчина среднего возраста, Дагестан, 2015). Поэтому они соглашались играть в эту игру и даже мириться с отдельными фактами открытого неповиновения. *«Мать разъясняет, отец разъясняет, соседи разъясняют, родные и близкие разъясняют ему. ... Нет — тогда родители соглашаются и дружно живут. Что делать? Другого выхода же нету»* (мужчина старшего возраста, Дагестан, 2015). Межпоколенческие механизмы эволюционировали в рамках модели, названной Мид изменениями в пределах неизменного.

Однако на Северном Кавказе в постсоветское время далеко не во всех случаях межпоколенческие отношения изменялись эволюционно, без жестких конфликтов. Какие факторы на это влияли?

Во-первых, глубина и масштабность социального слома. Если в советское время выход за границы традиционных ограничений был одним из возможных вариантов выбора и мог происходить в со-

ответствии с достаточно предсказуемыми траекториями в рамках базового ценностного единства, то постсоветская реальность потребовала адаптации к новым условиям практически от каждого. В том числе и от тех обществ, где старшее поколение было не готово довольствоваться ритуальным послушанием. *«Я, например, мой старший брат, я и мои родители..., я какой бы старший ни был, они взрослее меня... Отец, например, есть здесь у нас, с нами живет здесь. Отец сказал мне — сиди. Сижу. Все»* (мужчина, среднего возраста, Дагестан, 2014).

Во-вторых, протест молодежи против обстановки социальной дезорганизации, несправедливости, блокировки социальных лифтов. Этот протест имел и межпоколенческий аспект — в сложившейся в обществе ситуации винили взрослых. *«В данный момент эти взрослые, я, например, считаю, что из-за них я сейчас в таком положении. ... Из-за них у нас школа нехорошая, из-за них у нас коррупция, ... весь бардак из-за них. Я придерживаюсь такого мнения»* (мужчина молодого возраста, Дагестан, 2013).

В-третьих, сами старшие, не всегда способные адаптироваться к новым условиям и тем самым предоставить младшему поколению модели успешных жизненных стратегий, теряли уважение. *«Потому что старшие для младших стали некомпетентны. Почему? Потому что старшие, они спились. И поголовное большинство, они такие вот алкаши были. ... Что он может сказать, какую нравственность он может передать поколению, если он сам некомпетентный? Нажрется как свинья, придет там, жену побьет, детей побьет, и все. ... Они цепочку потеряли»* (мужчина среднего возраста, КЧР, 2015).

Наконец, в-четвертых, в условиях, когда разрушение идеологического единства общества, информационная открытость позволили резко расширить границы выбора возможных жизненных альтернатив, межпоколенческий конфликт мог манифестировать себя в форме идеологического противостояния. *«Старшее поколение... Все сходятся на мнении, что потерянное поколение, так сказать..., они в этом коммунизме своем где-то там замкнулись... Вот этот разрыв между поколениями очень сильно ощущается. Просто на разных языках»* (мужчина молодого возраста, Дагестан, 2015).

В результате во многих случаях молодежь чувствовала необходимость решительного разрыва с ценностями и ориентирами старшего поколения. Каким же образом осуществлялся этот разрыв в условиях, когда впитанные буквально «с молоком матери» культурные нормы базировались на безусловном подчинении старшим?

Межпоколенческий конфликт и радикальный ислам

Радикальные идеологии оказываются для молодого поколения действенным механизмом если не полного разрыва с прошлым, то хотя бы смягчения тех моделей и стереотипов, которые закладывались

в процессе ранней социализации, их преодоления, пусть и далеко не безболезненного. Это позволяет в резко изменившихся условиях расширить пространство самостоятельного поиска ценностей и смыслов, освободиться от социальных практик, которые мешают адаптации. На Северном Кавказе роль подобной идеологии сыграл исламский фундаментализм, призывавший отойти от атеизма и традиционного ислама, пропагандировавших старшими, строить жизнь по образцу первых поколений мусульман, освободить ислам от напластования народных традиций и «новшеств», ориентироваться на исламский халифат как социальный идеал и модель будущего государства. Фактически ислам стал языком межпоколенческого конфликта, его легитимация произошла именно в исламских формах. Каким образом это происходило?

На первый взгляд, ислам исповедует вполне традиционный подход к межпоколенческим отношениям.

«– Все ли согласны, что мусульманин должен уважать родителей?»

– Да.

– Это в первую очередь нужно. После уверования в Аллаха он [мусульманин] должен уважать родителей. Слушаться.

– А если родители неправы?

– Ну смотри, если они против ислама идут, тогда уже можно их слушаться. ... Позволено их не слушать, если они против религии. ... Религия—это главное» (фокус-группа со старшеклассниками, Дагестан, 2013)¹.

Но что считать религиозными вопросами, в которых можно слушаться родителей? Здесь могут быть различные интерпретации. Например, человек придерживается не того исламского течения, что его отец, и ходит в другую мечеть, но при этом остальных сферах полностью соблюдает поколенческую субординацию. «Я постоянно домой прихожу, без разрешения родителей никуда не хожу, без разрешения родителей ни с кем или там неместными, или там плохими людьми не хожу. Поэтому меня родители увидели..., то, что я делаю, например, им понравилось, они одобрили меня» (мужчина среднего возраста, Дагестан, 2014). «У нас отец, допустим, суфист, как можно сказать, мы—салафиты. ... Что отец скажет—то и делаем. Чисто не по религиозным [вопросам], а по хозяйству» (мужчина среднего возраста, Дагестан, 2016) Такую позицию можно встретить в селах, в основном достаточно традиционных.

Однако оказалась возможна другая интерпретация. Если родители не мусульмане или «неправильные» мусульмане, то вся их жизнь не соответствует религиозным канонам, и потому дети имеют право жить по-своему. Это могло проявляться в относительно мягких формах, когда младшее поколение просто меняло стиль и образ жизни

¹ Данная фокус-группа проводилась Евгением Варшавером. Я благодарю его за возможность использовать результаты данного анализа.

вне зависимости от того, как к этому относятся старшие. *«Старшие живут по каким-то можно сказать старым обычаям. Сейчас как бы XXI век, и молодежь как хочет, так и одевается. ... Вы же не можете сказать ему: сбрей бороду, она мне не нравится»* (мужчина молодого возраста, КЧР, 2015). Но бывали и более тяжелые случаи, когда «неправильность» жизни старших могла вызывать агрессивную реакцию. В некоторых селах говорили, что членов незаконных вооруженных формирований боялись в первую очередь их родственники. *«Они к чужим не ходили, они напугали своих»* (мужчина среднего возраста, КБР, 2015).

Подрыв возрастных иерархий в рамках фундаменталистского ислама осуществлялся за счет того, что:

- отрицалась ценность безоговорочного следования тому, как вели себя и действовали предшествующие поколения, в то время как возрастные иерархии исторически во многом связаны были именно с культом предков [Карпов, 1996, с. 138]. *«Невежественный человек..., он привык так жить, и у него одна мысль в голове: мой отец так жил — и все. Никакие доводы, размышления — это все чуждо ему»* (мужчина молодого возраста, Дагестан, 2015);
- авторитет старшинства заменялся авторитетом исламского знания, и возраст носителей этого знания значения не имел. *«По религии у нас что-то возглавить должен не старший, а знающий»* (мужчина среднего возраста, Дагестан, 2017).

Под вопрос был поставлен безоговорочный авторитет отца, который в рамках традиционной культуры носил практически сакральный характер¹. Для религиозной молодежи *«если брать отцовское слово и слово Всевышнего, то выше слова Всевышнего»* (мужчина молодого возраста, Дагестан, 2014). Фактически фигура Всевышнего в этой ситуации замещала фигуру отца в качестве источника авторитета. Исходя из этого, действия отца могли уже оцениваться критически. *«Бывают семьи, когда отец не молится, а сын молится. И этот ребенок, он теряет уважение к своему отцу»* (мужчина среднего возраста, Дагестан, 2016).

¹ Как справедливо отмечал Ф. Теннис, «отцовство выступает как наиболее чистое основание идеи господства в рамках общности» [Теннис 2002: 20]. Авторитет отца строится на достоинстве возраста, достоинстве силы и достоинстве мудрости и должен вызывать чувства страха и почтения. Многие мои собеседники отмечали инстинктивный страх перед отцом, который окрашивал все их детские годы, несмотря на то что отец никогда их не наказывал. О том же пишет в своей работе Пола Гарб применительно к Абхазии, цитируя одну из информанток: «Мы боялись отца, хотя он нас никогда не бил и ни разу не повысил голоса. А когда мать говорила, что вот придет с работы отец и “строгий” нас накажет, мы просили ничего ему не говорить и обещали хорошо себя вести. Не знаю, почему мы верили маме, что отец может нас сурово наказывать! Он никогда этого не делал» [Гарб 1984: 117].

Выход из поколенческих иерархий позволяет молодежи гораздо проще принимать самостоятельные решения, способствует развитию индивидуализма и критического взгляда на мир. Приведу в качестве примера рассказы двух молодых людей, живущих в крупном районном центре на дагестанской равнине. Они являются двоюродными братьями (что позволяет предположить некоторую схожесть процессов ранней социализации), но один из них встроено в семейные иерархии, а второй является сторонником исламских фундаменталистских взглядов.

Разговор с первым информантом:

«— Родители тоже не хотят, чтобы я туда-сюда-обратно ехал. И одного в город тоже не хотят отпускать. ...

— А в Москве бывал?

— Бабуля не хочет отпускать.

— А сам хочешь?

— Да. В Москве все есть. Бабуля не хочет отпускать.

— А все есть — это что?

— Работа есть, квартира есть. Она наслушалась байки про то, что дагестанцы уехали туда в Москву, и где-то там дагестанки взрослые головы им вскружили, и они деньги не отправляют себе домой. Мне-то на счет денег ничего не говорит, но боится, что с кем-то там...» (мужчина молодого возраста, Дагестан, 2015).

107

Второй информант: «Меня, например, чтобы я уехал, не хотели. И максимально пытались остановить. Но я уехал все равно. Вплоть до того, что дома не знали, что я уезжал в первый раз. Я сказал — поеду-ка я на квартиру в город. И меня не было два дня. Два дня достаточно, чтобы уехать в Египет» (мужчина молодого возраста, Дагестан, 2015).

На подобную модель межпоколенческих отношений, начинающую напоминать префигуративную в классификации Мид, старшее поколение, как правило, реагирует очень болезненно. «Родителей не слушается — вот самое обидное вот это. Родителей не слушается, а кого-то с улицы, какого-то босяка слушает. Вот я, например, считаю — самые несчастные родители, дети которых не слушаются» (мужчина старшего возраста, Дагестан, 2016). В отличие от кофигуративной модели здесь ситуация выходит из-под его контроля. Цели¹ и образ жизни моло-

1 «Если в плане вот как другие: я вырасту, построю дом там, выращу сына — в таком плане я не строю свое будущее. Да, разумеется, по возможности построю дом — если будет нужно. Не потому, что делают это все — так-то дом у меня есть. Конечно, если даст Аллах, воспитаю сына и не одного. ... У меня задача — как можно больше пользы принести людям. ... Я вижу пользу со стороны ислама» (мужчина молодого возраста, Дагестан, 2015); «Действительно, это именно речь идет о понятиях человека..., когда у отца какие-то капиталистические понятия..., когда он живет мирским, а у сына, например, понятия... справедливости... По справедливости,

дых становятся непонятными и создают ощущение угрозы. Отсюда представления о том, что дети попали под чье-то враждебное влияние, что их зомбировали. «А как можно еще объяснить?» (женщина старшего возраста, Дагестан, 2016).

Однако не всегда межпоколенческие отношения складываются подобным образом. Есть случаи, когда, как и писала Мид, старшие начинают учиться у молодых. Что касается религиозных взглядов, подобная ситуация возникает нередко. Немало молодых информантов с гордостью рассказывали, что под их влиянием старшие стали молиться, меньше нарушать исламские нормы. Это же подтверждают и сами старшие. «Они [невестки] в рамках держатся. У них определенные правила есть, на самом деле правила. Не угнетающие правила... То, чего мы не знаем, они соблюдают. ... Они соблюдают эти каноны. Когда я у них бываю, я подтягиваюсь, я по-другому одеваюсь, одеваю платок» (женщина старшего возраста, Дагестан, 2016). Влияние молодежи на старших наблюдается даже в сугубо религиозных традиционных селах, где поколенческие иерархии казались незыблемыми. «Ни один родитель не смог перевоспитать своего [ребенка], который на ту сторону склонился... Наоборот, родители все уже склоняются в ту сторону. Все» (мужчина среднего возраста, Дагестан, 2013).

108

Межпоколенческий конфликт и социальная трансформация

Характер социальной трансформации, происходящей под воздействием исламских фундаменталистских взглядов на Северном Кавказе (как и в других регионах мира), вызывает серьезные дебаты. Часто последствия их распространения рассматриваются исключительно в негативном ключе, как откат назад по сравнению с достижениями советского времени, как наступление нового Средневековья. Можно ли согласиться с подобной трактовкой? Представляется, что она существенно упрощает ситуацию и не позволяет понять всю неоднозначность происходящих в регионе процессов.

Действительно, теократическая диктатура — социальный идеал многих (хотя и не всех) направлений в рамках данной идеологии — вряд ли может вызвать симпатию с точки зрения гуманистических, демократических ценностей. Однако насколько значим этот

неважно, что будет... Все-таки отец как, например, капиталист, он видит, что материальное благо для его семьи — это лучшее, что может быть. А ребенок думает, что как-то прожить по другим понятиям, несмотря на то, что там можешь материальных благ лишиться, он думает, что это ничего страшного» (мужчина молодого возраста, Дагестан, 2014).

фактор при оценке направлений социальной трансформации? Для ответа на этот вопрос важно принимать во внимание, что подобный идеал полон неразрешимых противоречий и является неосуществимой утопией (подробно этот вопрос рассмотрен, например, в [Roy 1994]). Поэтому роль фундаменталистских взглядов необходимо оценивать не с точки зрения движения к утопической цели, а с точки зрения влияния на текущую ситуацию на Северном Кавказе. А это влияние оказывается чрезвычайно противоречивым¹.

В отдельных аспектах действительно происходит архаизация по сравнению с советским временем. Особенно явно это проявляется, например, в гендерной сфере, где по меньшей мере на территориях, затронутых советской модернизацией, осуществляется возврат к традиционным гендерным ролям и усиливается гендерное неравенство. Однако подобный эффект является далеко не универсальным.

Не полностью принимая результаты советской модернизации, фундаменталисты в то же время, как было показано выше, отрицают примат традиций и безоговорочную ценность опыта предков. Это позволяет хотя бы частично «расчистить» социальное поле от прежних традиционных институтов и жизненных моделей, что необходимо для появления любых социальных новаций. Критическое отношение к прошлому раздвигает рамки индивидуального выбора, способствует обособлению личности из различных форм коллективности, позволяет осознанно выбирать жизненную стратегию. Безусловно, на практике подобная трансформация индивида является далеко не универсальной, и на ее пути возникает множество препятствий. Но представленные выше результаты исследования наглядно демонстрируют, что модели поведения религиозно индоктринированных молодых людей существенно отличаются от характерных для традиционного уклада.

Система ценностей, формируемая в рамках исламского фундаменталистского выбора, также не является однозначно архаичной. В религиозной оболочке здесь проявляются такие явно модернистские ориентиры, как важность знания (в том числе светского), здоровый образ жизни, активная жизненная позиция. Соотношение модернизационных и архаичных ценностей в рамках различных направлений исламского фундаментализма существенно различается, некоторые из них отрицают модерн практически в любых его формах, другие, напротив, ориентируются в первую очередь на современные форматы семейной и общественной жизни. И это многообразие необходимо учитывать в анализе.

1 Более подробно данный вопрос рассмотрен в [Стародубровская 2017], где для оценки последствий распространения исламского фундаментализма используется подход, основанный на феномене «исламской реформации».

Опираясь на все вышеизложенное, можно в целом согласиться с Оливье Руа в том, что реисламизация не является возвратом к премодерному обществу, это скорее попытка «исламизировать модерн». «Исламские радикалы воображают себя представителями традиции, тогда как в действительности они — фотографический негатив вестернизации» [Руа 2018: 25]. Их действия на самом деле не направлены на возвращение в прошлое. «Исламские активисты не пытаются вернуть золотой век. Напротив, они играют на поле глобализации, чтобы построить будущий золотой век в их собственном понимании: новое мировое сообщество, способное избежать провала прошлых моделей» [Руа 2018: 19].

Легитимация межпоколенческого конфликта в северокавказских реалиях имеет еще один потенциально модернизационный эффект. Она создает базу для того, чтобы новые поколения могли строить свои жизненные стратегии в том числе и на основе отрицания взглядов своих предшественников. Среди самих сторонников исламского фундаментализма взгляды на данный вопрос расходятся. Некоторые утверждают, что теперь, когда «единственно правильная» идеология найдена, они имеют право заставлять своих отпрысков ей следовать. Другие же, основываясь на том, что нет принуждения в религии, признают право своих детей искать собственные ценности и смыслы, хотя и стараются сделать все, чтобы дети разделили их выбор. Но важно в первую очередь то, что будут думать на эту тему следующие поколения. А они уже будут иметь в семейной истории примеры того, что безоговорочное следование авторитетам не является единственно возможной жизненной стратегией.

Можно ли считать, что разрыв с опытом предков в подобной форме позволил молодым людям действительно адаптироваться к новой реальности? Частично на этот вопрос можно дать положительный ответ. Бизнесмены повышают свой социальный капитал и развивают сети контактов, опираясь на сообщество идеологически близких людей, живущих по общим правилам и готовых подчиняться жестким правовым установлениям. Часть образованной молодежи, не имевшей возможности продвинуться в рамках клановой, коррупционной системы, нашла себя как мусульмане в общественных организациях, в гражданской журналистике, в правозащите. Исламская одежда, халяльная еда, другие религиозные атрибуты сформировали новые рыночные ниши, обеспечивая возможности развития бизнеса и дополнительного трудоустройства. В рамках исламского сообщества активно функционирует брачный рынок, во многом свободный от тех ограничений, которые он имел в традиционной культуре.

Однако радикальные исламские идеологии являются также и легитимацией протеста, в том числе насильственного, против существующего общества, которое воспринимается как неупорядочен-

ное и несправедливое. Разрыв с предшествующими поколениями, со сложившимся порядком вещей может манифестироваться в насилии, в вооруженной борьбе, в стремлении к уничтожению «неверных», даже если к ним относятся близкие люди. Подобные тенденции также нашли весьма яркое проявление на Северном Кавказе. При этом в рамках исламского фундаментализма разные течения обосновывают различные варианты выбора из мирных и немирных альтернатив, и в регионе наблюдается их острая конкуренция.

Выводы

Проведенное исследование демонстрирует, что социальная трансформация и межпоколенческие отношения тесно связаны между собой. Эта связь проявляется особенно явно при разрушении традиционной модели общественных отношений, основанной на жестких поколенческих иерархиях, поддерживаемых как механизмами ранней социализации, так и прямым принуждением. В этих условиях неизбежно возникает межпоколенческий разрыв, чреватый межпоколенческим конфликтом. В ситуации умеренных темпов изменений межпоколенческие отношения могут трансформироваться эволюционно и не приводить к серьезным потрясениям. Однако при резких социальных сдвигах острый межпоколенческий конфликт оказывается практически неизбежным.

111

В позднесоветское время эмансипация молодежи на Северном Кавказе в той мере, в какой она вообще происходила, протекала эволюционно, в рамках модели «ритуального послушания». Молодые, сохраняя видимость подчинения старшим, по сути все больше выходили из-под их контроля. В постсоветский период ситуация изменилась. Глубина и масштабность социального слома, массовое обесценивание в этих условиях «моделей успеха» предшествующих поколений, запрос на принципиально новые жизненные стратегии, ценности и смыслы в сочетании с протестом против хаотичного и несправедливого мира, созданного старшими, — все это определило остроту межпоколенческого конфликта.

Однако разрыв с впитанными буквально с молоком матери культурными нормами был непросто. Роль его катализатора в условиях Северного Кавказа сыграла радикальная исламская идеология. Фактически ислам (в определенной его интерпретации) стал выступать языком межпоколенческого конфликта, легитимация данного конфликта произошла именно в исламских формах. Это привело к двоякого рода последствиям. С одной стороны, радикальная исламская идеология во многом позволила освободиться от сковывающего влияния традиционных норм, расширить возможность адаптации к новым социальным условиям. С другой стороны, в результате

в глазах молодежи произошла легитимация протеста, в том числе и насильственного, против существующего общества, что способствовало распространению разрушительных насильственных практик, участием молодежи в вооруженном противостоянии с властью.

Можно ли считать, что в подобных условиях социальная трансформация неизбежно будет носить характер архаизации и чревата наступлением нового Средневековья? Настоящее исследование, как и другие работы по данной проблематике, не позволяет прийти к столь однозначному выводу. Радикальная исламская идеология сочетает в себе элементы архаизации с попыткой «исламизировать модерн». Отказ от ограничений традиционного общества расширяет пространство выбора для следующих поколений. В какой мере современные тренды окажутся устойчивыми и какова будет их равнодействующая, покажет только будущее.

Библиография / References

Армстронг К. (2013) *Битва за Бога: История фундаментализма*, М.: Альпина нон-фикшн.
— Armstrong K. (2013) *Battle for God: the history of fundamentalism*, Moscow: Al'pina non-fikshn. — in Russ.

Бочаров В.В. (2001) *Антропология возраста*, СПб.: Изд-во СПбГУ.
— Bocharov V.V. (2001) *The Antropogy of Age*, St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House. — in Russ.

Гарб П. (1984) *Долгожители*, М.: «Прогресс».
— Garb P. (1984) *Long-livers*, Moscow: Progress. — in Russ.

Инглхарт Р., Вельцель К. (2011) *Модернизация, культурные изменения и демократия*, М.: Новое издательство.
— Inglehart R., Welzel Ch. (2011) *Modernization, Cultural Change and Democracy*, Moscow: Novoye izdatelstvo. — in Russ.

Карпов Ю.Ю. (1996) *Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа*, СПб.: МАЭ РАН.
— Karpov Yu.Yu. (1996) *A Horseman and a Wolf. Male Societies in Socio-Cultural tradition of Caucasus Highlanders*, St. Petersburg: MAYE RAN. — in Russ.

Мид М. (1988) *Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями. Культура и мир детства*, М.: Наука: 322-361.
— Mead M. (1988) *Culture and Commitment: A Study of the Generation Gap. Culture and the World of Childhood*, Moscow: Nauka. — in Russ.

Павлова О.С. (2012) *Ингушский этнос на современном этапе: черты социально-психологического портрета*, М.: Форум.
— Pavlova O.S. (2012) *Ingush Ethnic Group on the Current Stage: Socio-Psychological Portrait Features*, Moscow: Forum. — in Russ.

Руха О. (2018) *Глобализированный ислам: в поисках новой уммы*, М.: Фонд Марджани.

- Roy O. (2018) *Globalized Islam. The Search for a New Ummah*, Moscow: Mardjani Fund. — in Russ.
- Смирнова Я.С. (1983) *Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX-XX в.)*, М.: Наука.
- Smirnova Ya.S. (1983) *Family and Family Life of the Northern Caucasus Peoples (second part of XIX-XX centuries*, Moscow: Nauka. — in Russ.
- Стародубровская И.В. (2017) Исламская реформация: эвристическая ценность подхода. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 3 (35): 11-50.
- Starodubrovskaya I. (2017) Islamic Reformation: the Heuristic Value of the Approach *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom. [State, Religion and Church in Russia and Worldwide]*, 3(35): 11-50. — in Russ.
- Теннис Ф. (2002) *Общность и общество: Основные понятия чистой социологии*, СПб.: Владимир Даль.
- Tennis F. (2002) *Community and Society*, St. Petersburg: Vladimir Dal'. — in Russ.
- Aart C. Bontekoning (2011) The Evolutionary Power of New Generations: Generations as Key Players in the Evolution of Social Systems. *Psychology Research*, 1 (4): 287-301.
- Eisenstadt S.N. (1973) *Tradition, Change, and Modernity*, N.Y.: John Wiley & Sons.
- Foner N. (1984) *Ages in Conflict. A Cross-Cultural Perspective on Inequality between Old and Young*, N.Y.: Columbia University Press.
- Mannheim K. (2012) *Essays on the Sociology of Knowledge*, London: Routledge & Kegan Paul LTD.
- Roy O. (1994) *The Failure of Political Islam*, Cambridge; Massachusetts: Harvard University Press.
- Redfield R. (1947) The Folk Society. *The American Journal of Sociology*, LII (4), January: 293-308.
- Spitzer A.B. (1973) The Historical Problem of Generations. *The American Historical Review*, 78 (5): 1353-1385.
- Strauss W., Howe N. (1991). *Generations; the history of America's Future 1584 to 2069*, N.Y.: William Morrow.
- Strauss W., Howe N. (1998). *The fourth turning*, N.Y.: Broadway Books.

Рекомендация для цитирования:

Стародубровская И.В. (2019) Межпоколенческие отношения и социальные трансформации на примере Северного Кавказа. *Социология власти*, 31 (1): 92-113.

For citations:

Starodubrovskaya I.V. (2019) Intergenerational Relations and Social Transformations: The Case of North Caucasus. *Sociology of Power*, 31 (1): 92-113.

Поступила в редакцию: 27.12.2018; принята в печать: 11.02.2019

Received: 27.12.2018; Accepted for publication: 11.02.2019

АНДРЕЙ В. КОРОТАЕВ

НИУ ВШЭ; РАНХиГС, Москва, Россия

КИРИЛЛ Е. НОВИКОВ

РАНХиГС, Москва, Россия

СЕРГЕЙ Г. ШУЛЬГИН

РАНХиГС, Москва, Россия

Ценности пожилых в стареющем мире

doi: 10.22394/2074-0492-2019-1-114-142

Резюме:

В статье рассматривается проблема зависимости ценностей представителей разных возрастных групп от возрастных и когортных факторов. Базовые ценности определяют действия людей в основных сферах жизни, включая политическую и экономическую сферы, о чем свидетельствуют, в частности, исследования Ш. Шварца и И. Инглхарт, поэтому изучение факторов, влияющих на становление системы ценностей возрастных групп, имеет важное значение для предсказания их поведения в различных ситуациях. В статье подвергается критике точка зрения, согласно которой, возраст сам по себе не оказывает влияние на формирование системы ценностей человека, или же, как полагает Инглхарт, оказывает лишь в развитых странах. Нами были проанализированы данные 5-й и 6-й волн World Values Survey, что позволило рассмотреть взаимосвязь между возрастом и ценностями респондентов во всех макрорегионах

114

Кортаев Андрей Витальевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник международной лаборатории демографии и человеческого капитала РАНХиГС и Института востоковедения РАН. Научные интересы: политическая демография, математическое моделирование социальных макропроцессов, количественные кросс-культурные исследования, социокультурная антропология, социальная эволюция, историческая антропология, историческая социология, Ближний Восток, Йемен. E-mail: akorotayev@gmail.com

Новиков Кирилл Евгеньевич — кандидат философских наук, доцент, руководитель майнора «Политическая теория и мировая политика» бакалавриата Liberal Arts ИОН РАНХиГС, старший научный сотрудник Института социологии РАН. Научные интересы: политология, политическая философия, историческая социология. E-mail: kenovikov@yandex.ru

Шульгин Сергей Георгиевич — зам. заведующего по науке международной лабораторией демографии и человеческого капитала РАНХиГС. Научные интересы: количественный анализ и моделирование социально-экономических процессов, демографические исследования. E-mail: sergey@shulgin.ru

Социология
власти
Том 31
№ 1 (2019)

мира, включая Западную и Восточную Европу, англоязычные страны, Латинскую Америку, Ближний и Средний Восток, Северную Африку и Африку южнее Сахары. Установлено, что во всем мире ценности возрастных групп изменяются по мере старения, согласно единому паттерну. С возрастом люди склонны больше разделять ценности Консерватизма и Заботы об окружающих (в терминологии Ш. Шварца), в то время как ценности Открытости к изменениям и Самоутверждения постепенно отходят на второй план. При этом имеется региональная специфика, отражающая культурные различия макрорегионов, которая, однако, не меняет общей картины. Рассмотрены глобальные последствия старения населения в свете выявленных закономерностей изменения ценностей с возрастом.

Ключевые слова: всемирное обследование ценностей, теория ценностей Ш. Шварца, старение населения, возрастной и когортный эффекты

Andrey V. Korotayev

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
RANEPA, Moscow, Russia

Kirill E. Novikov

RANEPA, Moscow, Russia

Sergey G. Shulgin

RANEPA, Moscow, Russia

115

Values of the Elderly People in an Aging World

Abstract:

The article examines the problem of dependence of values adjusted to the different age groups on the age and cohort factors. According to

Andrey B. Korotayev — Doctor of Sciences (History), Ph.D., Professor, Head of the Laboratory of Monitoring of the Sociopolitical Destabilization Risks at the National Research University Higher School of Economics (HSE); Senior Research Professor at the International Laboratory for Demography and Human Capital at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) and Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Research interests: Political Demography, Political Anthropology and Sociology, Mathematical Models of Social Evolution and Dynamics, the World System, Big History, Scientific Theory of Cultural Evolution, World-Wide Cross-Cultural Data Bases, Quantitative Cross-Cultural and Cross-National Research, Historical Sociology, Middle East, Yemen. E-mail: akorotayev@gmail.com

Kirill E. Novikov — PhD, assistant professor, Head of the minor “Political Theory and World Policy” of the Liberal Arts baccalaureate of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, senior research fellow of the Institute of Sociology. Research interests: Political Science, Political Philosophy, Historical Sociology. E-mail: kenovikov@yandex.ru

Sergey G. Shulgin — Vice-Director of the International Laboratory for Demography and Human Capital at RANEPA. Research interests: quantitative analysis and modeling of social precesses, demographic research. E-mail: sergey@shulgin.ru

Schwartz and Inglehart, basic human values determine the behavior of people in various areas, including politics and economy. Consequently, the study of factors influencing the development of values in the age groups may be important for predicting their behavior in different life situations. The article criticizes the theories denying the role of the age factor in the formation of a person's value system, including Inglehart's claim that the age factor is significant only in developed countries. We have analyzed data from the 5th and 6th waves of the World Values Survey in order to examine the relationship between the age and values of respondents in all macro-regions of the world, including Western and Eastern Europe, the English-speaking countries, Latin America, Middle and Central Asia, North Africa, and sub-Saharan Africa. We report that the values of age groups are changing in the process of aging according to a single pattern throughout the world. With age, people are more inclined to share the values of Conservation and Self-transcendence (in Schwartz's terms), while the values of Openness to Change and Self-enhancement gradually fade into the background. At the same time, there exist regional specifics due to cultural differences, which, however, do not change the overall picture.

Keywords: World Values Survey, Swartz's theory of values, ageing of population, age and cohort effect.

Введение

Широко распространенное представление о том, что политическое поведение группы связано с системой ценностей, которую эта группа разделяет, что напрямую вытекает из самого определения ценностей как убеждений, мотивирующих поведение и задающих набор желанных целей. Так, согласно известному определению Ш. Шварца, ценности «1) являются концептами или убеждениями, 2) имеют отношение к желаемому конечному состоянию или поведению, 3) выходят за пределы конкретных ситуаций, 4) направляют выбор или оценку поведения или событий, 5) упорядочены по относительной важности» [Schwartz 1992]. Похожее определение дает Р. Фишер: «Ценности — это мотивационные цели, влияющие на отношение, поведение и оценку» [Fischer, Boer 2016]. Исходя из этих определений можно предположить, что изменение влияния той или иной социальной группы, например за счет увеличения ее численности, должно привести к изменению ценностной структуры всего общества, что в конечном итоге отразится на протекающих в нем политических процессах.

В настоящее время во всем мире растет доля пожилых, что связано с увеличением продолжительности жизни. В особенности процесс старения населения заметен в развитых и богатых обще-

ствах, где эффект от развития медицины и общего роста качества жизни наиболее заметны. Соответственно возникает вопрос о том, можно ли считать пожилых особой социальной группой, обладающей собственными ценностями, и если да, то как увеличение доли пожилых может повлиять на политические процессы стареющих обществ?

В статье рассматривается вопрос о том, насколько особенности ценностей пожилых детерминированы возрастными или когортными факторами. Также рассматривается вопрос о региональной специфике развития системы ценностей. Согласно нашей гипотезе, с возрастом система ценностей человека претерпевает ряд изменений, причем эти изменения универсальны и не зависят от опыта отдельной возрастной когорты.

Изучение ценностей пожилых

Вопрос о том, существует ли общий паттерн трансформации ценностей индивида по мере его старения, остается дискуссионным. В прошлом господствовал стереотип, согласно которому молодым свойственно стремление к новому, в то время как пожилые остаются приверженцами традиций. Ряд исследователей не просто разделяют эту традиционную точку зрения, но и подводят под нее доказательную базу. Так, еще в 1960-е годы социологи-функционалисты выдвинули теорию «отсоединения» (disengagement), согласно которой, старея, человек постепенно утрачивает социальные связи и функции. В частности, Э. Камминг и В. Генри [Cumming, Henry 1961] называли старость «человеческой ролью без ролей» (roleless role). Разумеется, изменение социальной роли вело к переоценке ценностей. Д. Бромлей [Bromley 1966] объяснял «отсоединение» сокращением физических и психических возможностей, приводившим к неизбежному изменению в психологии и мировоззрении людей старшего возраста.

Существуют психосоциальные теории старения, которые также отстаивают идею трансформации системы ценностей индивида с наступлением преклонного возраста. Таковы теория развития на протяжении жизни (life span development), теория социоэмоциональной селективности (socioemotional selectivity theory) и теория целенаправленного развития (goal-directed development). Так, представитель теории развития на протяжении жизни П. Балтес [Baltes 1987] рассматривает развитие личности как изменение адаптивной способности организма, и соответственно старение понимается как приспособление личности к условиям жизни, в которых организм оказывается по мере естественных потерь и приобретений, вызванных новым биологическим состоянием.

Теория социоэмоциональной селективности отталкивается от человеческой способности оценивать временные горизонты и приспосабливаться к их изменениям. Люди, не рассчитывающие прожить достаточно долго, чаще отказываются от долгосрочных целей в пользу краткосрочных, меньше ценят новое знание и иные новшества, зато больше стремятся к эмоциональным переживаниям [Carstensen 1992, 2006; Löckenhoff, Carstensen 2004]. Очевидно, все это в полной мере должно относиться к пожилым, чей горизонт планирования ограничен «естественными причинами».

Теория целенаправленного развития предполагает, что человек, столкнувшийся с неизбежными потерями, связанными со старшим возрастом, такими как ухудшение состояния здоровья, уход с работы, падение доходов и т. п., вынужден корректировать свои устремления, дабы нейтрализовать негативную самооценку, связанную с недостижимостью тех или иных целей [Brandtstädter, Wentura, Rothermund 1999; Brandtstädter, Greve 1994; Brandtstädter, Rothermund 2002]. Таким образом, перечисленные психосоциальные теории старения сходятся в том, что с наступлением старости поведение, взгляды и ценности человека должны меняться в сторону свертывания личных амбиций и адаптации к условиям жизни в ситуации социальной депривации и физической немощи.

Политологи, изучающие электоральное поведение пожилых, имеют давнюю традицию отмечать консервативность представителей этой возрастной группы. Г. Зеллман [Zellman 1975] полагал, что пожилые избиратели озабочены вопросами безопасности, порядка и здоровья, что толкает их в сторону консервативных политических сил. Еще раньше Дж. Криттенден [Crittenden 1962] отмечал склонность пожилых к поддержке консервативных партий. Изучавшие ценностный раскол между поколениями Ф. Белткен и В. Ягозинский [Boeltken, Jagodzinski 1985] считали, что раскол этот является эффектом жизненного цикла, то есть консерватизм пожилых — следствие физиологических процессов в стареющем организме и может быть обнаружен у любой пожилой когорты в любую историческую эпоху.

Современные эмпирические исследования, подтверждающие эту точку зрения. Дж. Тилли и Г. Эванс [Tilley, Evans 2014], изучив электоральные процессы в Великобритании, пришли к выводу, что с возрастом повышается вероятность голосования за консерваторов.

Существует и другая точка зрения, согласно которой старение не вызывает смены политических взглядов, поскольку первостепенное значение имеет не возраст, а принадлежность к когорте, разделяющей те или иные ценности. В этой перспективе пожилые отли-

чаются лишь тем, что с большим упорством держатся за однажды усвоенные взгляды. Н. Глен [Glenn 1974] полагал, что само понятие «консерватизм» может трактоваться двояко: либо как приверженность старому, либо как враждебность либеральным идеям. Его когортный анализ поведения американских избирателей показал, что пожилые американцы с годами становились более либеральными, однако усваивали новые идеи медленнее, чем их более молодые соотечественники. Н. Глен и Т. Хефнер [Glenn, Hefner 1972] показали, что с возрастом американцы не склонны менять свои убеждения на более консервативные. Дж. Кэмпбелл и Дж. Стрейт [Campbell, Strate 1981] также не обнаружили дрейфа когорт в сторону консерватизма по мере старения.

Ряд исследователей указывают на то, что пожилые не голосуют как единая группа интересов; идеологические и политические позиции разделяют их в той же мере, как и остальное население, а значит, говорить об особом консерватизме не имеет смысла. Такую позицию заняли, например, Л. Родбек и Дж. Хамил-Лакер [Rhodebeck 1993; Hamil-Luker 2001].

Особое влияние сохраняет теория Р. Инглхарта, согласно которой основной ценностный конфликт происходит между носителями материалистических и постматериалистических ценностей. Материалистические ценности в целом направлены на выживание, а постматериалистические — на самореализацию. Материалисты высоко ставят достаток и безопасность, а постматериалисты — свободу, творчество, независимость и т. п. По мнению Инглхарта, доля постматериалистов в развитых странах постепенно растет, что обусловлено повышением уровня жизни [Inglehart 1971, 1977, 1990, 1997, 2000; Inglehart, Norris 2003, 2004].

Р. Инглхарт и его соавтор К. Вельцель полагают, что когорты постматериалистов, старея, не превращаются в материалистов. В 2005 г. исследователи писали: «... прослеживая по времени ценностные ориентации конкретной возрастной группы, мы обнаруживаем: становясь старше, эти люди не становятся более приверженными традиционным ценностям и ценностям выживания, как можно было бы предположить ... Межпоколенческие различия представляют собой устойчивый атрибут конкретных возрастных когорт: в этом, судя по всему, проявляется различие в условиях формирования личностей их представителей» [Инглхарт, Вельцель 2011].

При этом, повторимся, Инглхарт и Вельцель обнаруживают межпоколенческий ценностный разрыв только в странах, где население имеет высокие доходы: «... межпоколенческие различия наблюдаются только в развитых странах, но не в странах с низкими среднедушевыми доходами населения» [Инглхарт, Вельцель 2011].

Ценности пожилых в разных макрорегионах мира

Результаты наших исследований заставляют прийти к выводам, отличным от выводов Инглхarta и Вельцеля. В основу нашего исследования положена теория ценностей Ш. Шварца, а материалом для анализа послужили данные последних двух волн опроса Всемирного обзора ценностей (WVS), основанного на шварцевском опроснике.

Шварц выделяет базовые ценностные ориентации, которыми руководствуется индивид вне зависимости от его культурной принадлежности. В число базовых ценностей входят ценности Власти, Достижения, Гедонизма, Приятия риска, Самостоятельности, Универсализма, Благожелательности, Традиции, Конформности и Безопасности. Эти ценности объединяются в четыре блока: ценности Сохранения (Безопасность, Конформность, Традиция), ценности Открытости к изменениям (Самостоятельность, Риск, Гедонизм), ценности Заботы об окружающих (Универсализм, Благожелательность) и ценности Самоутверждение (Власть, Достижение, Гедонизм). В свою очередь четыре блока формируют пространство ценностей, состоящее из двух осей: Сохранения и Открытости к изменениям, с одной стороны, и Заботы об окружающих и Самоутверждения, с другой.

Полный опросник Ш. Шварца состоит из двух частей. Первая состоит из 57 пунктов, которые включают в себя существительные и прилагательные, описывающие ценности (равенство, удовольствие и т. д.), важность которых для себя респонденту предлагается оценить в ходе опроса. Вторая представляет собой так называемый профиль личности, который состоит из 40 утверждений, описывающих человека в соответствии с 10 вышеназванными типами. В этой части опроса респонденту предлагается оценить, насколько описываемый человек похож на него. Опросник Шварца использовался для сбора данных в рамках нескольких проектов, один из них — это World Values Survey (WVS). Нами были использованы данные последних волн WVS — 2005–2014-х годов.

В отличие от Инглхarta и Вельцеля Шварц утверждает, что ценности индивида могут изменяться с возрастом в соответствии с некоторыми универсальными закономерностями. Например, по мере старения снижается способность приспосабливаться к переменам, что ведет к повышению значимости ценностей Безопасности, Конформности и Традиции, то есть блока ценности Сохранения [Schwartz, Robustness 2005b]. Ценности этого блока явно коррелируют с общепринятым представлением о консерватизме, а также близки ценностям выживания/материализма у Инглхarta. Тем са-

мым Шварц оказывается в ряду тех, кто считает консерватизм пожилых не когортным, а возрастным явлением.

Эту позицию разделяет О. Робинсон, обнаруживший корреляцию между возрастом и четырьмя ценностными осями Шварца. Согласно Робинсону, с возрастом ослабляется значимость ценностей Самоутверждения и Открытости, зато растет значимость Заботы об окружающих и Консерватизма, поскольку по мере старения индивид все меньше стремится к переменам и все больше надеется сохранить все как есть [Robinson 2013]. Вместе с тем работа Робинсона основана на анализе данных только по европейским странам, что не дает возможности утверждать, что выявленные корреляции релевантны для других регионов мира. Инглхарт и Венцель также строили свои выводы на европейских данных, которые относятся к 1990-м годам и в настоящее время могут оказаться устаревшими.

Нами проведен анализ более современных данных по значительно более широкому кругу стран, как развитых, так и развивающихся. Была прослежена корреляция между возрастом и приверженностью ценностям по оси Шварца: «Консерватизм — Открытость к изменениям» и «Забота об окружающих — Самоутверждение».

121

Вначале в качестве базовой единицы сопоставления мы использовали возрастные группы. Данные для анализа взяты из 5-й (2005–2009 гг.) и 6-й (2010–2014 гг.) волн World Values Survey, в рамках которых был произведен сбор данных по методике Ш. Шварца (в более ранних волнах WVS эта методика не использовалась).

Проведенный нами анализ корреляций между возрастом респондентов, с одной стороны, и ценностными осями Консерватизм — Открытость к изменениям и Забота об окружающих — Самоутверждение, с другой стороны, показал, что в подавляющем большинстве обследованных стран, как развитых, так и развивающихся, наблюдаются статистически значимые отрицательные корреляции между возрастом респондентов и значениями этих двух осей. Иными словами, в подавляющем большинстве стран мира пожилые респонденты в тенденции более склонны придерживаться ценностей Консерватизма и Заботы об окружающих, и в меньшей степени — ценностей Открытости к изменениям и Самоутверждения. Соответственно молодые респонденты более склонны придерживаться ценностей Открытости к изменениям и Самоутверждения, и в меньшей степени — ценностей Консерватизма и Заботы об окружающих.

Рассмотрение полученных нами результатов начнем со стран Западной Европы (рис. 1, 2, табл. 1).

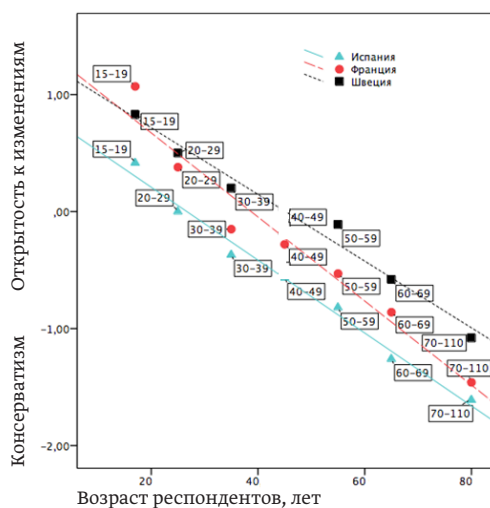

Рис.1. Возраст, Консерватизм и Открытость к изменениям в Испании, Франции и Швеции.

Fig. 1. Age, Conservatism and Openness to Change in Spain, France and Sweden.

Примечание: Испания: $r = -0,995$, $p < 0,001$.

Франция: $r = -0,980$, $p < 0,001$. Швеция: $r = -0,981$, $p < 0,001$.

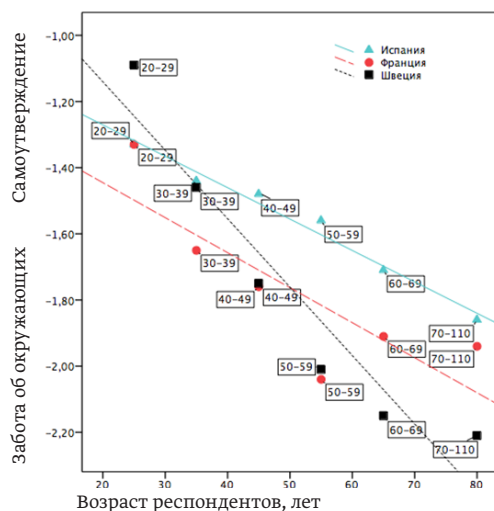

Рис. 2. Возраст, Забота об окружающих и Самоутверждение в Испании, Франции и Швеции.

Fig. 2. Age, Self-transcendence and Self-enhancement in Spain, France and Sweden.

Примечание: Испания: $r = -0,988$, $p < 0,001$.

Франция: $r = -0,803$, $p = 0,03$. Швеция: $r = -0,948$, $p = 0,001$.

Таблица 1. Корреляция между возрастом респондентов и ценностями «Консерватизма — Открытости к изменениям» и «Заботы об окружающих — Самоутверждения» в странах Западной Европы
Table 1. Correlation between the age of respondents and the values of Conservation — Openness to change and Self-transcendence — Self-enhancement

Страна	Консерватизм — Открытость к изменениям			Забота об окружающих — Самоутверждение		
	г	R2	p	г	R2	p
Испания	-0,995	0,991	<0,001	-0,988	0,976	<0,001
Кипр	-0,991	0,982	<0,001	-0,982	0,963	<0,001
Норвегия	-0,990	0,981	<0,001	-0,986	0,973	<0,001
Финляндия	-0,989	0,979	<0,001	-0,844	0,712	0,017
Великобритания	-0,983	0,965	<0,001	-0,965	0,931	<0,001
Швеция	-0,981	0,963	<0,001	-0,948	0,899	0,001
Франция	-0,980	0,960	<0,001	-0,803	0,645	0,03
Нидерланды	-0,976	0,952	<0,001	-0,949	0,900	0,001
Германия	-0,973	0,947	<0,001	-0,977	0,955	<0,001
Андорра	-0,923	0,852	0,003	-0,925	0,856	0,003
Швейцария	-0,871	0,759	0,011	-0,943	0,888	0,001
В среднем по Западной Европе	-0,968			-0,937		

123

В Западной Европе мы имеем дело с очень выраженной отрицательной корреляцией между возрастом респондентов, с одной стороны, и ценностями Открытости к изменениям и Самоутверждения, с другой, и соответственно с положительной корреляцией между возрастом и ценностями Консерватизма и Заботы о других. Те же тенденции наблюдаются на примере бывших англосаксонских переселенческих колоний (West European Offshoots) (табл. 2).

Таблица 2. Корреляция между возрастом респондентов и ценностями «Консерватизма — Открытости к изменениям» и «Заботы об окружающих — Самоутверждения» в бывших англосаксонских переселенческих колониях

Table 2. Correlation between the age of respondents and the values of Conservation — Openness to change and Self-transcendence — Self-enhancement in the former British settler colonies

Страна	Консерватизм — Открытость к изменениям			Забота об окружающих — Самоутверждение		
	г	R2	р	г	R2	р
Австралия	-0,993	0,987	< 0,001	-0,938	0,879	0,002
Канада	-0,988	0,976	< 0,001	-0,927	0,859	0,003
Новая Зеландия	-0,984	0,968	< 0,001	-0,871	0,759	0,011
США	-0,976	0,953	< 0,001	-0,96	0,922	0,001
В среднем	-0,985			-0,924		

Отметим, что и здесь отрицательная корреляция между возрастом респондентов и ценностями Открытости к изменениям (и соответственно положительная корреляция между возрастом и ценностями Консерватизма) прослеживается в заметно более сильном виде, чем отрицательная корреляция между возрастом и ценностями Самоутверждения (и соответственно отрицательная корреляция между возрастом и ценностями Заботы о других).

В странах Восточной Европы все эти корреляции прослеживаются не менее четко, чем в Западной Европе и бывших англосаксонских колониях (рис. 3, 4, табл. 3).

Отметим, что и здесь отрицательная корреляция между возрастом и ценностями Открытости прослеживается в заметно более сильном виде, чем отрицательная корреляция между возрастом и ценностями Самоутверждения.

При этом наш анализ показывает, что во всех восточноевропейских посткоммунистических странах (Белоруссии, Болгарии, Молдове, России, Румынии, Сербии и Украине) разница между молодыми и пожилыми по этим показателям оказывается заметно выше, чем то, что мы видим в среднем по Западной Европе. Возможно, это связано с бурными модернизационными процессами, протекавшими в восточных посткоммунистических странах в годы, прошедшие после волн опросов WVS, на анализе которых строили свои

выводы Инглхарт и Вельцель, — на фоне все более выраженных кризисных явлений в западноевропейских странах.

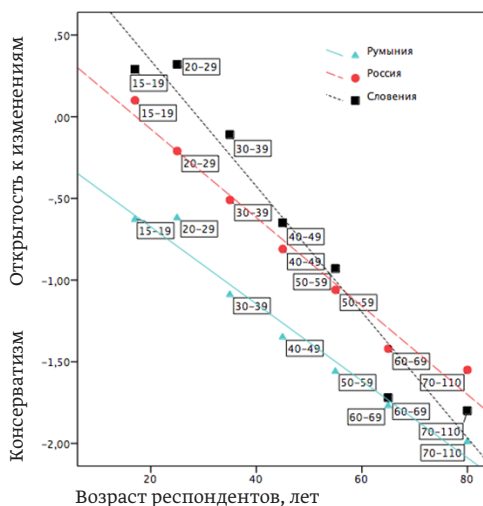

Рис. 3. Возраст, Консерватизм и Открытость к изменениям в России, Румынии и Словении.

Fig. 3. Age, Conservatism and Openness to Change in Russia, Romania and Slovenia.

Примечание: Румыния: $r = -0,987$, $p < 0,001$. Россия: $r = -0,997$, $p < 0,001$. Словения: $r = -0,978$, $p < 0,001$.

125

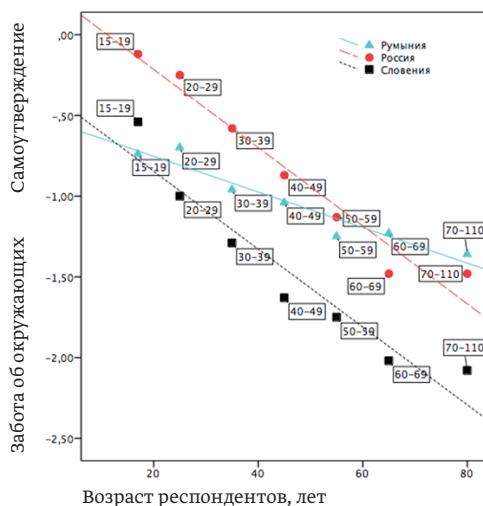

Рис. 4. Возраст, Забота об окружающих и Самоутверждение в России, Румынии и Словении.

Fig. 4. Age, Self-transcendence and Self-enhancement in Russia, Romania and Slovenia.

Примечание: Румыния: $r = -0,966$, $p < 0,001$. Россия: $r = -0,988$, $p < 0,001$.
Словения: $r = -0,977$, $p < 0,001$.

Таблица 3. Корреляция между возрастом респондентов и ценностями Консерватизма — Открытости к изменениям и Заботы об окружающих — Самоутверждения в странах Восточной Европы

Table 4. Correlation between the age of respondents and the values of Conservation — Openness to change and Self-transcendence — Self-enhancement in Eastern Europe

Страна	Консерватизм — Открытость к изменениям			Забота об окружающих — Самоутверждение		
	г	R2	р	г	R2	р
Россия	-0,997	0,994	< 0,001	-0,988	0,977	< 0,001
Украина	-0,997	0,995	< 0,001	-0,987	0,973	< 0,001
Венгрия	-0,996	0,991	< 0,001	-0,971	0,942	< 0,001
Эстония	-0,995	0,991	< 0,001	-0,967	0,935	< 0,001
Белоруссия	-0,990	0,98	< 0,001	-0,945	0,892	0,001
Сербия и Черногория	-0,988	0,976	< 0,001	-0,974	0,949	< 0,001
Румыния	-0,987	0,974	< 0,001	-0,966	0,933	< 0,001
Болгария	-0,981	0,963	< 0,001	-0,996	0,991	< 0,001
Молдова	-0,981	0,962	< 0,001	-0,957	0,915	0,001
Словения	-0,978	0,956	< 0,001	-0,977	0,955	< 0,001
Польша	-0,963	0,928	< 0,001	-0,962	0,926	0,001
В среднем по Восточной Европе	-0,987			-0,972		

Однако более важным представляется то обстоятельство, что вполне выраженную разницу в ценностях молодых и пожилых мы прослеживаем по рассматриваемым нами показателям не только в постиндустриальных демократических и бывших коммунистических, но и в подавляющем большинстве развивающихся стран.

Анализ наших результатов по развивающимся странам начнем с Латинской Америки (рис. 5, 6, табл. 4).

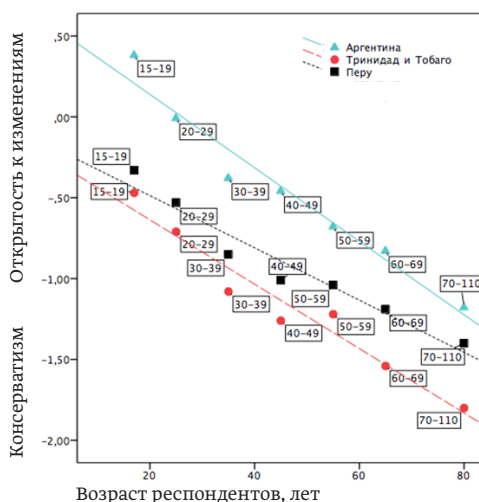

Рис. 5. Возраст, Консерватизм и Открытость к изменениям в Аргентине, Тринидаде и Тобаго и Перу.

Fig. 5. Age, Conservatism and Openness to Change in Argentina, Trinidad and Tobago and Peru.

127

Примечание: Аргентина: $r = -0,984$, $p < 0,001$. Тринидад и Тобаго: $r = -0,978$, $p < 0,001$. Перу: $r = -0,979$, $p < 0,001$.

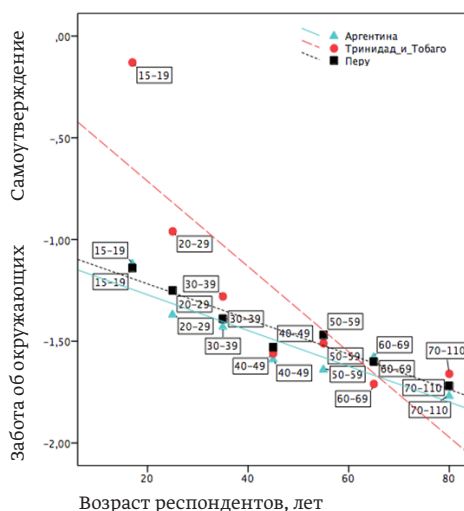

Рис. 6. Возраст, Забота об окружающих и Самоутверждение в Аргентине, Тринидаде и Тобаго и Перу.

Fig. 6. Age, Self-transcendence and Self-enhancement in Argentina, Trinidad and Tobago and Peru.

Примечание: Аргентина: $r = -0,933$, $p = 0,002$. Тринидад и Тобаго:
 $r = -0,871$, $p = 0,011$. Перу: $r = -0,969$, $p < 0,001$.

Таблица 4. Корреляция между возрастом респондентов и ценностями Консерватизма — Открытости к изменениям и Заботы об окружающих — Самоутверждения в странах Латинской Америки

Table 4. Correlation between the age of respondents and the values of Conservation — Openness to change and Self-transcendence — Self-enhancement in Latin America

Страна	Консерватизм — Открытость к изменениям			Забота об окружающих — Самоутверждение		
	г	R2	p	г	R2	p
Аргентина	-0,984	0,968	<0,001	-0,933	0,87	0,002
Бразилия	-0,983	0,966	<0,001	-0,926	0,858	0,003
Колумбия	-0,947	0,897	0,001	-0,890	0,793	0,007
Мексика	-0,899	0,808	0,006	-0,806	0,649	0,029
Перу	-0,979	0,959	<0,001	-0,969	0,939	<0,001
Тринидад и Тобаго	-0,978	0,956	<0,001	-0,871	0,758	0,011
Уругвай	-0,974	0,949	<0,001	-0,966	0,934	<0,001
Чили	-0,976	0,953	<0,001	-0,963	0,928	<0,001
Эквадор	-0,936	0,875	0,002	-0,843	0,71	0,017
В среднем по Латинской Америке	-0,962			-0,907		

Здесь отрицательная корреляция между возрастом и ценностями Открытости прослеживается в заметно более сильном виде, чем отрицательная корреляция между возрастом и ценностями Самоутверждения. Еще важнее то, что в рассмотренных развивающихся странах ценности традиционализма присущи пожилым и чужды молодым примерно в той же степени, что и на развитом Западе.

Рассмотрим теперь страны Ближнего и Среднего Востока (БСВ) и Северной Африки (рис. 7, 8, табл. 5).

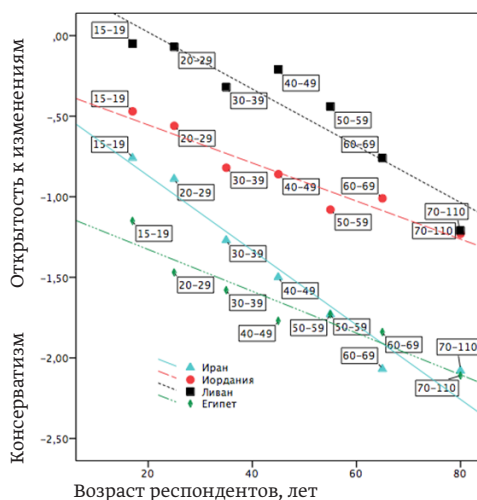

Рис. 7. Возраст, Консерватизм и Открытость к изменениям в Иране, Иордании, Ливане и Египте.

Fig. 7. Age, Conservatism and Openness to Change in Iran, Jordan, Lebanon and Egypt.

129

Примечание: Иран: $r = -0,988$, $p < 0,001$. Иордания: $r = -0,968$, $p < 0,001$. Ливан: $r = -0,918$, $p = 0,004$. Египет: $r = -0,957$, $p = 0,001$.

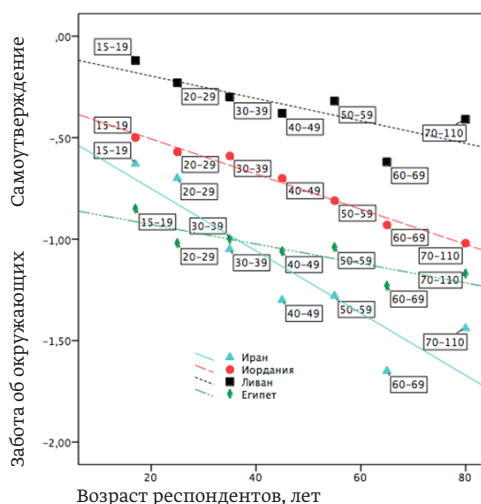

Рис. 8. Возраст, Забота об окружающих и Самоутверждение в Иране, Иордании, Ливане и Египте.

Fig. 8. Age, Self-transcendence and Self-enhancement in Iran, Jordan, Lebanon and Egypt.

Примечание: Иран: $r = -0,931$, $p = 0,002$. Иордания: $r = -0,986$, $p < 0,001$.
Ливан: $r = -0,822$, $p = 0,023$. Египет: $r = -0,893$, $p = 0,007$.

Таблица 5. Корреляция между возрастом респондентов и ценностями Консерватизма — Открытости к изменениям и Заботы об окружающих — Самоутверждения в странах Ближнего и Среднего Востока (БСВ) и Северной Африки

Table 5. Correlation between the age of respondents and the values of Conservation — Openness to change and Self-transcendence — Self-enhancement in the Middle East, Central Asia and North Africa

Страна	Консерватизм — Открытость к изменениям			Забота об окружающих — Самоутверждение		
	r	R2	p	r	R2	p
Иран	-0,988	0,977	<0,001	-0,931	0,867	0,002
Тунис	-0,987	0,974	<0,001	-0,979	0,958	<0,001
Казахстан	-0,984	0,969	<0,001	-0,936	0,877	0,002
Марокко	-0,980	0,959	<0,001	-0,909	0,826	0,005
Ирак	-0,979	0,958	<0,001	-0,770	0,592	0,043
Иордания	-0,968	0,936	<0,001	-0,986	0,973	<0,001
Турция	-0,966	0,933	<0,001	-0,788	0,621	0,035
Азербайджан	-0,965	0,932	<0,001	-0,886	0,786	0,008
Алжир	-0,961	0,923	0,001	-0,971	0,943	<0,001
Армения	-0,958	0,917	0,001	-0,961	0,923	0,001
Палестина	-0,958	0,918	0,001	-0,927	0,859	0,003
Грузия	-0,957	0,916	0,001	-0,883	0,779	0,008
Египет	-0,957	0,916	0,001	-0,893	0,797	0,007
Катар	-0,937	0,878	0,002	-0,922	0,850	0,003
Киргизия	-0,933	0,87	0,002	-0,912	0,831	0,004

Кувейт	-0,920	0,847	0,003	-0,967	0,935	<0,001
Ливан	-0,918	0,842	0,004	-0,822	0,676	0,023
Ливия	-0,876	0,768	0,01	0,189	0,036	0,685
Узбекистан	-0,867	0,752	0,012	-0,723	0,522	0,067
Йемен	-0,794	0,631	0,033	-0,720	0,518	0,068
Бахрейн	-0,365	0,134	0,42	0,692	0,478	0,085
В среднем по БСВ и Северной Африке	-0,915			-0,762		

Отметим сразу же, что и в странах БСВ и Северной Африки отрицательная корреляция между возрастом и ценностями Открытости прослеживается в заметно более сильном виде, чем отрицательная корреляция между возрастом и ценностями Самоутверждения. При этом различие это выражено сильнее, чем в странах Европы, Латинской Америки и бывших англосаксонских переселенческих колониях.

В целом в странах БСВ и Северной Африки величина отрицательной корреляции между возрастом респондентов и поддержкой ценности Открытость к изменениям лишь незначительно меньше, чем то, что мы выше могли видеть применительно к Европе. При этом в таких развивающихся и не очень богатых странах региона, как Алжир, Египет, Иордания, Ирак, Иран, Марокко, Палестина, Тунис или Турция, сила этой корреляции практически такая же, как в среднем по странам Западной Европе или даже несколько выше. В богатых Катаре и Кувейте она даже несколько слабее (хотя все равно и там она очень сильна). Самая слабая (и при этом статистически незначимая) корреляция для всех стран БСВ и Северной Африке наблюдается применительно к очень богатому Бахрейну (хотя есть серьезные основания полагать, что это связано с погрешностями в сборе и кодировке данных).

А вот то, что в остальном самая низкая корреляция в данном регионе прослеживается в самой бедной стране ближневосточной выборки — Йемене, по всей видимости, случайностью не является. Если сила отрицательной корреляции между возрастом респондентов и их приверженностью ценностям Открытости к изменениям для стран Ближнего и Среднего Востока лишь немногим слабее, чем в Западной Европе, то про корреляцию между возрастом и ценностями Самоутверждения этого уже сказать нельзя, так как эта кор-

реляция в странах БСВ и Северной Африки ощутимо меньше, чем в Западной Европе. Но даже и в этом случае в большинстве (11 из 21) мы имеем дело с откровенно сильными ($R^2 > 0,8$) отрицательными, безусловно, статистически значимыми ($p < 0,005$) корреляциями. При этом в данное число входят и такие отнюдь не самые богатые страны региона, как Марокко, Иордания, Иран, Тунис, Алжир или Палестинская Автономия. Еще в шести случаях мы имеем дело с не столь сильными ($0,8 > R^2 > 0,575$), но недвусмысленно статистически значимыми ($p < 0,05$) корреляциями.

В двух случаях, отмеченных у достаточно бедных стран региона, Узбекистана и Йемена, речь идет об относительно слабых маргинально значимых корреляциях. И лишь в двух случаях, зафиксированных в отнюдь не самых бедных странах рассматриваемого макрорегиона (Бахрейне и Ливии), мы имеем дело со статистически незначимой корреляцией, при этом в обоих случаях имеются серьезные основания полагать, что это связано с погрешностями в сборе и кодировке данных.

Рассмотрим теперь страны Азии за пределами Большого Ближнего Востока (рис 9, 10, табл. 6).

132

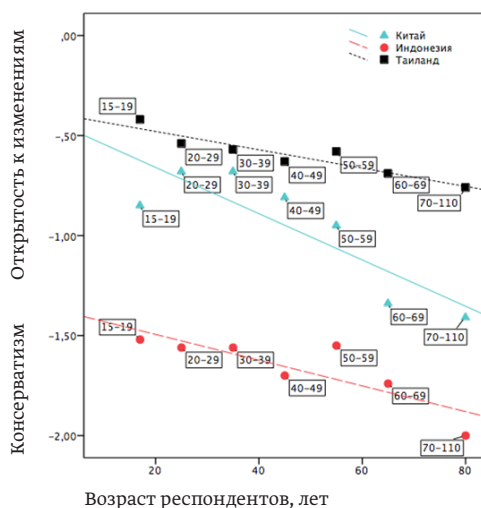

Рис 9. Возраст, Консерватизм и Открытость к изменениям в Китае, Индонезии и Таиланде.

Fig. 9. Age, Conservatism and Openness to Change in China, Indonesia and Thailand.

Примечание: Китай: $r = -0,972$, $p < 0,001$. Индонезия: $r = -0,956$, $p = 0,001$. Таиланд: $r = -0,961$, $p = 0,001$.

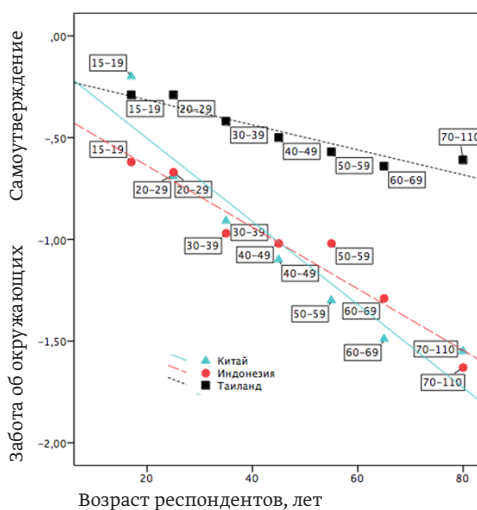

Рис. 10. Возраст, Забота об окружающих и Самоутверждение в Китае, Индонезии и Таиланде.

Fig. 10. Age, Self-transcendence and Self-enhancement in China, Indonesia and Thailand.

Примечание: Китай: $r = -0,842$, $p = 0,017$. Индонезия: $r = -0,808$, $p = 0,028$. Таиланд: $r = -0,937$, $p = 0,002$.

133

Таблица 6. Корреляция между возрастом респондентов и ценностями Консерватизма — Открытости к изменениям и Заботы об окружающих — Самоутверждения в странах Азии (без БСВ)
Table 6. Correlation between the age of respondents and the values of Conservation — Openness to change and Self-transcendence — Self-enhancement in Asia (without the Middle East and Central Asia)

Страна	Консерватизм — Открытость к изменениям			Забота об окружающих — Самоутверждение		
	r	R^2	p	r	R^2	p
Южная Корея	-0,983	0,966	<0,001	-0,919	0,844	0,003
Китай	-0,972	0,945	<0,001	-0,842	0,709	0,017
Таиланд	-0,961	0,924	0,001	-0,937	0,879	0,002
Индонезия	-0,956	0,914	0,001	-0,808	0,653	0,028
Тайвань	-0,943	0,889	0,001	-0,920	0,846	0,003

Вьетнам	-0,924	0,854	0,003	-0,948	0,898	0,001
Малайзия	-0,924	0,854	0,003	-0,955	0,912	0,001
Сингапур	-0,901	0,811	0,006	-0,614	0,377	0,143
Япония	-0,897	0,804	0,006	-0,992	0,985	<0,001
Гонконг	-0,880	0,774	0,009	-0,993	0,986	<0,001
Индия	-0,741	0,549	0,057	-0,770	0,594	0,043
Пакистан	-0,738	0,545	0,058	-0,748	0,56	0,053
Филиппины 13	-0,551	0,304	0,199	-0,153	0,023	0,744
Азия	-0,875			-0,815		

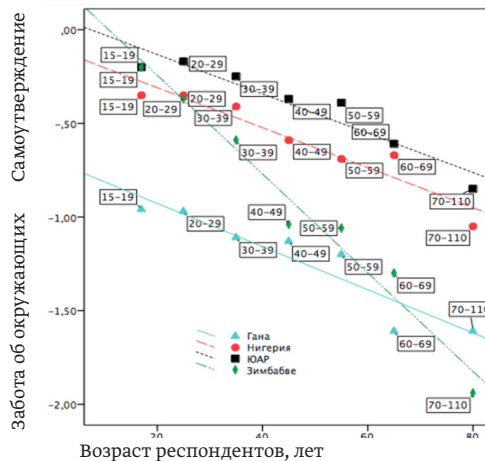
В странах Азии отрицательная корреляция между возрастом и ценностями Открытости прослеживается в заметно более сильном виде, чем отрицательная корреляция между возрастом и ценностями Самоутверждения.

Вместе с тем отрицательные корреляции как между возрастом респондентов и восприятием ими ценностей Открытости к изменениям, так и между возрастом и ценностями Самоутверждения являются в Азии заметно более слабыми, чем в Западной Европе. Тем не менее и в Азии эти корреляции прослеживаются среди большинства стран (и в том числе стран развивающихся) на статистически значимом уровне. Откровенно сильные ($R^2 > 0,770$) статистически значимые ($p < 0,01$) отрицательные корреляции между возрастом респондентов и восприятием ими ценностей Открытости к изменениям прослеживаются для 10 из 13 азиатских стран, включая и такие развивающиеся азиатские страны, как Индонезию, Китай, Таиланд или Вьетнам. При этом в данных развивающихся странах Азии негативная корреляция между возрастом и ценностями Открытости к изменениям заметно более выражена, чем в таких, безусловно, развитых азиатских обществах, как Япония, Гонконг или Сингапур (но и в последних трех азиатских обществах данная корреляция вполне сильна, но не так, как в большинстве западноевропейских обществ или, скажем, в Индонезии). Впрочем, интересующая нас корреляция слабее всего прослеживается в азиатских обществах, принадлежащих к числу беднейших среди нашей азиатской выборки — в Пакистане, Филиппинах и Индии.

Близкая ситуация наблюдается в азиатских странах и применительно к отрицательной корреляции между возрастом респондентов

и их приверженностью ценностям самоутверждения. Как уже говорилось, в целом по странам Азии эта корреляция заметно менее выражена, чем в странах Западной Европы. Но и здесь среди абсолютного большинства азиатских стран (включая развивающиеся) речь идет о сильных ($R^2 > 0,65$) недвусмысленно статистически значимых ($p < 0,03$) корреляциях в теоретически предсказанном направлении. Отметим, что самые низкие корреляции в Азии и здесь наблюдаются прежде всего среди самых бедных стран — в Пакистане, Филиппинах и Индии; при этом на Филиппинах данная корреляция статистически значимой не является. Главным исключением здесь оказывается богатый Сингапур с относительно низкой корреляцией (к тому же лишь маргинально значимой статистически¹).

Вполне в соответствии с теоретическими ожиданиями Инглхарта и Вельцеля в наиболее слабом виде интересующие нас отрицательные корреляции ценностей с возрастом прослеживаются в обществах Африки южнее Сахары, представляющих собой в большинстве своем развивающиеся страны с низким доходом населения (рис. 11, 12, табл. 7).

135

Рис. 11. Возраст, Консерватизм и Открытость к изменениям в Гане, Нигерии, ЮАР и Зимбабве.

Fig. 11. Age, Conservatism and Openness to Change in Ghana, Nigeria, South Africa and Zimbabwe.

Примечание: Гана: $r = -0,931$, $p = 0,001$. Нигерия: $r = -0,931$, $p = 0,001$. ЮАР: $r = -0,932$, $p = 0,001$. Зимбабве: $r = -0,974$, $p < 0,001$ (1-сторонние тесты значимости).

1 При этом маргинально значимой она становится лишь при одностороннем тесте, который здесь, впрочем, представляется вполне оправданным, так как речь идет о корреляции в теоретически предсказанном направлении.

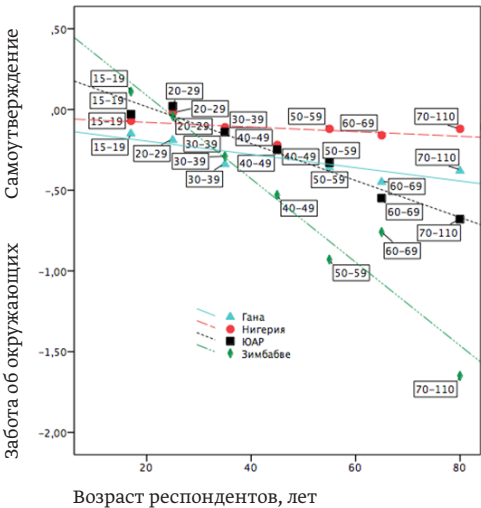

Рис. 12. Возраст, Забота об окружающих и Самоутверждение в Гане, Нигерии, ЮАР и Зимбабве.

Fig. 12. Age, Self-transcendence and Self-enhancement in Ghana, Nigeria, South Africa and Zimbabwe.

Примечание: Гана: $r = -0,871$, $p = 0,006$. Нигерия: $r = -0,535$, $p = 0,108$. ЮАР: $r = -0,970$, $p < 0,001$. Зимбабве: $r = -0,948$, $p = 0,001$ (односторонние тесты значимости).

Таблица 8. Корреляция между возрастом респондентов и ценностями Консерватизма — Открытости к изменениям и Заботы об окружающих — Самоутверждения в странах Африки южнее Сахары
Table 8. Correlation between the age of respondents and the values of Conservation — Openness to change and Self-transcendence — Self-enhancement in the sub-Saharan Africa

Страна	Консерватизм — Открытость к изменениям			Забота об окружающих — Самоутверждение		
	r	R2	p (1-стор.)	r	R2	p (1-стор.)
Кот-д-Ивуар	-0,988	0,977	<0,001	-0,927	0,859	0,002
Зимбабве	-0,974	0,948	<0,001	-0,948	0,898	<0,001
ЮАР	-0,932	0,868	0,001	-0,970	0,941	<0,001
Гана	-0,931	0,866	0,001	-0,871	0,759	0,006

Нигерия	-0,931	0,867	0,001	-0,535	0,286	0,108
Замбия	-0,875	0,766	0,005	-0,648	0,42	0,077
Руанда	-0,782	0,611	0,019	-0,497	0,247	0,128
Мали	-0,757	0,573	0,024	-0,811	0,658	0,014
Буркина-Фасо	-0,657	0,432	0,054	-0,876	0,768	0,005
Эфиопия	-0,603	0,364	0,076	-0,458	0,21	0,15
В среднем по странам Африки южнее Сахары	-0,843			-0,754		

Анализ данных по странам Африки южнее Сахары позволяет сделать два важных вывода,

Во-первых, и в странах Африки отрицательная корреляция между возрастом и ценностями Открытости прослеживается в заметно более сильном виде, чем отрицательная корреляция между возрастом и ценностями Самоутверждения.

Во-вторых, хотя эти отрицательные корреляции здесь менее выражены, чем во всех других макрорегионах мира, они все-таки заметны и в подавляющем большинстве стран Африки южнее Сахары проявляются в статистически значимом виде. Действительно, достаточно сильные ($R^2 > 0,57$) статистически значимые ($p < 0,05$) отрицательные корреляции между возрастом респондентов и их приверженностью ценностям Открытости к изменениям прослеживаются для 8 из 10 стран рассматриваемого макрорегиона. И речь идет не только о средне-развитой ЮАР, но и о таких слаборазвитых странах с низкими подушевыми доходами, как Кот-д-Ивуар, Зимбабве, Замбия, Руанда или Мали (и при этом в слаборазвитых Кот-д-Ивуаре и Зимбабве эти корреляции оказываются заметно сильнее южноафриканского и даже западноевропейского уровня). Лишь в двух странах Африки южнее Сахары (в Буркина-Фасо и Эфиопии) отрицательная корреляция между возрастом респондентов и приверженностью их ценностям Открытости к изменениям оказалась статически незначимой.

Применительно к ценностям Самоутверждения в странах Тропической и Южной Африки мы имеем дело с наиболее слабыми корреляциям из всех, что были рассмотрены выше. Однако и в этом случае в 6 из 10 стран Африки южнее Сахары мы имеем дело с достаточно

сильными ($R^2 > 0,65$) недвусмысленно статистически значимыми ($p < 0,015$) отрицательными корреляциями (Кот-д-Ивуар, Зимбабве, ЮАР, Гана, Мали, Буркина-Фасо). В Нигерии и Замбии корреляции имеют маргинальную значимость, а в Руанде и Эфиопии корреляции находятся на грани статистической незначительности, хотя и наблюдаются в теоретически предсказанном направлении.

Впрочем, это не противоречит выводу о том, что в самом бедном макрорегионе мира рассмотренные нами корреляции между возрастом и ценностями выражены заметно слабее, чем в других регионах мирах.

Выводы

Проведенное нами исследование не позволяет согласиться с утверждением Р. Инглхарта и К. Вельцеля о том, что корреляция между возрастом и приверженностью тем или иным ценностям наблюдается только в развитых странах, а не в странах с низкими среднедушевыми доходами населения. Как мы могли видеть, во всех макрорегионах мира (от самых богатых до самых бедных) прослеживаются в основе своей одни и те же корреляции между возрастом респондентов и их приверженностью тем или иным ценностям.

Более пожилым респондентам свойственно придерживаться ценностей Консерватизма и Заботы о других, а молодым — ценностей Открытости к изменениям и Самоутверждения. Гораздо более корректно будет сформулировать идею Инглхарта — Вельцеля в мягкой форме: в беднейших странах мира различия в ценностной картине мира между пожилыми и молодыми в тенденции выражены менее сильно, чем в остальных странах. Однако и в подавляющем большинстве развивающихся стран речь идет о вполне сильных статистически значимых отличиях.

Поскольку подавляющее большинство как развитых, так и развивающихся стран демонстрируют сильные и значимые корреляции ценностных осей Шварца с возрастом, можно предположить (сообразно с идеями автора опросника) наличие некоторых универсальных или как минимум чрезвычайно распространенных механизмов влияния биологического и социального возраста на ценности. Об этом же говорит и прослеживаемая во всех макрорегионах мира сильная корреляция между возрастом и парами противоположных ценностных ориентаций: Консерватизмом — Стремлением к новизне и Заботой о других — Самоутверждением.

В целом проведенный анализ динамики ценностей с возрастом позволяет предполагать наличие действия как возрастного, так и когортного эффектов. Количественный анализ когортного и возрастных эффектов в динамике системы ценностей подробно раз-

бирается в ряде работ [Коротаев, Зинькина, Шульгин, Быканова 2017; Коротаев, Шульгин, Зинькина, Новиков 2018], где показывается, что для усиления ценностей консерватизма важна роль именно возрастного фактора. Люди становятся более религиозными с возрастом. Помимо этого с возрастом наблюдается реальный рост приверженности ценностям заботы о других, а также увеличение нетерпимости ко всякого рода асоциальному поведению: к незаконному уклонению от уплаты налогов, взяточничеству, незаконному получению социальных пособий и т. п.

С этим фактом коррелирует то, что с возрастом люди склонны в большей степени соглашаться с утверждением о том, что большинству людей можно доверять, в то время как более молодые респонденты в большей степени согласны с утверждением, что с людьми нужно быть очень осторожными. С возрастом люди в экономически развитых странах склонны все больше и больше доверять парламенту, политическим партиям и государственному аппарату (близкие результаты были получены и применительно к России).

Все это представляет особый интерес в свете интенсивно идущих в последнее время процессов глобального старения населения, продолжение которых уверенно прогнозируется и на все ближайшие десятилетия [Гринин, Коротаев, Гринин 2016; Lutz, Sanderson, Scherbov 2008; Goldstone, Grinin, Korotayev 2015; Grinin, Korotayev 2016; Grinin, Grinin, Korotayev 2017]. Действительно, сказанное выше заставляет предполагать, что глобальное старение населения будет способствовать росту ценностей консерватизма, что может быть определенным фактором прогнозируемого многими авторами на долгосрочную перспективу замедления глобальных темпов социально-экономического и технологического развития [Piketty 2014; LePoire 2016; Khaltourina, Korotayev 2007; Korotayev 2018; Popović 2018].

С другой стороны, глобальное старение населения может способствовать глобальному росту приверженности ценностям заботы о других и нетерпимости к асоциальному поведению, что может оказать определенное гармонизирующее и стабилизирующее влияние на социально-политические системы в глобальном масштабе [Коротаев, Шульгин, Зинькина, Новиков 2018].

Библиография / References

Гринин Л.Е., Коротаев А.В., Гринин А.Л. (2016) Глобальное старение населения, шестой кондратьевский цикл и кибернетическая революция. *Проблемы теории и практики управления*, 7: 54–59.

— Grinin L.E., Korotayev A.V., Grinin A.L. (2016) Global population aging, the sixth Kondratieff cycle and the cybernetic revolution. *Problems of theory and practice of management*, 7: 54–59. — in Russ.

Инглхарт Р., Вельцель К. (2011) Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития, М.: Новое издательство.

— Inglehart R., Welzel K. (2011) *Modernization, cultural change and democracy. The sequence of human development*, М.: New Publishing. — in Russ.

Коротаев А.В., Зинькина Ю.В., Шульгин С.Г., Быканова Д.А. (2017) Почему пожилые люди более религиозны, чем молодые? Когортные и возрастные факторы, или Будущее религиозных ценностей в экономически развитых странах. *Религиоведение*, 3 (3): 134-144.

— Korotayev A.V., Zinkina Yu.V., Shulgin S.G., Bykanova D.A. (2017) Why are older people more religious than younger ones? Cohort and age factors, or the future of religious values in economically developed countries. *Religious Studies*, 3 (3): 134-144. — in Russ.

Коротаев А.В., Шульгин С.Г., Зинькина Ю.В., Новиков К.Е. (2018) Влияние старения населения на глобальную систему ценностей и политическую динамику. М.: РАНХиГС.

— Korotayev A.V., Shulgin S.G., Zinkina Yu.V., Novikov K.E. (2018) *The impact of population aging on the global value system and political dynamics*. М.: RANEPА. — in Russ.

140

Baltes P.B. (1987) Theoretical propositions of life-span developmental psychology: on the dynamics between growth and decline. *Developmental Psychology*, 23: 611-626.

Boeltken F., Jagodzinski W. (1985) Postmaterialism in the European community, 1970-1980: Insecure value orientations in an environment of insecurity. *Comparative Political Studies*, 17 (4): 453-484.

Brandtstädter J., Wentura D., Rothermund K. (1999) Tenacious Pursuit and Flexible Adjustment of Goals. J. Brandtstädter, R.M. Lerner (eds). *Action & Self-Development: Theory and Research Through the Life Span*, London: Sage Publications: 373-400.

Brandtstädter J., Greve W. (1994) The aging self: Stabilizing and protective processes. *Developmental review*, 14 (1): 52-80.

Brandtstädter J., Rothermund K. (2002) The Life-Course Dynamics of Goal Pursuit and Goal Adjustment: A Two-Process Framework. *Developmental Review*, 22: 117-150.

Bromley D.B. (1966). *Psychology of human aging*, Baltimore, Maryland: Penguin.

Campbell J.C., Strate J. (1981) Are old people conservative? *The Gerontologist*, 21 (6): 580-59.

Carstensen L.L. (1992) Social and emotional patterns in adulthood: support for socioemotional selectivity theory. *Psychology and Aging*, 7 (3): 331-338.

Carstensen L.L. (2006) The influence of a sense of time on human development. *Science*, 312 (5782): 1913-1915.

Crittenden J.A. (1962) Aging and party affiliation. *Public opinion quarterly*, 26: 648-657.

Cumming E., Henry W. (1961) *Growing old: the process of disengagement*, New York: Basic Books.

Fischer R., Boer D. (2016) Values: the dynamic nexus between biology, ecology and culture. *Current Opinion in Psychology*, 8: 155-160.

- Glenn N.D., Hefner T. (1972) Further Evidence on Aging and Party Identification. *Public Opinion Quarterly*, 36: 31-47.
- Glenn N. (1974) Aging and Conservatism. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 415: 176-186.
- Goldstone J., Grinin L., Korotayev A. (2015). Research into Global Ageing and Its Consequences. *History & Mathematics*, 5: 5-9.
- Grinin L.E., Grinin A.L., Korotayev A. (2017) Forthcoming Kondratieff wave, Cybernetic Revolution, and global ageing. *Technological Forecasting and Social Change*, 115: 52-68.
- Grinin L., Korotayev A. (2016) Global Population Ageing, the sixth Kondratieff wave, and the global financial system. *Journal of Globalization Studies*, 7 (2): 11-31.
- Hamil-Luker J. (2001) The prospects of age war: inequality between (and within) age groups. *Social science research*, 30: 386-400.
- Inglehart R. (1971) The silent revolution in Europe: Intergenerational change in post-industrial societies. *American Political Science Review*, 65 (4): 991-1017.
- Inglehart R. (1977) *The silent revolution: Changing values and political styles among western publics*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Inglehart R. (1990) *Culture shift in advanced industrial society*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Inglehart R. (1997) *Modernization and postmodernization: Cultural, economic and political change in 43 societies*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Inglehart R., Baker W. (2000) Modernization, cultural change and the persistence of traditional values. *American Sociological Review*, 65: 19-51.
- Inglehart R., Norris P. (2003) Islam and the West: A "clash of civilizations?" *Foreign Policy*, March/April: 62-70.
- Khaltourina D.A., Korotayev A.V. (2007) A modified version of a compact mathematical model of the World system economic, demographic, and cultural development. *Mathematical Modeling of Social and Economic Dynamics*, Moscow: RUDN: 274-277.
- Korotayev A. (2018) The 21st Century Singularity and its Big History Implications: A re-analysis. *Journal of Big History*, 2 (3): 71-118.
- LePoire D.J. (2016). Exploring Temporal Patterns in Big History Dynamics. *KronoScope*, 16 (2): 229-249.
- Löckenhoff C.E., Carstensen L.L. (2004) Socioemotional selectivity theory, aging, and health: The increasingly delicate balance between regulating emotions and making tough choices. *Journal of Personality*, 72 (6): 1395-1424.
- Lutz W., Sanderson W., Scherbov S. (2008) The coming acceleration of global population ageing. *Nature*, 451 (7179): 716-719.
- Norris P., Inglehart R. (2004) *Sacred and secular: Religion and politics worldwide*, New York: Cambridge University Press.
- Piketty T. (2014) *Capital in the Twenty-First Century*, Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press.

Popović M. (2018) Technological Progress, Globalization, and Secular Stagnation. *Journal of Central Banking Theory and Practice*, 7 (1): 59-100.

Rhodebeck L.A. (1993) The politics of greed? Political preferences among the elderly. *Journal of politics*, 55: 342-364.

Robinson O.C. (2013) Values and adult age: Findings from two cohorts of the European Social Survey. *European Journal of Ageing*, 10 (1): 11-23.

Schwartz S.H. (1992) Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in experimental social psychology*, 25: 1-65.

Schwartz S.H. (2005b) Robustness and fruitfulness of a theory of universals in individual human values. *Valores e comportamento nas organizações Atoes [Values and behavior in organizations]*—Petr. polis, Brazil: Vozes: 56-95.

Tilley J., Evans G. (2014) Ageing and generational effects on vote choice: combining crosssectional and panel data to estimate APC effects. *Electoral studies*, 33: 19-27.

Zellman G.L. (1975) Antidemocratic beliefs: A survey and some explanations. *Journal of social issues*, 31: 31-53.

Рекомендация для цитирования:

142

Коротаев А.В., Новиков К.Е., Шульгин С.Г. (2019) Ценности пожилых в стареющем мире. *Социология власти*, 31 (1): 114-142.

For citations:

Korotayev A.V., Novikov K.E., Shulgin S.G. (2019) Values of the Elderly People in an Aging World. *Sociology of Power*, 31 (1): 114-142.

Поступила в редакцию: 12.11.2018; принята в печать: 16.12.2018

Received: 12.11.2018; Accepted for publication: 16.12.2018

Переводы

CHERYL LAZ

University of Southern Maine, USA

Introduction to “Act Your Age”

doi: 10.22394/2074-0492-2019-1-143-145

On December 3, 2018, Dutch courts rejected a request by Emile Ratelband to change his birthdate to 20 years later than his actual birthdate in 1949. According to the BBC, “Mr Ratelband argues he feels discriminated against because of his age, and that it was affecting his employment chances and his success rate on the dating app, Tinder”¹. The judges granted that “Mr Ratelband is at liberty to feel 20 years younger than his real age and to act accordingly”, but concluded that changing his legal documents would have “undesirable legal and societal implications”². The court observed that changing age is unlike changing one’s name or gender because rights and obligations are attached to age and that granting the request would cause all kinds of legal problems.

143

The case illustrates some of the claims articulated in “Act Your Age”: age is a contested concept involving, but not reducible to, chronology; individuals exercise agency as they accomplish their age; the accomplishment of age is not only individual but also collective; age is constituted in interaction; age is organized, patterned, and constrained within and by institutions (like the law) and relations of power.

This theoretical framework developed in “Act Your Age” has held up quite well in the twenty years since its publication. In lieu of a comprehensive review of the field of age studies, I briefly offer two lines of reasoning.

In 1998, I imagined “a sociology of age, roughly analogous to the sociology of gender, in which we theorize and study empirically how age as a concept and institution is created, maintained, challenged, and transformed; how assumptions and beliefs about age in general and about particular age categories inform and are reinforced by social statuses,

Шерил Лаз — профессор социологического факультета Университета Южного Мэна, Портленд, США.

Cheryl Laz — Professor, Department of Sociology, University of Southern Maine, Portland, Maine, USA.

1 <https://www.bbc.com/news/world-europe-46133262>

2 <https://www.bbc.com/news/world-europe-46425774>

norms, roles, institutions and social structures; and how age patterns individual lives and experiences even as individuals accomplish age" [Laz 1998: 90]. Twenty years later, that theory and analysis of age exists, though it is not, as I anticipated, mainly in the discipline of sociology. The view of age as accomplished, as both the process and outcome of interactional work, and "as situated, contingent, and negotiated, and as continually constituted in interaction" has proven useful to scholars in an array of fields (sociology, social work, gerontology, criminology, geography, anthropology, gender studies, nursing, and physiotherapy to name a few) and national settings (UK, US, Scandinavia). Scholars have used the framework developed in "Act Your Age" to analyze, for instance, the fear of crime [Rypi 2012], adult cannabis use [Dahl, Demant 2017], experiences of older transgender people [Siverskog 2015], cosmetic surgery [Brooks 2017] and grandfathering [Tarrant 2013].

A second piece of evidence focuses on a shift in gerontology. "Act Your Age" appeared concurrent with a critical mass of similar work in various disciplines. Collectively, this body of work and its fundamentally sociological conception of age has given birth to cultural gerontology. As described by Twigg and Martin [2015], cultural gerontology brings together insights from "the cultural turn" with those from political economy and critical gerontology. The result is sensitivity to culture, meaning, and agency and a deepened structural understanding of power, inequality, and oppression. With these as its distinguishing features, cultural gerontology is what I imagined for a new sociology of age.

Much excellent work across disciplines, topics, national contexts has deepened and enriched the conception of age-as-accomplished. There is, nonetheless, more to do. For instance, in the US and western Europe age is analyzed in relation to multiple axes of identity and experience (for example, gender and sexual identity); class and race, however, remain conspicuously absent from many of these analyses. I am grateful for the opportunity to share the essay with Russian scholars and look forward to new work exploring age-as-accomplished in connection with other axes of identity and in other national contexts and institutional settings.

Библиография / References

Brooks A. (2017) *The Ways Women Age*. NYU Press.

Dahl S., Demant J. (2017) "Don't make too much fuss about it". Negotiating Adult Cannabis Use. *Drugs: Education, Prevention and Policy*. 24(4): 324-331.

Rypi A. (2012) Not Afraid at All? Dominant and Alternate Interpretive Repertoires in Discourses.

of the Elderly on Fear of Crime. *Journal of Scandinavian Studies of Crime and Crime Prevention*. 13: 166-180.

Siverskog A. (2015) Aging Bodies that Matter: Age, Gender and Embodiment in Older Transgender People's Life Stories. *NORA: Nordic Journal of Feminist and Gender Research*. 23(1): 4-19.

Tarrant A. (2013) Grandfathering as Spatio-Temporal Practice. *Social and Cultural Geography*. 14(2): 192-210.

Twigg J., Martin W., eds. (2015) *Routledge Handbook of Cultural Gerontology*. NY: Routledge.

Рекомендация для цитирования:

Laz C. (2019) Introduction to "Act Your Age". *Социология власти*, 31 (1): 143-145.

For citations:

Laz C. (2019) Introduction to "Act Your Age". *Sociology of Power*, 31 (1): 143-145.

Поступило в редакцию: 20.02.2019; принято в печать: 23.02.2019

Received: 20.02.2019; Accepted for publication: 23.02.2019

Веди себя по возрасту!

doi: 10.22394/2074-0492-2019-1-146-179

Введение

С точки зрения неспециалистов (и многих профессиональных социологов, если заставить их вопросом врасплох), абсурдно думать о возрасте иначе, чем о хронологическом факте, или о свойстве, присущем каждому индивиду. Для большинства людей возраст так же очевиден, как расовая и половая принадлежность. В ответ на вопрос, «сколько тебе исполнилось?», мы называем число лет, прошедших со дня нашего рождения.

Когда от нас требуют вести себя по возрасту, мы прекрасно понимаем, что подразумевается под «возрастом», понимаем характер предъявляемых претензий и часто готовы объяснить свое «неподобающее поведение». Мы исходим из того, что по мере взросления люди вступают в разные роли, причем в предсказуемой последовательности. Когда эта последовательность нарушается, язык фиксирует несоответствие (мы о говорим о «матерях-подростках», «нестандартных студентах»), и мы ищем объяснений такой «несвоевременности».

Как в случае расы и гендера, якобы объективная, фактическая природа возраста делает его идеальным предметом социологического исследования. Сейчас социологи определяют расу как социальный конструкт, а не как биологический «факт». Представление о расе формируется внутри социальных групп (какая доля крови делает человека чернокожим или индейцем?), раса определяется людьми (что значит сойти за представителя одной расой, а не другой?). Более того, социологический анализ расы привел нас к более

Шерил Лаз — профессор социологического факультета Университета Южного Мэна, Портленд, США.

Cheryl Laz — Professor, Department of Sociology, University of Southern Maine, Portland, Maine, USA.

Первоначальная версия этой статьи была представлена на заседании Американской социологической ассоциации в августе 1996 г.

Пер. с англ. Юлии Еремеевой, Ильи Зорина, Анастасии Комаровой, Анастасии Кусовой под ред. Марии Неклюдовой и Ивана Напреенко выполнен по Laz C. (1998) Act Your Age. *Sociological Forum*, 13(1): 85-113.

Текст печатается по договоренности с правообладателями.

Copyright © 1998, C. Laz. Reproduced with permission of Blackwell Publishing Ltd.

глубокому пониманию властных отношений и преобладающих нормативных представлений, которые создают и поддерживают якобы биологический факт расовой принадлежности.

Аналогичным образом социологи рассматривают гендер как социальный конструкт и индивидуальное достижение. Гендер определяется и формируется внутри социальных групп (что означает маскулинность для гетеросексуального сталеваара? для гомосексуального банковского менеджера?) и производится индивидуумами в процессе социального взаимодействия (как женщина в мужском коллективе ведет себя по-женски?). Более того, согласно традиционным культурным представлениям, гендер ассоциируется с женщинами, тогда как доминирующая группа — в данном случае мужчины — рассматривается как лишенная пола.

Многое указывает на то, что возраст, как раса и гендер, не является естественной категорией и представляет собой нечто большее, чем просто число лет со дня нашего рождения. «Ты ведешь себя не по возрасту. Ты же уже большой», — говорим мы детям, чтобы поощрить их самостоятельность (или добиться послушания). «Веди себя по возрасту. Хватит ребячиться», — говорим мы взрослым, когда нам кажется, что они поступают безответственно. «Не забывай о своем возрасте. Ты уже не так молод», — говорим мы пожилым людям, которые продолжают увлекаться молодежными занятиями. Одобряемые действия варьируются, но требование сохраняется. Говоря «веди себя по возрасту», мы настаиваем на том, что поведение должно соответствовать нормам. Однако в этой фразе также содержится здравомысленное представление о том, что возраст не является естественным и постоянным и требует определенной работы, т. е. психологических и физических усилий.

147

Таким образом, выражение «веди себя по возрасту» содержит принципиально социологическое видение возраста и дает нам полезную метафору перформативности. Возраст — это действие, это перформанс в том смысле, что он требует действий и усилий; возраст нормативен. Вне зависимости, действуем ли мы хорошо или плохо, по правилам или нет, наша реализация собственного возраста — и возраст как таковой — всегда носят коллективный и социальный характер. Тем не менее возраст не просто формируется под влиянием социума, он конституируется в процессе общения и обретает значение во взаимодействии и широком общественном контексте. Мы все перформатируем или производим возраст в действиях: иными словами, мы постоянно производим наш собственный возраст, но также своими поступками и общением, убеждениями и чувствами, социальным поведением придаем значение возрасту других и возрасту как таковому.

В теоретической рамке, представленной в этой работе, возраст понимается как достижение. Понятие «достижения», как и близкое по смыслу «перформации», может относиться как к совершаемым

действиям, так и к действиям уже совершенным. Меня в первую очередь интересует достижение не как совершившееся, а именно как совершаемое действие, которое является социальным и публичным. (Порой оно может быть и личным, однако возраст-как-достижение никогда не бывает только личным¹.) Достижение возраста связано с часто рутинной, иногда яркой, но неизменно непрерывной работой.

Теоретическая рамка возраста-как-достижения основана на социологических теориях символического интеракционизма [Blumer 1969], этнометодологии [Garfinkel 1967; Heritage 1984; West, Zimmerman 1987], социальной феноменологии [Schutz 1970] и на более новой теории социального конструкционизма [Lorber, 1994; Gubrium et al., 1994]. Вслед за Блумером [1969: 2] мы исходим из трех центральных предпосылок.

1. Человеческие существа обращаются с вещами в зависимости от того, что они для них значат.

2. Значения вещей — предметов, людей, категорий лиц, общества, видов деятельности — являются производными от социального взаимодействия.

3. Значения обрабатываются и модифицируются посредством процесса интерпретации, который использует человек, сталкиваясь с теми или иными явлениями.

148

Символический интеракционизм, этнометодология и феноменология здесь особенно полезны в силу своего внимания к агентности и креативности. Более поздние исследования в рамках социального конструкционизма [West, Zimmerman 1987; Lorber 1994] расширили наработки указанных направлений, показав, что самоочевидные концепции, которыми оперирует символический интеракционизм (личность, роль), в свою очередь являются и причиной, и следствием практик интеракции. Недавние работы в этой области уделяют особое внимание динамике власти, привилегий и социально-структурного контекста, в котором происходят формирование значения, интерпретация и действие.

Концепция возраста-как-достижения также опирается на недавние исследования жизненного цикла и свойственных ему переходов [Kohli 1986; Mayer, Muller 1986; Meyer 1986; Gubrium et al. 1994; Guillemard 1996]. В них возраст и старение рассматриваются как нечто большее, чем просто свойство «стариков». В своей работе я стремлюсь объединить два аспекта теории жизненного цикла. С одной стороны, это направление, представленное трудами Майера, Мюллера [1986] и Гилмора [1996], в рамках которого изучается воздействие на жизненный цикл макроисторических и социальных сил (рацио-

1 Такое использование идеи «достижения» напоминает концепции гендерных проектов и практик [Connell 1995] или перформативных актов Джудит Батлер [1990].

нализация, государство, работа и экономика). С другой — направление, представленное Коли [1986], Майером [1986], Губриумом и др. [1994], которое рассматривает, как на микроуровне дискурсивные практики и представления о жизненном пути формируют личность.

Наконец, концепция возраста-как-достижения многим обязана недавним исследованиям антропологов [Fry 1980a; Keith, Kertzer 1984; Fry, Keith 1986], где акцентируется важность культурных и смысловых факторов. Антропологи признают двойственность культуры, которая, с одной стороны, служит проводником идеалов, ценностей и норм, а с другой — образована актуальным поведением и реализацией установок. И в антропологическом подходе, и в рамках концепции возраста-как-достижения люди рассматриваются как активные умелые создатели и пользователи культуры. Кроме того, она требует от нас ценить эмические элементы (т. е. «внутреннее» видение культуры, в котором язык и суждения информаторов формируют исследуемую проблему). Наконец, как и в случае антропологии, моя теоретическая разработка стремится к холизму, то есть к пониманию смысла и опыта в присущем им контексте.

При разработке теоретической концепции возраста-как-достижения я исходила из пяти предпосылок. Во-первых, социология возраста имеет менее разработанную теоретическую базу, чем социология старения, — она менее изучена, ей меньше учатся и ее меньше преподают. И хотя представление о расе и гендере как социальных конструктах и «достижениях» стало вполне привычным, аналогичное социологическое понимание возраста далеко не так развито. Я не говорю, что социологи не исследуют возраст как социальный конструкт — многие как раз этим занимаются¹. Тем не менее значительная часть социологии сконцентрирована на старении (понимаемом как период, следующий за ранним периодом «роста и развития» и средним периодом «зрелости») и старости.

Во-вторых, недавние исследования возрастной стратификации, политической экономики возраста и жизненного цикла заложили основу для социологии возраста, которая существенно отличается и от исследований конкретных возрастных групп (особенно пожилых), и от геронтологии. В-третьих, допущения, на которые опирается социология старения (возраст как объективный хронологический факт, возраст как личностное качество, пожилой возраст и старость как социальные проблемы, возраст как самодетерминируемое или сверхдетерминированное явление), мешают концептуа-

¹ Среди работ, в которых возраст рассматривается как социальный конструкт, упомянем следующие: [Gubrium 1977, 1993; Gubrium et al. 1994; Guillemard 1996; Hazan 1992; Karp, Yoels 1982; Karp 1991].

лизировать возраст как социальный конструкт. В этом плане изучение возраста имеет много общего с изучением гендера.

В-четвертых, поскольку социология гендера первой начала работать с указанными допущениями, социология возраста может у нее поучиться. Наконец, существует большое разнообразие литературы, на основе которой мы можем отталкиваться при разработке концепции возраста-как-достижения. Я не ставлю перед собой задачу сделать комплексный обзор исследований возраста и старения. Наоборот, я опираюсь на существующую литературу выборочно, в той степени, в которой это необходимо для разработки концепции возраста-как-достижения, и для демонстрации ее потенциала, когда речь заходит об упорядочивании того, что мы уже знаем о возрасте и старении.

Социология возраста и социология старения

Социология возраста намного реже становится объектом теоретизирования, исследований и преподавания, чем социология старения. Американская социологическая ассоциация (ASA) поддерживает секцию по социологии старения, но не возраста¹, и в монографиях, заголовках журналов, учебниках и названиях курсов, фигурирующих в путеводителе по учебным ресурсам ассоциации, слово «старение» присутствует намного чаще, чем «возраст»². Более того, слово «aging», обозначающее прибавление лет, стало практически прямым синонимом старости³. В результате исследования старе-

150

1 В 1997 г. участники секции проголосовали за изменение ее названия с «Секция старения» на «Секция старения и жизненного цикла».

2 Список журналов, публикующих научные исследования по социологии возраста/старения, включает следующие наименования: «The Gerontologist», «Journal of Aging Studies», «Aging», «Aging and Society», «Research on Aging», «Aging and Human Development», «Age and Aging», «Journal of Women and Aging», и «Journals of Gerontology». Из 30 курсов, включенных в изданное Американской социологической ассоциацией в 1991 г. пособие «Обучение социологии старения» (сост. Харрис и Палмор), только один назывался «Социология возраста», и еще несколько были сфокусированы на жизненном цикле и переходах от одного его этапа к другому. Большинство было посвящено социальной геронтологии, старению, «концу жизни», «седеющей Америке», «пожилым» и «старости». Наиболее значимые исследования тоже фокусируются на старении и старости: «Социология старения» (Харрис), «Старение в массовом обществе» (Хендрикс и Хендрикс), «Социальная геронтология» (Хойман и Кийак), «Социальные силы и старение» (Эттли), «Пособие по старению и социальным наукам» (сост. Байнсток и Джордж), «Старение» (сост. Муди), «Старение в XXI веке» (сост. Каданьо и Стрит).

3 Это особенно заметно в социологии старения и во вступительных текстах к работам по общей социологии (яркий пример [Macionis 1977]), а также

ния во многом пересекаются, а иногда и полностью совпадают с геронтологией. Если же социологи работают с другими возрастными группами (а не только с пожилыми), это происходит в рамках социологии детства, отрочества, юности и проч.

Наконец, как в свое время отметили Пассат и Бенгтсон [Passuth, Bengtson 1988], исследования старости существенно отстают от общей теории социологии. По их мнению, винить в этом следует влияние геронтологии (в особенности ее направленность на изучение средств прогнозирования удовлетворенности старостью) и преобладание структурного функционализма в социальной геронтологии [Passuth, Bengtson 1988: 346]¹.

Несмотря на преимущественный интерес к старению и пожилым людям, теоретические работы последних лет дают достаточные основания для создания социологии возраста, отличающейся от социологии старения, старости, детства и других возрастных категорий, хотя неизбежно с ними пересекающейся. К примеру, предложенная Матильдой Райли, Анной Фонер и их коллегами теория стратификации изучает, как в обществе распределяются возрастные категории, какие отношения складываются между ними и внутри них, а также как когортная принадлежность и история влияют на членов возрастной группы. К разнообразным возрастным группам также обращаются исследования по социальному конструированию жизненного цикла, поскольку в их цели входит изучение того, как макросоциальные факторы и интеракция влияют на формирование жизненного цикла.

Если резюмировать, я мыслю социологию возраста — по аналогии с социологией гендера — теоретическим и эмпирическим исследованием того, как создается, поддерживается, оспаривается и трансформируется возраст как концепция и институт; как социальные статусы, нормы, роли, институты и социальные структуры формируют и укрепляют определенные представления и умозрительные допущения по поводу разных возрастных категорий; как возраст структурирует жизнь и жизненный опыт конкретных людей, в том числе реализацию самого возраста. Когда я предлагаю выделить социологию возраста в отдельную исследовательскую сферу, не надо видеть в этом стремление умалить ценность изучения старения или отдельных возрастных категорий. Вслед за Матильдой Райли я полагаю, что особое внимание к возрасту поможет расширить наше исследовательское поле и в перспективе изменить социологию как таковую.

151

в системах каталогизирования (в частности, в той, которая используется в библиотечной системе нашего штата).

1 Это не единственный случай констатации нехватки теории при изучении возраста и старения [Moody 1988: 23].

В своем обращении к Американской социологической ассоциации 1986 года она подчеркнула: «Формирующаяся сфера исследований возраста видится мне выражением собственно социологической перспективы и примером того, как одно направление социологических исследований способно помочь ее реализации воплощению. Как и иные специализированные направления, социология возраста способна сместить акценты, прояснить и конкретизировать социологические аксиомы. Она может открыть новые грани, сформулировать новые вопросы, снять вопросы старые и нерелевантные, вдохнуть жизнь в стагнирующие области и ускорить работу в областях развивающихся. Ее появление способно заострить, прояснить социологическую оптику, повысить ее востребованность. Но дело только начинается» [Riley 1987: 11].

Итак, опираясь на ресурсы, имеющиеся в области, которая сейчас именуется «социологией старения», а также за ее пределами, в особенности в сфере социологии гендера, я предлагаю концепцию возраста-как-достижения. Чтобы воспользоваться этими ресурсами в полной мере, нам необходимо избавиться от допущений, которые затемняют наше понимание возраста как социального конструкта. В следующем разделе я их опишу и проведу параллели с гендерными исследованиями. Параллели, вероятно, знакомые большинству читателей, покажут, что распознавание указанных допущений должно предшествовать любой теоретической работе.

Возраст и гендер

Социологическое понимание возраста преследуют четыре взаимосвязанных допущения: возраст — это объективный хронологический факт, возраст — это атрибут индивида, возраст и старение — это социальные проблемы, а также возраст — это самодетерминируемое или сверхдетерминированное явление. Эти представления носят фоновый характер, поэтому их трудно распознать и сложно уловить. Однако они, безусловно, требуют рассмотрения, поскольку дают оптику, которая определяет поведение и интеракции на микроуровне, на макроуровне — формирует публичную политику и академический дискурс [Dannefer 1988; Hockey, James 1993]. Их неявное и часто нераспознанное влияние препятствует развитию социологического понимания возраста¹. Позвольте мне быть предельно ясной. Я не считаю, что все социологи исходят из этих допущений. Наоборот, в социоло-

1 Необходимость саморефлексии при изучении возраста и старения стало толчком для развития критической геронтологии, см. [Moody 1988; Luborsky, Sankar 1996].

гии есть много работ, часть из них я упоминаю ниже, которые критикуют указанные предпосылки и/или предлагают альтернативы.

Возраст как объективный хронологический факт

Допущение, что возраст — это объективный хронологический факт, встроено в социологию. Наряду с ним существует более социологическое представление, что с хронологическими возрастами связаны многообразные культурные значения. Различие между объективным фактом и социальным и культурным знанием аналогично различию, выявленному в 1960–70-е годы между полом и гендером. Пол, учили мы студентов, есть предписанная характеристика и объективный факт. Он относится к анатомии, хромосомам, гормонам, определенным биологически. Гендер, напротив, есть достигаемый статус, предусматривающий обучение [соответствию] социальным и культурным ожиданиям, связанным с принадлежностью к биологическому мужскому и женскому полу [Stockard 1997: 213; Farley 1998: 117].

Различение пола и гендера стало размываться в 1970-е, а к 1980-м его сохранение стало в значительной мере бессмысленным¹. «Взаимосвязь биологических и культурных процессов оказалась куда сложнее — и рефлексивней, чем мы предполагали» [West, Zimmerman 1987: 126]. «Объективный», биологический «факт» пола, как выяснилось, основывается на общем (культурном) понимании маскулинности и феминности², и «некоторые структурные расстановки, например, связанные с работой и семьей, создают или активируют возможности, например, „быть матерью“, которые ранее связывались с биологическим аспектом» [West, Zimmerman 1987: 126]. В итоге социология гендера пришла к пониманию и гендера, и пола как продуктов непрерывной, продолжительной концептуальной социальной и культурной работы [West, Zimmerman 1987; Lord 1994].

Похожий процесс понимания взаимосвязи между «объективными фактами» и культурными смыслами начался в исследованиях возраста. Неспециалисты относятся к возрасту как к объективному факту, который определяется хронологически — числом прожитых

1 Однако некоторые уважаемые социологи все еще придерживаются этого различия, например [Epstein 1988: 5–6].

2 Например, Сюзанна Кесслер [Kessler 1990] показывает, что определение (биологического) пола интерсексуальных младенцев опирается как на культурное понимание маскулинности и феминности, так и на фактические анатомические характеристики младенца. Эмили Мартин [Martin 1991] демонстрирует, как культурные представления о пассивных женщинах и активных мужчинах «встроены» в «объективные» описания яйцеклеток и сперматозоидов в биологии и медицинских учебниках.

лет. Иногда социологи прибегают к такому же определению (в тех случаях, когда они используют возраст как переменную или проблематично употребляют такие характеристики, как «пожилой» или «престарелый»), но при этом делают упор на социальную природу хронологии. Некоторые исследователи [Rose 1980; Kastenbaum et al. 1980] используют показатели «функционального» или «социального» возраста, чтобы объяснить разрыв между количеством прожитых лет и физической деятельностью человека, психическим здоровьем или социальными ролями. Хотя эти показатели включают в себя социальные факторы, в то же время они сохраняют грань между «субъективным»/«функциональным» и «объективным» (т. е. хронологическим) возрастом, а также предполагают непротиворечивость хронологического возраста.

Не так давно антропологи, социальные конструктивисты и теоретики жизненного цикла перестали считать хронологию чем-то самим собой разумеющимся, то есть рассматривать ее как объективный факт. Они настаивают, что хронологический возраст важен в определенных социальных и исторических контекстах, а также в интеракции. Например, Губриум и его коллеги [Gubrium et al. 1994] описывают незападные нехронологические способы осмысления времени, чтобы показать, что «западное понимание процесса старения основано на нескольких фундаментальных допущениях, связанных с хронологией», особенно на представлении о том, что возраст линейен [Gubrium et al. 1994: 35]. Их аргумент заключается не в том, что хронологии не существует. Скорее, они утверждают, что мы придаем хронологии значение, используя ее (а не какую-то иную концепцию времени) как принцип организации индивидуальной и общественной жизни. Другие утверждают, что хронология как мера возраста есть наработка современного индустриального общества [Kohli 1986; Chudacoff 1989; Keith 1990].

Проблематизация хронологии и отказ рассматривать ее как естественный и объективный феномен позволяет социологам поставить важные вопросы о смысле возраста и опыта внутри жизненного цикла. Например, Гийемар [Guillemard 1996] утверждает, что изменения механизмов, регулирующих вывод рабочей силы, «деинституционализировали» и «дехронологизировали» жизненный цикл, разделив его на три отдельных периода (образование, работа и досуг).

Большая часть работ, которые проблематизируют хронологию, в том числе только что описанные нами, рассматривают ее с макроисторической точки зрения, чтобы выявить вариации смыслов. Остается практически неисследованным, как хронология воспринимается в качестве само собой разумеющейся в современном академическом дискурсе и повседневной интеракции. Социологи

могли бы расширить анализ хронологического времени и возраста, исследуя, как на микроуровне мы чувствуем и действуем на основе общего восприятия хронологического времени.

Многое может прояснить параллель с гендерными исследованиями. Как показывают Уэст и Зиммерман, определение пола и гендера в повседневном взаимодействии подразумевает нечто большее, чем простое определение анатомического «факта». Большинство людей считают, что гениталии являются ключевой особенностью, отличающей женщин от мужчин; тем не менее в процессе ежедневного общения нам не требуется видеть их для определения атрибутов пола. Вместо этого мы полагаемся на идентификационные проявления и внешность (позу, жесты, одежду), которые обычно, но не всегда, согласуются с гениталиями [West, Zimmerman 1987: 127]¹. Таким образом, Уэст и Зиммерман различают (биологический) пол (который сам по себе является социальной категорией, хотя часто она предстает как «естественная») и половую категорию (классификация, в которой мы руководствуемся проявлениями, а не гениталиями, чтобы определить пол).

Точно так же мы можем различать хронологический возраст и возрастную категорию. Хронологический возраст, подобно полу, трактуется, как если бы он был объективным фактом, и это происходит даже тогда, когда мы осознаем его историческую специфику. Для причисления людей к возрастным категориям и указания, как следует себя вести, используются культурно обусловленные идентификаторы, связанные с конкретными хронологическими возрастами и сформулированные как нормы и ожидания (они могут относиться к стилю одежды, цвету волос, осанке, социальным ролям). В повседневном взаимодействии мы не просим свидетельство о рождении или другое доказательство хронологического возраста, чтобы классифицировать индивида как ребенка, ровесника или пожилого человека. Мы полагаемся на видимые признаки и социальные статусы². Тем не менее иногда люди одеваются, выглядят, ведут и чувствуют себя старше или моложе своего хронологического возраста (более того, их возраст может отличаться от указанного в свидетельстве о рождении или ином документе, скажем, води-

- 1 Женщина может одеваться или выглядеть как мужчина, также индивид фактически может быть представителем иного пола, чем указывают его гениталии. Классический пример — случай Агнес [Garfinkel 1967; Kessler, McKenna 1978].
- 2 Кристина Фрай использовала методы многомерного масштабирования, чтобы исследовать, как люди когнитивно категоризируют возраст. Данные методы позволяют этнографически и эмпирически определить, как индивидуумы осмысливают возрастные категории и их содержание [Fry 1980b, 1986].

тельных правах). Такие выражения, как «он/а выглядит таким/ой старым/ой» или «но вы не выглядите на...», наши эмоциональные реакции (восхищение, недоверие, симпатия, удивление) происходят из-за несоответствия между хронологическим возрастом и возрастной категорией. Конечно, в других случаях (при подаче заявки на получение водительских прав или социальных пособий) требуется доказательство хронологического возраста¹, так же как и доказательство пола в некоторых иных ситуациях (например, для участия в спортивных соревнованиях [Lotber 1994: 41]).

Таким образом, социологи выделили «объективные» и «социальные» компоненты пола и гендера, затем проанализировали их взаимосвязь. Мы провели аналогичный анализ в отношении возраста. Социологи признают историческую специфику хронологического возраста и подробно описывают то, как современном западном обществе с течением времени, в основном, обращаются как с объективным фактом. Следуя примеру гендерных исследований, социологи могут анализировать, как индивидуумы используют предполагаемый объективный возраст, чтобы относить себя и других к возрастным категориям и действовать соответствующим образом (а также изучать, как, при каких условиях и с какими последствиями люди отказываются «вести себя по возрасту»).

156

Возраст как атрибут индивидуума

Поскольку возраст, как и пол, не является фиксированным или естественным фактом, социологи использовали понятия статуса, роли, нормы и социализации для осмысления возраста и пола как явлений культурных и усваиваемых, а не биологических и предзаданных. Биология задает внешние границы; затем благодаря ожиданиям, диктуемым культурой и усваиваемым через социализацию, мужчины приобретают маскулинные черты, а женщины — феминные; дети становятся подростками, подростки — взрослыми, а взрослые — пожилыми. С этой точки зрения возраст и гендер превращаются в атрибуты индивидов по мере того, как они обучаются и усваивают нормы, связанные с определенными ролями, и начинают вести себя в соответствии с ними. Возраст и гендер становятся объективными и фактическими характеристиками индивидов — тем, чем люди являются.

1 Свидетельства о рождении задуманы государством в качестве однозначных «доказательств» хронологического возраста, хотя они и не являются безошибочным источником информации. Хоуелл [Howell 1986] подробно описывает проблему оценки возраста при отсутствии надежных письменных данных и приводит возможные решения.

Понимание возраста и гендера как феноменов, конституированных статусами и ролями, которые усваиваются посредством социализации, предполагает существование набора дискретных категорий: женщины, мужчины, молодежь, люди среднего возраста и люди пожилые. Подобная категоризация подчеркивает и усиливает различия и сводит к минимуму сходства между группами.

Концепции социализации и индивидуальных атрибутов повлияли на изучение пола и возраста. Мы рассказываем студентам о всеобъемлющем и зачастую бессознательном процессе гендерной (или половой) ролевой социализации, в ходе которого девочки и мальчики усваивают ожидания в отношении феминности и маскулинности, интернализируют эти нормы и в итоге ведут себя как феминные и маскулинные люди [Lips 1995].

Социологи также изучают возрастные нормы, социализацию в течение жизненного цикла и нормы, регулирующие переходы между его этапами. Некоторые исследователи утверждают, что ожидания в отношении поведения, соответствующего возрасту, образуют масштабную систему правил, которые определяют сроки основных событий жизни и ограничивают социальное взаимодействие [Neugarten et al. 1965]. Другие сетуют на отсутствие эффективной социализации норм среди пожилых людей [Rosow 1974]. Третьи с нетерпением ждут исчезновения возрастных норм [Riley, Riley 1994]. Хотя они по-своему оценивают возрастные нормы и роли, само наличие ролевой структуры ролей и социализации сохраняет для них определенную значимость. Разумеется, на некотором уровне эта структура точно описывает социальные процессы и является важным вкладом в понимание того, как формируются жизненный цикл и переходы между его этапами¹.

157

Однако описанные тенденции (рассмотрение возраста и гендера как индивидуальных атрибутов, ролевая социализация, постулирование четких категорий) могут давать проблемные результаты. Понимание возраста как индивидуального атрибута приводит к тому, что возраст, в особенности возраст преклонный, начинает выступать в качестве независимой переменной [Dannefer 1984: 104]. И хотя социологи знают, что нельзя путать корреляцию с казуальностью, это нередко случается, когда речь заходит о возрасте. Возрастом объясняют электоральные предпочтения или занятость, тогда как нам стоило бы ра-

1 Даннефер рассматривает, как концепции *развития* и *социализации* используются для понимания процесса старения. Хотя он критичен к эффектам применения этих понятий, тем не менее он признает, что присутствие «чего-то *похожего на каждого из них* необходимо в изучении старения, поскольку каждый из них пытается описать что-то реальное и фундаментальное о человеческом опыте с течением времени» [Dannefer 1988: 364] (курсив оригинала).

зобратся, как социальное структурирование связывает возраст с указанным явлением [Riley 1987: 2]. В этом плане использование возраста как переменной поощряет описательный подход (скажем, к дифференциации возрастных различий), «отвлекая внимание от необходимости найти объяснение, то есть идентифицировать процессы, которые стоят за описываемыми результатами» [Dannefer 1988: 366].

Другим следствием отношения к возрасту как к индивидуальному атрибуту становится то, что он оказывается принадлежностью пожилых людей, то есть свойством лишь части населения, подобно тому, как гендер являлся тем, что имеют исключительно женщины, а расу — чернокожие. (Не исключено, что именно этим объясняется повышенное внимание социологии возраста к «старости».)

Много сказано о неадекватности концепции ролевой социализации потребностям гендерной теории [Epstein 1988; McIlwee, Robinson 1992; Thorne 1993]. Точно так же она не подходит теории возраста [Marshall 1980; Dannefer 1988]. Ни гендер, ни возраст не сводятся к набору ролей, «свойственных тому или иному месту или организационному контексту; на практике они часто функционируют как «основные статусы» [Hughes 1945], которые поддерживаются в различных социальных ситуациях» [West, Fenstermaker 1993: 154]. Более того, ассоциируемые с гендерными или возрастными ролями нормы не обязательно интернализируются, более того, интернализация не требуется для того, чтобы индивиды следовали нормам в своем поведении. В отсутствии внутреннего согласия в игру вступают другие, не менее важные соображения, — экономические стимулы, давление неформальных групп, формальные требования, которые гарантируют индивидуальную конформность нормам без их интернализации.

Наконец, самый важный момент заключается в том, что анализ ролей и социализации всегда сфокусирован на индивиде. Мы можем изучать возраст как индивидуальный атрибут, но этот атрибут реализуется во взаимодействии. Заведомые суждения о гендере и возрасте пронизывают и структурируют взаимодействия, практики, институты и правила. Когда мы фокусируемся на возрастных нормах, ролях и социализации, то перестаем замечать, что организация общества, социальные институты и практики во многом сформированы представлениями о возрасте и отражают их. Вместо этого нам стоит постараться посмотреть, как значения возраста организуют и выстраивают наше поведение, как эти значения подвергаются сомнению, вызывают сопротивление, пересоздаются и реконструируются во взаимодействии.

Возраст как социальная проблема

В социологии возраста преобладает понимание старости как социальной проблемы. Подобный подход фокусируется на пожилых

людях, причем старость преимущественно понимается как негативное явление, как период упадка и ослабления. Общая тенденция такова, что пожилые люди рассматриваются как «совокупность материальных потребностей» [Hazan 1994: 15]. Внимание сосредотачивается на различных трудностях (экономических, социальных, психологических, физических и т. д.), с которыми сталкиваются престарелые. Обычно такой точке зрения сопутствует соображение, что старение рассматривается как социальная проблема постольку, поскольку «оно так определяется влиятельными и богатыми людьми» [Conner 1992: 45]. Ирония состоит в том, что в результате критика отношения к возрасту как социальной проблеме сливается с утверждением его статуса как социальной проблемы. Коннер признает, что социальные проблемы создаются, конструируются и одновременно с этим участвует в их создании, используя теоретическую рамку «социальных проблем» для осмысления возраста/старения¹.

Схожая ирония не чужда гендерным исследованиям. В частности, либеральный феминизм часто фокусировался на проблемах женщин (дискриминации на работе, сексуальных домогательствах и насилии, неравном разделении обязанностей в семье, негативном отображении в культуре), которые можно ликвидировать предоставлением женщинам таких же гражданских прав и образовательных возможностей, как и мужчинам. В то же время сторонники феминизма признают, что «проблемы женщин» — неправильный термин, поскольку создает ложное впечатление, что дискриминация, домогательство и т. д. затрагивают только женщин. Кроме того, даже когда феминисты критикуют либеральный феминизм в качестве теоретической установки, многие все равно поддерживают обусловленную им линию поведения.

Несомненно, социология социальных проблем имеет ряд позитивных эффектов. Применительно к возрасту и гендеру она может повысить осведомленность о неравенстве, сломать стереотипы и стимулировать прагматичные социальные изменения. Либеральный феминизм поддерживает равенство зарплат и образования, а также меры позитивной дискриминации. Подход к возрасту как социальной проблеме привел к появлению различных служб,

1 Я описываю основные тенденции, но существуют примечательные исключения. К примеру, те, кто применяют политэкономический подход к возрасту, «предпринимают попытку перевернуть существующее представление о проблеме вверх ногами, рассматривая в первую очередь допущения, лежащие в основе определения наших текущих проблем, а также предлагаемых нами решений. В такой перспективе проблемой становятся не “люди в возрасте”, а нужды капиталистического общества» [Minkler 1984: 20].

которые используются для транспортировки пожилых людей, обеспечения их жильем, социальной поддержки.

Однако этот подход также имеет менее благоприятные эффекты. Признавая, что социальные проблемы следует определить в качестве таковых, он укрепляет мнение, согласно которому возраст и старение суть проблемы (более того, трудности) определенного сегмента населения. Старение становится синонимом людей пожилого возраста так же, как до середины 1980-х гендер оказывался кодовым словом для женщин, поскольку «мужчины воспринимали себя как безгендерных существ, так как гендер не играл никакой роли в их обыденной жизни» [Kimmel, Messner 1992: 3].

Привлекая особое внимание к пожилым людям, социология социальных проблем увеличивает разрыв между ними и всеми прочими. Становится сложно или невозможно увидеть сходство между пожилыми и молодыми, кроме того, затушевывается неоднородность группы пожилых [Dannefer 1988]. Эти эффекты усиливаются использованием таких определений, как «в возрасте» или «престарелые», в отношении пожилых людей. Подобная терминология усиливает понимание возраста как объективного хронологического факта и реифицирует классификацию людей по (хронологическому) возрасту без учета других характеристик¹.

Проблема различия — вопрос о том, следует ли рассматривать мужчин и женщин как сущностно одинаковых или различных, давно вызывает разногласия в среде гендерных исследователей. Синтия Эпштейн рассматривает этот вопрос как противостояние между «минималистами» и «максималистами». Максималисты придают большое значение различиям между женщинами и мужчинами и склонны воспринимать их в качестве устоявшихся и неизменных, то есть «естественных». Минималисты делают акцент на сходстве женщин и мужчин и заявляют, что различия обманчивы, так как являются продуктом общества, а потому изменяемы [Epstein 1988: 25]. В попытке объединить стороны Барри Торн предлагает гендерно-сенситивный подход, который «учитывает то, что в некоторых ситуациях или обстоятельствах нам может понадобиться акцентировать гендер, чтобы добиться равенства» [Thorne 1993: 171]. Хотя в гендерной теории и гендерной политике дискуссии еще далеки от завершения, в социологии возраста аналогичный вопрос практически не считается проблематичным.

1 Используя многоплановые техники измерения, Кристина Фрай обнаружила, что хронологический принцип действительно доминирует в американском обществе, даже несмотря на то что другие «сенситивные к возрасту» характеристики (включая семейное положение, наличие детей, статус проживания, образовательный уровень и успехи в карьере) влияют на когнитивную организацию возраста.

Наконец, подход с точки зрения социальных проблем в сочетании с индивидуалистическим фокусом часто поддерживает распределение власти, полномочий и легитимирует контроль, устанавливаемый над зависимыми (ненормативными) группами, такими как пожилые люди или женщины. Рассмотрение возраста как источника социальных проблем вносит вклад в поддержание власти и полномочий социальных работников и медицинского персонала, то есть представителей групп, чья работа состоит в том, чтобы помогать пожилым¹. В то же время такой подход отрицает, что люди в возрасте обладают собственной легитимностью и властью. Социология социальных проблем воплощает и укрепляет стереотипное представление о пожилых как о беспомощных, зависимых и пассивных людях.

Аналогичным образом в геронтологии возраст и старение могут осмысливаться как социальные проблемы. Я же предлагаю социологам обратить внимание не на то, каким образом старение конструируется в виде социальной проблемы, а на то, как сконструирован сам возраст.

Самодетерминируемый и сверхдетерминируемый возраст

161

На протяжении долгого времени социологи пытаются разрешить трудности, возникающие при осмыслении теоретических и практических связей между человеком и обществом или агентностью индивида и социальной структурой. Здесь, вероятно, лежит центральная проблема современной социологической теории. Некоторые работы, особенно в геронтологии, преувеличивают роль индивидуальной агентности. В предельных случаях возраст представляется самодетерминируемым явлением: ты настолько стар, насколько чувствуешь сам. Геронтологи (и рекламодатели) придают особое значения выбору, который совершают зрелые или пожилые люди, чтобы увеличить шансы на успешное старение. В выбор входят такие факторы образа жизни, как тренировки, диеты, отказ от курения, долгосрочное планирование, выход на пенсию. Посыл заключается в том, что «у вас есть возможность сделать свое будущее таким, каким вы хотите» [Ageless America 1984].

В социологии чаще акцентируются эффекты социальной структуры. Возраст сверхдетерминируется. Старение (физическое и психологическое здоровье, социальное и финансовое состояние) определяется расой, этничностью, социальным классом, гендером,

¹ В работе [Karp, Yoels 1982: 71] описывается, как психологические и медицинские эксперты повлияли на существующее понимание старения как проблемы, требующей решения.

политическими и экономическими силами, которые создают институты, практики и политики, производящие и поддерживающие эти закономерности. [George 1990: 190; Dannefer 1984].

Оба взгляда имеют право на существование. Социологи, изучающие возраст и старение, сходятся в одном: необходимо теоретически объединить микропроцессы и макроструктуры [Sherrod, Brim 1986; Kohli 1986; Dannefer 1988; Passuth, Bengtson 1988; Moody 1988]. Однако существуют разногласия по поводу того, как это сделать. Так как социология — это вероятностная дисциплина, социологи находятся в выигрышном положении, чтобы перекинуть мост между агентностью индивида и социальной структурой и концептуализировать возраст, не впадая в редукционизм — ни в самодетерминистский, ни в сверхдетерминистский.

В следующей части я кратко опишу точку зрения Уэста и Зиммермана на создание гендера. Затем я разовью аналогичную концептуальную рамку для возраста и выделю существующие работы с целью показать, как идея возраста-как-достижения позволяет организовать то, что мы уже знаем о возрасте, старении и жизненном цикле.

«Создание гендера»

162

В работе «Создание гендера» Кэндес Уэст и Дон Зиммерман [West, Zimmerman 1987; также West, Fenstermaker 1993: 151] утверждают, что гендер является достижением, производной от социальных ситуаций, причем выступающей и в качестве результата, и в качестве причины фундаментальнейшего разделения общества. Иными словами, не следует рассматривать его как роль, идентичность или индивидуальную атрибут: гендер — это продукт социальных ситуаций, который создается и конституируется в ежедневном человеческом взаимодействии. Мы создаем гендер как в физическом, так и в виртуальном присутствии других людей, даже когда кажется, что никакого взаимодействия нет. Необязательный разговор [Henley, Freeman 1989], приготовление ужина [Devault 1991], работа инженером [McIlwee, Robinson 1992] или стюардессой [Hochschild 1983], — во всех этих ситуациях мы общаемся, обедаем или работаем и одновременно создаем гендер.

Этот характерный социологический взгляд основан на этнометодологии, она «предполагает, что явления общественной жизни, которые кажутся объективными, основанными на фактах и применимыми в разных ситуациях, на самом деле являются результатами или достижениями локальных процессов» [Zimmerman 1978, цит. в West, Fenstermaker 1993: 152]. Чтобы увидеть «объективную реальность социологических фактов как продолжающееся достижение», этнометодологи и другие социологи относятся к обычным и не вызывающим вопросов явлениям как к «антропологически странным» [Garfinkel 1967: vii].

Уэст и Зиммерман [West, Zimmerman 1987: 126] показывают, как принимаемые по умолчанию аспекты социальной жизни (например, что существуют два и только два пола) на самом деле являются результатом социально мотивированных концептуальных, интеракционных и микрополитических процессов. Главным в них является то, как мы описываем, объясняем, рационализируем, оправдываем свои действия и отдаем себе в них отчет [Heritage 1984: 136]. Более того, мы действуем с оглядкой на необходимость давать отчет о своих поступках. Таким образом, мы заранее предполагаем, как наши действия могут быть восприняты, поняты или не поняты, оправданы или осуждены, а потому стараемся поступать так, чтобы свести к минимуму необходимость отчитываться (поскольку она может привести к недопониманию, игнорированию или противоречию). В итоге мы часто приспосабливаемся к доминирующим нормам или концептам, включая те, которые связаны с возрастом или гендером, даже если мы подвергаем их сомнению или не соглашаемся с ними¹.

По мнению Уэста и Зиммермана, когда индивиды создают гендер «правильно» (в соответствии с доминирующими представлениями о женщинах и мужчинах, маскулинности и феминности), то гендер становится невидимым. Так как мы все вместе «действуем правильно», доминирующие предрассудки о гендере становятся как бы естественными. И действительно, гендер сам по себе натурализован. Более того, «если мы создаем гендер подходящим образом, мы одновременно поддерживаем, преумножаем и легитимизируем институциональные установки, основанные на категории пола... [В конечном счете] понимание того, как гендер создается в социальных ситуациях, позволит прояснить интеракционное устройство социальной структуры и процессов социального контроля, которые ее поддерживают» [West, Zimmerman 1987: 146-147]. Уэст и Зиммерман более заинтересованы в образовании гендера как такового, нежели гендерной «самости». С помощью этой формулировки они планируют обойти двойную опасность самодетерминации и сверхдетерминации, указывая на взаимозависимые отношения между

1 Гарфинкель показал, что актерам не обязательно интернализировать нормы в качестве необходимого условия действий. «Все, что требуется, чтобы актеры располагали рефлексивным пониманием нормативной подотчетности своих действий и атрибутировали его друг другу» [Heritage 1984: 117]. Говоря иначе, интернализация норм не только не обязательна, но также и недостаточна для действия. Обязательным же является понимание (и атрибутирование этого знания другим) того, что вне зависимости от того, подчиняемся мы нормам или нет, нам придется отчитываться (предлагать свои объяснения или оправдания) за наше поведение.

социальными взаимодействиями и социальной структурой, между выбором, переговорами и принуждением.

Создание возраста

Уэст и Зиммерман показали, как внутри и посредством социальных ситуаций происходит производство гендера, как этот процесс поддерживает социальную организацию и социальный порядок. Аналогично гендеру возраст есть достижение не в смысле разового свершения, но как результат постоянных и продолжающихся усилий. Осуществляя возраст-как-достижение, мы создаем самих себя и поддерживаем свои роли и идентичности. Помимо этого мы являемся частью общей вселенной и помогаем ее создавать, наделяя возраст особым значением, которое влияет на нас как на индивидов и в то же время является надындивидуальным. В этой части статьи я представлю набросок концепции возраста-как-достижения, отталкиваясь от описанных выше заведомых представлений.

164

Хотя возраст часто ощущается как часть нас самих, это происходит потому, что мы реализуем свой возраст во всех наших социальных взаимодействиях. В основном мы предсказуемо ведем себя по возрасту (предсказуемо в данном конкретном контексте) и тем самым делаем его как бы невидимым. Благодаря нашему поведению возраст кажется естественным.

Конечно, возраст не всегда невидим. Иногда он выходит на первый план нашего сознания, и мы пытаемся осмыслить его часто в контексте отдельных событий или жизненных этапов (дни рождения, юбилеи, смерть родителей), изменений нашего облика и состояния здоровья, социальных ролей и норм [Eisenhandler 1991; Кагр 1991]. Дэвид Карп описывает период между 50 до 60 годами как «десятилетие напоминаний... когда люди чувствуют возраст острее, чем раньше... События-референты, пробуждающие это особое сознание, связаны с возрастом, но не определяются им». В такие моменты возраст временно теряет статус «естественного», его значение не является само собой разумеющимся.

Феминисты в 1970-х годах называли «щелчками» моменты, когда гендерное и половое неравенства выходят в сознании на первый план. «Щелчки» важны, потому что они обозначают предел, за которым человек больше не может воспринимать существующую информацию, отношения и практики как «самоочевидные»¹.

1 У ряда исследователей встречается обсуждение аналогичных моментов. Говоря о гендере и сексуальности, Дензин описывает «озарения», поворотные точки, «которые радикально меняют и формируют значения, которые люди

Хотя такие напоминания становятся более частыми и интенсивными в зрелом возрасте, они случаются и у молодых людей. На протяжении нескольких лет коллеги во время неформальных бесед нередко делились своими историями о «возрастном щелчке». Одна из коллег (сейчас ей около сорока пяти лет) призналась, что в первый раз у нее что-то «щелкнуло», когда она отказалась назвать свой «настоящий» (хронологический) возраст. Она была вынуждена задуматься о том, что значит возраст конкретно для нее и для женщин в целом, в контексте ее социальных кругов и всего общества. Другой поделился следующей историей: «15 или 20 лет назад (тогда мне было 30–35) я сидел на ступеньках дома вместе с Д. и А. и кто-то из детей подошел, чтобы попросить меня разрешить их спор. Внезапно я осознал, что мы стали “взрослыми”. Я был шокирован».

Возможно, «щелчок» случается при осознании, что мы ведем себя не по возрасту, или наоборот, когда мы отдаем себе отчет, что ранее наше поведение эффективно и неосознанно соответствовало возрасту. Или же мы замечаем, что «обогнали время» или «отстали от времени» (к примеру, что мы более или менее успешны в карьере или семейной жизни, чем люди того же хронологического возраста, или социального положения; или что существуют разные способы измерения возраста). «Щелчки» часто побуждают нас отчитываться перед другими или перед собой, и такая подотчетность имеет социальный и интеракционный характер. Социологи могут изучать нарушения «нормальности», такие как описанные выше «щелчки», чтобы узнать, как создается нормальность, как «естественное» получает статус естественного.

Концептуализация возраста-как-достижения не игнорирует «факт» хронологии. Скорее, она позволяет социологам изучить процесс, с помощью которого хронология делается «фактом», и увидеть, к чему приводит наше поведение, когда мы действуем так, как если бы хронология была естественной. Более того, осмысление возраста-как-достижения не требует отказа от концептов возрастных норм или ролей: скорее, оно позволяет нам понять, как нормы и роли работают в социальных ситуациях. Нормы и роли — это ресурсы, на которые инди-

дают себе или своим проектам... [фокусировка на озарении] заставляет искать моменты экзистенциального кризиса, когда сексуальность и гендерная идентичность человека резко и категорически ставится под сомнение... В эти моменты озарения гендерный порядок раскрывается со сторон, которые обычно не видны [Denzin 1993: 206]. Меня в данном случае не интересует, как возраст выходит на первый план нашего сознания, или как мы его осмысливаем. Моя задача в том, чтобы показать, что такие щелчки — довольно частое явление, по крайней мере в кругу моих знакомых — указывают на процессы, связанные с „поведением по возрасту“».

виды опираются при взаимодействии, это инструменты, с помощью которых мы «ведем себя по возрасту», однако сами по себе они возраст не производят. Концептуализация возраста-как-достижения также помогает избавиться от дихотомии самодетерминируемого/внешне детерминированного возраста, делая очевидным «интеракциональное устройство социальной структуры и процессов социального контроля, которые ее поддерживают» [West, Zimmerman 1987: 146-147].

Центральную роль тут играют взаимоотношения между акторами и структурными факторами, запрещающими или разрешающими действия. Наконец, идея возраста как достижения сильно изменяет его восприятие как проблемы. Если возраст есть достижение, значит, он не является социальной проблемой, то есть не является проблематичным состоянием, из которого следует выйти. Скорее, речь идет о проблеме как о неопределенной или сложной ситуации, которую можно взять под контроль или сделать предметом переговоров, в лучшем найти временное решение, но полностью от нее избавиться невозможно.

Средства реализации возраста

166

Если возраст — это то, что все мы реализуем, то каждый день бесчисленное количество раз мы сталкиваемся с проблемой подобающего возрасту поведения. То, как мы ведем себя в любой ситуации, — это продукт интерпретаций и выборов (часто неосознанных), которые мы делаем, исходя из доступных индивидуальных, культурных и институциональных средств. Каковы средства, из которых мы можем выбирать? Как мы их выбираем? За счет чего формируется возраст-как-достижение?

Энн Свидлер [Swidler 1986: 273] выдвинула идею «культуры как набора инструментов, куда входят символы, истории, ритуалы и мировоззрения, который люди могут использовать в различных сочетаниях для решения разнообразных проблем». Когда люди сталкиваются с проблемами, они конструируют стратегию — устойчивый (но не закрепленный или неизменный) порядок действий во времени. Культура имеет значение «не в смысле определения целей действий (формулировка ценностей или желаемых результатов), а в предоставлении культурных элементов, используемых для конструирования стратегии. Чтобы принять модель поведения, нам необходимо представлять картину мира, в котором мы действуем, нам необходим смысл, который мы можем считывать в достаточной мере точно, и возможность выбрать среди альтернативных моделей действия» [ibid.: 273, 275].

Преимущество этой концептуализации в том, что она рассматривает индивидов как активных и умелых потребителей культуры, а не как пассивных «культурных невежд» [Swidler 1986: 277]. Кроме

того, действие рассматривается как «составная часть более широкой группы (стратегии действий), а не как отдельные единичные выборы, которые люди совершают в зависимости от собственных ценностей и интересов. Такая позиция подтверждает потенциал использования культуры новыми непредсказуемыми способами и одновременно объясняет ее целостность и последовательность. Она перекидывает мост между дихотомией самодетерминированность/сверхдетерминированность, постулируя существование активных и умелых потребителей культуры, которые конструируют устойчивые способы упорядочивания действий.

Набор инструментов

Наша культура содержит множество образов и средств для реализации возраста. Эти образы и средства формируют наше осознание возраста, наши ожидания, касающиеся жизненного цикла и возможных перемен, поведение и чувства перед лицом собственного жизненного опыта, а также наши жизненные шансы¹. Мы используем ресурсы самых разных типов, от самых частных — наших собственных тел и межличностных отношений — до организационных и институциональных.

167

Эти ресурсы не просто существуют где-то сами по себе, ожидая, пока их все используют одинаково. Скорее, когда мы взаимодействуем, то опираемся на доступные ресурсы и наделяем их смыслом, а после используем этот смысл как руководство к действию. Работа Арли Хохшильд по социологии эмоций помогает нам понять, как мы используем доступные ресурсы. Хохшильд считает, что эмоции формируются культурой и выражаются в публичной форме; способы проявления эмоций контролируются макросоциальными и культурными силами, а также заботой каждого человека о производимом впечатлении и собственной личности. Актеры продлевают «эмоциональную работу», принимая решения о том, что чувствовать и как действовать в определенной ситуации. Кроме того, Хохшильд [Hochschild 1989] заявляет, что эмоции выступают посредником между тем, во что люди верят, что они говорят и делают. Чувства связывают идеалы, цели, ценности и действия, поэтому они необходимы для понимания стратегии действий. Другими

1 Безусловно, возраст не реализуется в отрыве от расы, этнической принадлежности, гендера, класса и т. д. Уэст и Фенстермаркер выдвинули теорию о взаимодействиях вышеперечисленного. Основанная на эмпирических данных работа зафиксировала влияние гендера [Rossi 1985; Shaw 1996], расы и этнической принадлежности [Gelfand, Barrisi 1987; Markides et al. 1987] на жизненный цикл и связанные с возрастом события.

словами, эмоции трансформируют доступные ресурсы для реализации возраста в его фактическое достижение.

Визуально я представляю себе доступные ресурсы для реализации возраста как набор вложенных друг в друга окружностей. Внутренние круги — это ресурсы сугубо индивидуальные: тело и межличностные связи. Круги внешние — это культурные, формальные, институциональные и структурные факторы, доступные большим группам людей. Поскольку индивиды по мере выстраивания стратегии действий выбирают и персональные (возможно, уникальные), и обезличенные формальные и структурные ресурсы, эти стратегии основываются на возрасте, но не определяются им. Именно поэтому социологи могут обобщать возрастные категории и соответствующие возрасту поведение и статус, одновременно принимая во внимание вариации и отклонения.

На индивидуальном уровне наши тела (облик и физические способности, а также их изменения) — это основа осознания собственного возраста и ресурс для его реализации. Мы интерпретируем внутренние сигналы, подаваемые телом (утренняя зажатость мышц, снижение гибкости), в контексте возраста. Вдобавок мы получаем внешние сообщения о наших телах (люди отмечают наличие или отсутствие у нас морщин или седых волос). Но ресурсы, предоставляемые нашими телами, требуют интерпретации, а опыт и интерпретация телесности с точки зрения возраста всегда ситуативны. Как показало исследование Карол Ронай [Ronaï 1992], для большинства «стареющих» стриптизерш, находившихся в позднем подростковом и раннем юношеском возрасте, окружающая обстановка и ситуация в большей мере, чем хронологический возраст, определяли понятие «старый». Исследования в домах престарелых [Gubrium 1977, 1993; Diamond 1992] также иллюстрируют, как тело и его функции по-разному интерпретируются и «приводятся в исполнение»¹.

Межличностные взаимодействия поставляют ресурсы для реализации возраста и одновременно их ограничивают. Например, Губриум с соавторами [Gubrium et al. 1994] показывают, как несовершеннолетние преступники «действуют по возрасту» при столкновении с полицией. Офицеры во многом действуют по своему усмо-

1 Эти примеры были выбраны с целью продемонстрировать, как разные, но частично совпадающие виды средств могут быть задействованы при реализации возраста. Каждый вид средств может быть проиллюстрирован бесчисленным множеством других примеров и ссылок, но я напоминаю, что эта статья не является обзором литературы. Скорее я хочу показать, что существующие исследования полезны для понимания возраста как достижения и эта концепция способна подтолкнуть к переосмыслению уже проделанной работы.

трению, и при общении с молодыми людьми ключевым фактором их реакции является манера поведения. «Те, кто ведут себя по возрасту (ни слишком инфантильно, ни слишком зрело для своих лет), обычно не рассматриваются как проблемные индивиды» [Gubrium et al. 1994: 139]. В этом примере те, чье поведение не соответствует их возрасту, — слишком инфантильные или слишком зрелые, могут с высокой вероятностью быть арестованными. В области изучения старения исследование жилищных условий (в том числе [Margolis 1990]), уровня заботы (в том числе [Abel 1991]) и домов престарелых [Gubrium 1977; Ross 1977; Hazan 1992] показало, как формальные и неформальные привязанности внутри общественных организаций и к ним самим обеспечивают условия для межличностных связей и взаимодействий, влияют на наше ощущение возраста и, наконец, формируют соответствующее нашему возрасту поведение.

Наша культура (в форме языка, когнитивных и концептуальных категорий) поставляет еще одно средство для реализации возраста. Хоки и Джеймс [Hockey, James 1993: 10] демонстрируют, как метафоры детства (предполагающие несамостоятельность) создают систему ценностных ориентиров для ежедневных взаимодействий с людьми разных возрастных категорий, а также закладывают основы для обращения со взрослыми, находящимися в физической зависимости от окружающих, как с детьми. Губриум с соавторами [Gubrium et al. 1994] исследовали, как образы жизненного цикла используются психологами и работниками системы социального обслуживания, оказывая серьезное воздействие на индивидов (оно может проявляться в госпитализации или выписке, прохождении курса лечения).

Такие институты как медиа, реклама, образование, медицина и религия зависят от осознания нашего возраста и поддерживают его, при этом предоставляя нам дополнительные ресурсы. Например, из СМИ мы получаем представления о разных возрастных категориях, с которыми мы себя соотносим. Эти сообщения не всегда корректны и не обязательно привлекательны, как показывают исследования эйджизма и стереотипизации [Butler 1996; Scrutton 1996]. В то же время мы ориентируемся на эти представления и как следствие чувствуем вину или гордость, стыд или радость из-за нашей способности «соответствовать требованиям».

Наша правовая система использует хронологический возраст, чтобы регулировать образование, сексуальные связи, брак и трудовую занятость, и это только несколько примеров из длинного списка. Закон, публичная политика и бюрократические требования создают ресурсы для осознания возраста и для его фактического достижения, так как формальные требования одновременно разрешают и запрещают определенные стратегии поведения [Buchmann 1989]. Например, дети в основном реализуют возраст под влиянием тре-

бований учителей и администрации, распорядка дня и структуры академического года (и все эти факторы историчны, см. [Chudacoff 1989]). Вдобавок к этому реализация возраста за пределами школы также определяется обязательным образованием. Например, для детей взрослеть означает ложиться спать позже. Но взрослеть также значит более ранний подъем в школу. В течение учебной недели возможности 14-летнего подростка вести себя по-взрослому и не ложиться спать допоздна ограничены.

Тренды развития экономики, трудоустройства, рынка труда влияют на жизненные перемены, значение возраста и его реализацию. Например, создание и расширение системы социального обеспечения и пенсионной политики сделали возможным (но отнюдь не неизбежным) воспринимать себя как пенсионера или будущего пенсионера. В то же время расхожие представления о возрасте, типичном жизненном цикле и его переходных этапах (особенно образовании, браке, рождении детей, работе и пенсии) в сочетании с классом, расовой/этнической принадлежностью и гендером формируют рынок рабочей силы и такие общественные институты, как систему социального обеспечения.

170

Изучая трудовую занятость и выход с рынка труда (по причине ограниченных возможностей, безработицы и требований пенсионной системы), Гийемар [Guillemard 1996] обнаружила, что во многих индустриальных странах Запада «возраст неработающего человека значительно снизился». «Хронологические барьеры, которые раньше определяли личное восприятие себя в контексте жизненного цикла и организовывали переход к пожилому возрасту, оказались подорваны на протяжении последних 15 лет» [Ibid.: 180].

Гийемар [Ibid.: 181] считает, что система здравоохранения и рабочая/пенсионная политика оказали влияние на реорганизацию жизненного цикла. Майер и Мюллер [Mayer, Müller 1986] утверждают, что и современное бюрократическое государство всеобщего благоденствия, и современный жизненный цикл — это продукты одних и тех же процессов общественного развития (рационализация производства, социальное расслоения и общественный контроль).

Выбор из имеющихся средств

Исследователи жизненного цикла неоднозначно оценивают изменения, которые описывают¹. В целом их внимание сосредоточено

1 Например, Гийемар [Guillemard 1996] видит изменение порога прекращения трудовой деятельности как возможный показатель возрастания возрастной специфики и менее упорядоченных переходов (с менее четкими граница-

на том, как макросоциальные силы определяют возрастные роли, события и статусы. Рассмотрения возраста-как-достижения позволяют исследовать, в какой мере индивиды принимают, отрицают или оспаривают значения возраста, которые встроены в государственную политику, систему социального обеспечения и рынок труда.

Реализация возраста требует, чтобы индивиды использовали и интерпретировали доступные ресурсы, выражали эмоции и вели себя соответствующим образом. В результате идеологии (представления о возрасте и старении, включая возрастные роли и нормы) объективные факторы (например, хронологический возраст и психическое состояние) и макросоциальные принципы и тренды (например, возможность раннего прекращения трудовой деятельности) дают ориентиры, но не объясняют, как индивиды будут ощущать свой возраст и его реализовывать. Однако мы можем исследовать, как в конкретных условиях индивиды конституируют значения доступных им средств и реагируют на их значения.

Стоит заметить, что люди не всегда ведут себя по возрасту, демонстрируя его явно и осознанно. Наоборот, возраст-как-достижение выражается через атрибуты, которые, как мы привыкли считать, связаны с возрастными категориями (например, зависимость или независимость, компетенции, зрелость). Эти качества, то есть те же социальные конструкторы, служат «посредниками» возраста¹. Так, ученики начальной школы и пожилые в доме престарелых, каждый по-своему, ведут себя по возрасту посредством взаимодействий с другими людьми и с их помощью демонстрируют компетенции (например, способность делать то, что человек «твоего возраста» должен уметь) [Gubrium et al. 1994: 118-154].

Два недавних исследования жителей домов для престарелых иллюстрируют одновременно и сложность «реализации возраста», и разнообразие возможных результатов. В работе об израильском доме престарелых, созданном для физически активных стариков, Хайм Хазан указывает, что пациенты намеренно демонстрируют

171

ми) в состав рабочей силы и из нее. Она делает вывод, что, хотя работники теперь обладают большей гибкостью по отношению к возрастным переходам, это не дает им большей свободы. Майер и Мюллер рассматривают государство как источник сегментации жизненного цикла и превращения переходных этапов в публичные события. При этом государство объединяет «организационно и функционально дифференцированные общественные институты по мере того, как люди движутся по ним» [1986: 242].

- 1 Уэст и Зиммерман [West, Zimmerman 1987] показали, что при «создании гендера» женщины «реализуют уважение», а мужчины «реализуют превосходство». Отсюда мы можем извлечь характеристики гендера-как-достижения (феминность, маскулинность, доминантность, субординация).

свою функциональность другим резидентам, персоналу и администрации. В этом случае функциональность служит посредником возраста. Из-за большого количества заявок директор вынужден как можно чаще избавляться от «нефункциональных» стариков. Поскольку стоимость проживания в других учреждениях значительно выше и пациенты знают, что переезд свидетельствует об ухудшении их физического состояния, они ощущают необходимость продемонстрировать свои способности. Они знают, что администрация приветствует официально разрешенные групповые занятия.

Особо показательны описанные Хазаном занятия в синагоге по Талмуду: «Учитель [нанятый специально для этой цели] читает и толкует написанное на идише, несмотря на то что некоторые ученики не понимают языка. Никто не задает вопросов, а если звучат какие-то реплики, то они обычно не связаны с темой. Некоторые участники даже не переворачивают страницы... кто-то перешептывается... один ученик тихо напевает восточные мелодии и время от времени бросает взгляд на часы, чтобы посмотреть, когда закончится урок. Он тоже не переворачивает страницы — иногда читает одну-две строчки вне зависимости от того, что говорит учитель... Совершенно очевидно, что участники не понимают содержание урока... Тем не менее многие из собравшихся просили финансового управляющего организовать больше встреч на выходных» [Hazan 1992: 129].

Помимо участия в групповых действиях пациенты демонстрируют свою функциональность в общественных помещениях, коридорах, лифтах и столовых с помощью фотографий, одежды и внешнего вида.

С точки зрения доминирующего социологического подхода (и распространенного геронтологического подхода), такие поведенческие тактики могут восприниматься как показатели действительного состояния здоровья или как сигнал о потребности в определенных программах и занятиях. Хазан, наоборот, видит здесь способы организации, используемые группой для производства собственного смыслового спектра в условиях властных отношений, свойственных официальным институтам. Каждый резидент принимает во внимание свойства организационной системы (авторитет директора, необходимость перевода слабых пациентов), а также принятые убеждения по поводу возраста, здоровья, физического состояния («функциональность» определяется директором как «физическая бодрость») и собственные телесные возможности (Могу ли я передвигаться без посторонней помощи? Способен ли я есть в столовой с остальными?). Каждый резидент испытывает эмоции (страх быть переведенным, решимость принимать участие в общих занятиях, гордость за свои способности) и ведет себя соответствующим образом (например, посещает занятия по талмуду).

Противоположностью поведения пациентов из исследования Хазана можно считать жизненные тактики пациентов Ле Флорали (Les Florales), дома для престарелых в пригороде Парижа, где жила и вела полевую работу Дженни Кейт Росс. Пациенты Ле Флорали выбирали совершенно иные способы соответствовать тому, как должен вести себя пациент дома престарелых. В Ле Флорали часто обсуждают состояние здоровья, но в отличие от израильского учреждения физическая бодрость и «функциональность» не оказывают решающего воздействия на локальные взаимодействия и социальную организацию. В этой роли в Ле Флорали выступают пол и политические взгляды, «которые являются важными принципами социальной организации данного сообщества» [Ross 1977: 54-55].

Пациенты Ле Флорали похожи на участников исследования Хазана. Они примерно одного возраста (70-79 лет), принадлежат к одному классу (рабочие), у них одинаковый уровень образования. Но контекст, в котором происходит групповое взаимодействие, разительно отличается. Израильский дом для престарелых значительно больше Ле Флорали (в первом — 400, во втором — 150 жителей), и, что самое важное, французское учреждение не избавляется от «физически нефункциональных» людей. Эти характеристики оказывают значительный эффект на смысл и природу взаимодействий между пациентами, персоналом, администрацией и «аутсайдерами». Сопоставление двух исследований (и вариации внутри каждой из групп) иллюстрируют, как по-разному люди могут реализовать возраст в зависимости от комбинации доступных им ресурсов и их собственной реакции на них.

173

Заключение

Хотя множество исследований посвящено социологическим аспектам старения, возрасту как социальному конструкту уделяется мало внимания. Целью моей работы является развитие социологии возраста, и она предлагает два возможных пути доказательства того, что возраст представляет собой достижение. Первый путь подразумевает проведение параллелей между изучением возраста и гендера. Анализ сходства между основными допущениями, свойственными изучению возраста и пола, и стратегиями теоретизации гендера, которые противопоставляются общепринятым допущениям, дает модель, которая еще не использовалась для исследования возраста.

Второй и более часто выбираемый путь предлагает отталкиваться от существующей теории, признающей, что возраст в большей степени социальный, чем хронологический конструкт. Некоторые теоретики жизненного цикла, историки и социологи показали, что хронологический возраст наделяется значением лишь в соци-

альном и историческом контексте. Предложенная нами теоретическая рамка возраста-как-достижения многим обязана их работе, но мы стремились развивать эти идеи, чтобы изучить, как возраст обретает смысл и значимость не только в личном взаимодействии, но и в контексте макросоциальных сил. Исследование структурных факторов дает представление о наборе ресурсов, необходимых для того, чтобы вести себя по возрасту. Но концепция возраста-как-достижения также стремится осмыслить, как индивиды интерпретируют, организуют, приспосабливают, создают и изменяют социальную структуру. Эта система стремится дать членам общества свободу в постоянном процессе производства, перформативирования и достижения возраста.

Таким образом, изучение возраста-как-достижения на микроуровнях проясняет, как мы создаем и поддерживаем социальную структуру в целом. Эта точка зрения позволяет нам осознать человеческую свободу воли, потенциал вариативности и изменений. В то же время она учитывает закономерности реализации возраста, которые являются и причинами, и следствиями социальной структуры. Значения возраста, как и значения пола, ситуативны и не фиксированы.

174

Аналогичной интеракционистской перспективы придерживаются и другие социологи, метафора «разыгрывания» не уникальна. Но, как утверждают некоторые исследователи [Dannefer 1984, 1988; Moody 1988; Luborsky, Sarkar 1996], подобная точка зрения пребывает в меньшинстве в социологии и почти незаметна в геронтологии, несмотря на ее многообещающие возможности. В заключение я кратко перечислю потенциальные преимущества концепции возраста-как-достижения.

Как и гендер, возраст потенциально универсален. Это означает, что возраст не является принадлежностью пожилых; он потенциально относится к людям любого (хронологического) возраста. Таким образом, концепция возраста-как-достижения поощряет смещение внимания с «пожилых» на широкие социальные процессы, которые затрагивают людей разных возрастных категорий на протяжении всей жизни.

Второе следствие потенциальной универсальности возраста состоит в том, что, хотя мы постоянно «действуем по возрасту», не во всех ситуациях возраст равно актуален. Качественные исследования показали, как люди видят, чувствуют и переживают свой возраст различными способами в разных условиях и разных точках жизненного цикла [Luborsky, Rubinstein 1987]. Более того, статистические портреты, персонализированные и этнографические отчеты [Ross 1977; Hazan 1992] и теория возраста (см., например, [Dannefer 1988]) свидетельствуют о внутреннем разнообразии

возрастных категорий. Взгляд на возраст-как-достижение может отвлечь от «успешного» старения (на котором часто фокусируется геронтология), чтобы уделить больше внимания разнообразию и вариативности.

Отдавая должное актерам и возвращая им свободу действий, я не хочу преуменьшать ограничения их перформативной деятельности. Представления о возрасте и жизненном пути не только являются средствами, но также используются в качестве инструмента контроля [Gubrium et al. 1994]. Наши механизмы формального контроля пронизаны представлениями о возрасте и жизненном цикле, которые институционализированы в праве, медицине, психиатрии и образовании [Karr, Yoels 1982; Buchmann 1989]. Привычность фразы «веди себя по возрасту» и частота, с которой она используется для управления действиями других (и своих собственных), свидетельствует о распространенности представлений о возрасте как методе неформального социального контроля. Иными словами, возраст никогда не реализуется вне отношений власти.

Развитие концепции возраста-как-достижения имеет значение для исследовательских программ. Усилия по борьбе с доминирующими представлениями могут служить руководством для исследований возраста-как-достижения. Отказ от рассмотрения хронологического возраста как фиксированного и детерминированного, сосредоточенность на групповом процессе (в отличие от личностных качеств) предоставляет множество исследовательских возможностей, включая исторические исследования, этнографию и межнациональные сравнения, а также исследования когнитивных и концептуальных категорий. Относительно небольшие этнографические и качественные исследования помогут социологам исследовать нюансы поведения по возрасту. Вторичный анализ, включающий сравнения этнографических исследований, позволит социологам понять закономерности и факторы трансформации, влияющие на формирование и реализацию возраста. Исторические, статистические и макроуровневые исследования, как правило, акцентируют не столько значение, интерпретацию и взаимодействие, сколько важность структурных факторов, поэтому концепция возраста-как-достижения их не вытеснит. Скорее, она будет полезна для подобных исследований и дополнит их.

В целом метафора «разыгрывания» и идея возраста-как-достижения помогает выявить то, что в социологии возраста часто не признается: перформативную интерактивную работу по достижению возраста, эмоциональную работу, связанную со «становлением» и «бытием в» возрасте, а также стратегии, которые люди разрабатывают и используют, создавая и предъявляя себя как носителя определенного возраста. Понимание возраста как ситуативного, услов-

ного, согласованного и постоянно создаваемого во взаимодействии феномена создает фундамент для развития социологии возраста.

Библиография / References

- Abel E.K. (1991) *Who Cares for the Elderly?* Philadelphia, PA: Temple University Press.
- Ageless America (1984) Film.
- Blumer H. (1969) *Symbolic Interactionism: Perspective and Method*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Buchmann M. (1989) *The Script of Life in Modern Society: Entry into Adulthood in a Changing World*. Chicago: University of Chicago Press.
- Butler J. (1990) *Gender Trouble*. New York: Routledge.
- Butler R. (1996) Dispelling ageism: The cross-cutting intervention. Quadagno J., Street D. (eds.), *Aging for the Twenty-first Century*. New York: St. Martin's: 131-140.
- Chudacoff H.P. (1989) *How Old Are You? Age Consciousness in American Culture*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Connell R.W. (1995) *Masculinities*. Berkeley: University of California.
- Conner K. (1992) *Aging America: Issues Facing an Aging Society*. New York: Prentice-Hall.
- Dannefer D. (1984) Adult development and social theory. *American Sociological Review* 49: 100-116.
- Dannefer D. (1988) What's in a name? An account of the neglect of variability in the study of aging. Birren J.E., Bengtson V.L. (eds.), *Emergent Theories of Aging*. New York: Springer Publishing. Springer Publishing: 356-364
- Denzin N. (1993) Sexuality and Gender: An Interactionist/Poststructural Approach. England P. (ed.), *Theory on Gender/Feminism on Theory*. New York: Aldine de Gruyter: 199-221.
- Devault M. (1991) *Feeding the Family*. Chicago: University of Chicago Press.
- Diamond T. (1992) *Making Gray Gold: Narratives of Nursing Home Care*. Chicago: University of Chicago Press.
- Eisenhandler S.A. (1991) The Asphalt Identikit: Old age and the driver's license. Hess B., Markson E. (eds.), *Growing Old in America*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers: 107-120.
- Epstein C.F. (1988) *Deceptive Distinctions*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Farley J.E. (1998) *Sociology*, 4th ed. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Fry C. (1980a) Toward an anthropology of aging. Fry C.L. (ed.), *Aging in Culture and Society: Comparative Viewpoints and Strategies*. New York: J. F. Bergin: 1-20.
- Fry C. (1980b) Cultural dimensions of age: A multi-dimensional scaling analysis. Fry C.L. (ed.), *Aging in Culture and Society: Comparative Viewpoints and Strategies*. New York: J. F. Bergin: 42-64.
- Fry C., Keith J. (1986) Introduction. Fry C.L., Keith J. (eds.), *New Methods for Old Age Research*. MA: Bergin and Garvey: xi-xxiii.

- Garfinkel H. (1967) *Studies in Ethnomethodology*. Engelwood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Gelfand D.E., Barresi C.B., eds. (1987) *Ethnic Dimensions of Aging*. New York: Springer Publishing.
- George L.K. (1990) Social structure, social processes, and social-psychological states. Binstock R.H., George L.K. (eds.), *Handbook of Aging and the Social Sciences*, 3rd ed. New York: Academic Press: 186-204.
- Gubrium J. (1977) *Living and Dying at Murray Manor*. New York: St. Martin's.
- Gubrium J. (1993) *Speaking of Life: Horizons of Meaning for Nursing Home Residents*. New York: Aldine de Gruyter.
- Gubrium J.F., Holstein J.A., Buckholdt D.R. (1994) *Constructing the Life Course*. Dix Hills, NY: General Hall.
- Guillemard A.-M. (1996) The trend toward early labor force withdrawal and the reorganization of the life course: A cross-national analysis. Quadagno J., Street D. (eds.), *Aging for the Twenty-first Century*. New York: St. Martin's: 177-193
- Hazan H. (1992) *Managing Change in Old Age: The Control of Meaning in an Institutional Setting*. Albany, NY: State University of New York Press.
- Henley N., Freeman J. (1989) The sexual politics of interpersonal behavior. Freeman J. (ed.), *Women: A Feminist Perspective*. Mountain View, CA: Mayfield: 457-469.
- Heritage J. (1984) *Garfinkel and Ethnomethodology*. New York: Polity Press.
- Hochschild A. (1983) *The Managed Heart*. Berkeley: University of California.
- Hochschild A. (1989) *The Second Shift*. New York: Avon.
- Hockey J., Hockey A.J., James J., James A. (1993) *Growing Up and Growing Old*. London: Sage.
- Karp D.A. (1991) A Decade of Reminders: Changing Age Consciousness between Fifty and Sixty Years Old. Hess B., Markson E. (eds.), *Growing Old in America*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers: 67-92.
- Karp D.A., Yoels W.C. (1982) *Experiencing the Life Cycle: A Social Psychology of Aging*. Springfield, IL: Charles C. Thomas.
- Kastenbaum R., Derbin V., Sabatini P., Artt S. (1980) The ages of me: Toward personal and interpersonal definition of functional aging. Hendricks J. (ed.), *Being and Becoming Old*. New York: Baywood: 71-85.
- Keith J. (1990) Age in social and cultural context: Anthropological perspectives. Binstock R., George L. (eds.), *Handbook of Aging and the Social Sciences*. Boston: Academic Press: 91-111.
- Keith J., Kertzer D.I. (1984) Introduction. Kertzer J., Keith O.J. (eds.), *Age and Anthropological Theory*. Ithaca NY: Cornell University Press: 19-61.
- Kessler S.J. (1990) The medical construction of gender: Case management of intersexed in-fants. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 16: 3-26.
- Kessler S., McKenna W. (1978) *Gender: An Ethnomethodological Approach*. Chicago: University of Chicago Press.
- Kimmel M., Messner M. (1992) Introduction. Kimmel M., Messner M. (eds.), *Men's Lives*. New York: MacMillan: 1-11.

Kohli M. (1986) Social organization and subjective construction of the life course. Sorensen A.B., Weinert F.E., Sherrod L.R. (eds.), *Human Development and the Life Course: Multidisciplinary Perspectives*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum: 271-292.

Lips H. (1995) Gender role socialization: Lessons in femininity. Freeman J. (ed.), *Women: A Feminist Perspective*. Mountain View, CA: Mayfield: 128-148.

Lorber J. (1994) *Paradoxes of Gender*. New Haven, CT: Yale University Press.

Luborsky M., Rubinstein R.L. (1987) Ethnicity and lifetimes: Self concepts and situational contexts of ethnic identity in late life. Gelfand D.E., Barresi C.M. (eds.), *Ethnic Dimensions of Aging*. New York: Springer Publishing: 35-50.

Luborsky M.R., Sankar A. (1996) Extending the critical gerontology perspective: Cultural dimensions. Quadagno J., Street D. (eds.), *Aging for the Twenty-first Century*. New York: St. Martin's: 96-103.

Maconis J.J. (1997) *Sociology*. New York: Prentice-Hall.

Margolis R. (1990) *Risking Old Age in America*. Boulder, CO: Westview.

Markides K., Liang J., Jackson J.S. (1987) Race, ethnicity and aging: Conceptual and methodological issues. Binstock R.H., George L.K. (eds.), *Handbook of Aging and the Social Sciences*, 3rd ed. Boston, MA: Academic Press: 112-129.

Marshall V.W. (1980) No exit: A symbolic interactionist perspective on aging. Hendricks J. (ed.), *Being and Becoming Old*. New York: Baywood: 20-32.

Martin E. (1991) The egg and the sperm: How science has constructed a romance based on stereotypical male-female roles. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 16: 485-501.

Mayer K.U., Muller W. (1986) The state and the structure of the life course, Sorensen A.B., Weinert F.E., Sherrod L.R. (eds.), *Human Development and the Life Course: Multidisciplinary Perspectives*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum: 217-245.

McIlwee J.S., Robinson J.G. (1992) *Women in Engineering*. Albany: State University of New York Press.

Meyer J.W. (1986) The self and the life course: Institutionalization and its effects. Sorensen A.B., Weinert F.E., Sherrod L.R. (eds.), *Human Development and the Life Course: Multidisciplinary Perspectives*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum: 199-216.

Minkler M. (1984) Introduction. Minkler M., Estes (eds.), *Readings in the Political Economy of Aging*. Amityville, NY: Baywood: 10-20

Moody H.R. (1988) Toward a critical gerontology: The contribution of the humanities to theories of aging. Birren J.E., Bengtson V.L. (eds.), *Emergent Theories of Aging*. New York: Springer Publishing.

Neugarten B., Moore J., Lowe J. (1965) Age norms, age constraints, and adult socialization. *American Journal of Sociology*, 70: 710-717.

Passuth P.M., Bengtson V.L. (1988) Sociological theories of aging: Current perspectives and future directions. Birren J.E., Bengtson V.L. (eds.), *Emergent Theories of Aging*. New York: Springer Publishing: 333-355.

Riley M.W. (1987) On the significance of age in sociology. *American Sociological Review*, 52: 1-14.

- Riley M.W., Riley J. (1994) Age integration and the lives of older people. *The Gerontologist*, 34: 110-115.
- Ronai C.R. (1992) Managing aging in young adulthood: The "aging" table dancer. *Journal of Aging Studies*, 6: 307-317.
- Rose C.L. (1980) The measurement of social age. Hendricks J. (ed.), *Being and Becoming Old*. New York: Baywood: 55-70.
- Rosow I. (1974) *Socialization to Old Age*. Berkeley: University of California Press.
- Ross J.-K. (1977) *Old People, New Lives: Community Creation in a Retirement Residence*. Chicago: University of Chicago Press.
- Rossi A., ed. (1985) *Gender and the Life Course*. New York: Aldine.
- Schutz A. (1970) *On Phenomenology and Social Relations*. Chicago: University of Chicago Press.
- Scrutton S. (1996) Ageism: The foundation of age discrimination. Quadagno J., Street D. (eds.), *Aging for the Twenty-first Century*. New York: St. Martin's: 141-154.
- Shaw L.B. (1996) Special problems of older women workers. Quadagno J., Street D. (eds.), *Aging for the Twenty-first Century*. New York: St. Martin's: 327-350.
- Sherrod L., Brim O.G. (1986) Epilogue: Retrospective and prospective views of life course research on human development. Sorensen A.B., Weinert F.E., Sherrod L.R. (eds.), *Human Development and the Life Course: Multidisciplinary Perspectives*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum: 557-580.
- Stockard J. (1997) *Discovering Society*. Belmont, CA: Wadsworth.
- Swidler A. (1986) Culture in action: Symbols and strategies. *American Sociological Review*, 51: 273-286.
- Thorne B. (1993) *Gender Play: Girls and Boys in School*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
- West C., Fenstermaker S. (1993) Power, inequality and the accomplishment of gender: An ethnomethodological view. England P. (ed.), *Theory on Gender/ Feminism on Theory*. New York: Aldine deGruyter: 151-174.
- West C., Fenstermaker S. (1995) Doing difference. *Gender & Society*, 9: 8-37.
- West C., Zimmerman D.H. (1987) Doing gender. *Gender & Society*, 1: 125-151.

179

Рекомендация для цитирования:

Лаз Ш. (2019) Веди себя по возрасту! *Социология власти*, 31 (1): 146-179.

For citations:

Laz C. (2019). Act Your Age. *Sociology of Power*, 31 (1): 146-179.

Поступил в редакцию: 05.07.2018; принят в печать: 10.10.2018

Received: 05.07.2018; Accepted for publication: 10.10.2018

Рецензии

ВЛАДИМИР Л. БЛИЗНЕКОВ

РАНХиГС, Москва, Россия

Старость в трудовом обществе: труд на пенсии как социальная идентичность

Рецензия на книгу: Arbeit im Alter. Zur Bedeutung bezahlter und unbezahlter Tätigkeiten in der Lebensphase Ruhestand (2018) S. Scherger, C. Vogel (Hrsg), Wiesbaden: Springer VS

doi: 10.22394/2074-0492-2019-1-180-188

180

Aber, ob wir Neues bauen,
Oder's Alte nur verdauen
Wie das Gras die Kuh —
Ob wir für die Welt was schaffen,
Oder nur die Welt begaffen —
Das thut was dazu

Das Bürgerlied (1845) von Adalbert Harnisch

Но создаем ли мы нечто Новое
Или только перевариваем Старое
Как корова траву —
Творим ли мы нечто для мира
Или только глазеем на мир —
Это имеет значение

«Гражданская песня» (1845 г.) Адальберт Хармиш

Близнеков Владимир Леонидович — PhD, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте России, Москва. Научные интересы: философия религии, социология религии, международное право. E-mail: vbлизнеков@gmail.com
Vladimir L. Bliznekov — PhD in Philosophy, associate professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow. Research interests: philosophy of religion, sociology of religion, international law. E-mail: vbлизнеков@gmail.com

СОЦИОЛОГИЯ
ВЛАСТИ
Том 31
№ 1 (2019)

Монография «Труд¹ в старости. К значению оплачиваемой и неоплачиваемой трудовой деятельности в жизненной фазе старости» под редакцией Симоне Шергер и Клаудии Фогель вышла в Германии совсем недавно, менее года назад, и представляет собой сборник исследований разных авторов, посвященных проблеме труда в пожилом возрасте в современной Европе, прежде всего в Германии и Великобритании.

Книга состоит из 12 частей: введение редакторов и 11 авторских статей, в рамках собственных исследовательских проектов изучавших и анализировавших различные источники данных о социальных аспектах труда пенсионеров: общественные и политические дебаты, социологические опросы, дискуссии в немецких СМИ, данные государственных и общественных информационных ресурсов, в том числе официальные данные государственной статистики Германии, индивидуальные интервью с пенсионерами Германии и Великобритании. Монография ориентирована не только на теоретический научный дискурс, но и на практическое использование в политических и социальных целях прежде всего в Германии. В России данная книга была бы интересной и полезной социологам, интересующимся проблемами труда и старости, а также специалистам по социальной работе.

181

Введение в монографию также может представлять некоторый интерес для специалистов в области социальной философии, поскольку во введении задается концептуальная парадигма, а также научная и философская терминология всего исследования, отражающая определенный контекст идей европейской социальной философии с Нового времени до современности. Введение — самая важная часть монографии, поскольку во введении суммируются результаты всех авторских исследований. Поэтому наш анализ и критика, направленные прежде всего на введение в монографию, релевантны по отношению ко всей работе в целом.

Тема труда пожилых людей активно обсуждается, причем не только в Европе, достаточно вспомнить бурные дебаты о повышении пенсионного возраста в 2018 году в России. В Европе, где по меньшей мере со второй половины прошлого столетия социальный феномен профессионального труда на пенсии являлся скорее

1 Немецкое слово «Arbeit» означает в русском языке одновременно работу и труд, но понимается авторами книги в широком смысле, что соответствует объему понятия «труд» в русском языке, являющемуся более широким, чем понятие «работа». Кроме того, авторы имеют в виду прежде всего процесс труда, что на русском языке принято выражать понятием «труд», а не результат труда, что на русском языке обычно выражает понятие «работа». Ср. <https://thedifference.ru/chem-trud-otlichaetsya-ot-raboty/>.

исключением, чем нормой, все большую актуальность приобретает переосмысление понятия «выхода на пенсию» в качестве смены социального статуса неработающего пенсионера. Проанализируем наиболее значимые и оригинальные концепты, представленные во введении к монографии.

Изменение/Wandel

Шергер и Фогель [р. 1] начинают с утверждения о де факто социальной трансформации привычного взаимоотношения труда и старости: «Жизненная фаза старости¹ переживает в настоящее время серьезное изменение». Речь идет об *изменении* как демографических, так и социально-политических аспектов жизни в первые два десятилетия XXI века по сравнению со второй половиной прошлого столетия. Современные немецкие пенсионеры живут дольше своих «предшественников», физически лучше себя чувствуют, лучше образованы и профессионально подготовлены, дольше сохраняют жизненную активность, способность и желание трудиться после достижения пенсионного возраста.

182

В Германии только после окончания Второй мировой войны большинство пенсионеров получило возможность завершить профессиональную карьеру и вообще отказаться от любой трудовой деятельности с момента достижения пенсионного возраста. Возможность получить статус неработающего пенсионера и высокий уровень пенсий были связаны с реализацией в послевоенной Германии концепции социального государства (Sozialstaat) или государства всеобщего благоденствия (Wohlfahrtsstaat), когда государство брало на себя ключевую роль в поддержке социально незащищенных слоев населения, прежде всего пенсионеров, инвалидов и безработных. Но с 1980-х годов в Европе на фоне нарастающей критики со стороны неоконсерваторов идеала государства всеобщего благоденствия произошел кризис, а затем и демонтаж многих элементов данной модели. В частности, в конце XX — начале XXI века в Германии произошли изменения как в пенсионной системе, так и в сфере социальной политики, направленные на постепенный отказ от концепции социального государства [Kaufmann 1997].

1 В немецкой теоретической и практической социологической терминологии «жизненная фаза старости» (die Lebensphase Alter) начинается с момента достижения человеком пенсионного возраста, который в современный Германии составляет как для мужчин, так и для женщин 65 лет, но, согласно действующему законодательству, будет постепенно увеличиваться и достигнет 67 лет в 2031 г.

Современное изменение социального измерения старости в Германии, а также в других западноевропейских странах должно, по мнению редакторов, привести к изменению статуса пенсионера в отношении возможности трудиться после выхода на пенсию, т. е. понятие пенсии не должно являться антитезой понятию труда.

Заслуженный отдых/*Arbeitsfreier Ruhestand*

Редакторы в рецензируемой книге [р. 1] усматривают коллизию между изменением демографических и социально-политических аспектов периода старости в Германии и сохранением институционального концепта заслуженного отдыха. Они уточняют, что под заслуженным отдыхом имеют в виду отсутствие для пенсионеров профессиональной оплачиваемой работы (*Erwerbsarbeit*), в то время как неоплачиваемые формы труда (работа по дому, волонтерская работа, уход за членами семьи) неразрывно связаны с жизнью немецких пенсионеров [р. 1, footnote 1]. Институциональный концепт заслуженного отдыха является, по мнению редакторов, следствием модели государства всеобщего благоденствия, которое в завершенной форме просуществовало в Германии сравнительно недолго. Поэтому данный социальный феномен, хотя и стал в настоящее время нормой для большинства населения, также подлежит трансформации, как и другие аспекты взаимоотношения труда и старости.

Шергер и Фогель [р. 3] критикуют социальную институционализацию и дифференциацию жизни людей на особые жизненные фазы или периоды жизни, которые характеризуются определенными ролевыми обязанностями и изменением представлений о собственной социальной идентичности. Так, в период индустриализации Европы начиная с XIX века имела место четкая дифференциация периодов жизни и выделение трех обособленных жизненных фаз по отношению к труду: детство и юность как период подготовки к трудовой жизни, зрелый возраст как период трудовой деятельности с целью экономического самообеспечения и, наконец, старость как период прекращения экономически мотивированной трудовой деятельности с момента установленного законом пенсионного возраста и социально институционализированный как период покоя и отдыха [Kohli 1985].

На Западе долгое время существовала легитимизация концепта заслуженного отдыха в качестве жизненной фазы старости. Данный концепт выполнял определенные общественные функции: социальная рационализация, контроль и трансляция информации и навыков между разными поколениями, также важную роль играло нравственное измерение — вознаграждение пожилых людей

за многолетнюю трудовую жизнь посредством их освобождения от обязанности трудиться.

Современное изменение социального измерения старости в Германии осуществляется, по мнению Шергер и Фогель [р. 4-13], в направлении размывания концепта заслуженного отдыха, причем как в ситуации де юре, так и де факто: все большее число людей стремится работать на пенсии, в обществе растет число дискуссий о возможности продления трудовой деятельности, все чаще имеют место дебаты о социальных расходах на выплату пенсий и изменении социальной политики государства в направлении уменьшения размера пенсий, все большее значение приобретает тема добровольной (волонтерской) работы пенсионеров.

Таким образом, достижение пенсионного возраста в настоящее время не тождественно переходу человека в жизненную фазу старости, в период покоя и отдыха, что обуславливает социальную трансформацию концепта заслуженного отдыха.

Возрастная граница/*Altersgrenze*

184

Наряду с критикой дифференциации жизни людей на регламентированные жизненные фазы редакторы монографии полагают необходимым осуществить социологический анализ концепта возрастной границы в контексте взаимоотношения труда и старости.

Харальд Кюннемунд и Клаудия Фогель в качестве авторов одной из статей монографии осуществили собственный исследовательский проект с целью изучить социальные функции возрастных границ и оценить воздействие изменений возрастных границ периода старости на общество. Посредством анализа обширного эмпирического материала немецких информационных ресурсов *Deutsche Alterssurvey* (DEAS) и *Freiwilligensurvey* (FWS) авторы констатируют большое распространение в Германии различных возрастных границ в дополнение к стандартному пенсионному возрасту и их неоднозначное социальное влияние. Наиболее сильно различные правовые и социальные регламенты возрастных границ распространены в сфере профессиональной деятельности и гораздо в меньшей степени имеют значение в сфере добровольной (волонтерской) работы.

С одной стороны, концепт возрастной границы, например, регламентация предельного возраста нахождения на государственной службе, выполняет функцию социальной ориентации и рационализации, а также защитную, дисциплинарную и легитимизационную функции [р. 77-78]. Но, с другой стороны, очевидно, что формализация и бюрократизация возрастных границ, как и любых возрастных ограничений, очень часто приводит к дискриминации, прежде всего по возрасту или даже геронтофобии.

Тем не менее авторы [р. 93–94] на основе проведенного исследования предостерегают от полного отказа от концепта возрастных границ или от их радикального изменения. По их мнению, это приведет к новому социальному неравенству и, следовательно, к дискриминации между демографическими когортами, но в то же время они не исключают возможности придания большей гибкости и индивидуализации возрастных границ в конкретных случаях.

Трудовое общество/*Arbeitsgesellschaft*¹

Во введении в монографию редакторы [р. 1–2] используют концепт трудового общества, утверждая, что «в трудовом обществе, в котором оплачиваемая работа в материальном и культурном измерении выступает основным фактором общественной интеграции, так что жизненная фаза (а также социальная группа), находящаяся вне сферы оплачиваемой работы, оказывается во многих отношениях общественным вызовом, как на индивидуальном, так и коллективном уровне», связывая культурное измерение через отсылки к работам швейцарского социолога Мартина Коли с понятиями «идентичность» и «смысл жизни». К сожалению, Шергер и Фогель [р. 2], вводя в монографию понятие трудового общества в качестве *terminus technicus*, никак не объясняют, в каком значении они употребляют данный термин, а также ничего не говорят о собственном отношении к этому концепту, но призывают читателей к дискуссии об актуальности и значимости ценностей трудового общества и взаимоотношении между трудом и старостью.

185

Между тем трудовое общество является значимым концептом новоевропейского индустриального общества, сформировавшегося под влиянием ценностей эпохи Реформации, в которой труд рассматривался как религиозное призвание и нравственный долг человека (ср. с [Вебер 2016]). Поэтому начиная с эпохи Нового времени в Европе идентичность и социальный статус человека определялись по преимуществу через его положение в трудовой иерархии.

Трудовое общество во второй половине XX века стало также концептом социальной философии, который первоначально восходит к работам Ханны Арендт, прежде всего к ее монографии «*Vita activa*,

1 Трудовое общество (*Arbeitsgesellschaft*) — концепт, введенный Ханной Арендт в монографии «*Vita activa*, или о деятельной жизни». (Английский оригинал *The Human Condition* (1958), немецкое издание «*Vita activa oder Vom tätigen Leben*» (1960), перевод на немецкий язык выполнен самой Ханной Арендт. В русском переводе с немецкого и английского языков В.В. Бибихина немецкое понятие «*Arbeitsgesellschaft*» переводится в большинстве случаев как «трудовое общество» или «общество трудящихся» (ср. [Арендт 2017: 14, 62, 157, 164, 188]).

или О деятельной жизни». В данной работе Арендт [2013, с. 13–14] подвергает масштабной интеллектуальной критике новоевропейское индустриальное общество как трудовое общество, квинтэссенцией которой становится ее знаменитый тезис о трудовом обществе, в котором закончилась работа. Труд в качестве единственной нормативной социальной идентичности и смысла жизни человека в индустриальном обществе уничтожает сам себя, поскольку социальная потребность в нем перманентно уменьшается вследствие научно-технического прогресса, в свою очередь являющегося результатом неустанного труда предшествующих поколений. Поэтому вывод Ханны Арендт очевиден: труд не должен являться основной социальной идентичностью и смыслом жизни человека, поскольку актуальной становится проблема «трудового общества без труда».

В социологическую науку понятие «трудовое общество» ввел в начале 1980-х годов классик немецкой социологии Ральф Дарендорф [Dahrendorf, 1983, p. 25–37] в докладе «Кризис трудового общества?», где он воспринял от Ханны Арендт не только концепт «трудового общества», но и ее тезис о перспективах трудового общества, где работа закончилась. Дарендорф предлагает рассматривать в настоящее время трудовое общество как кризисное понятие, подчеркивая перманентное сокращение рынка труда в развитых странах. Немецкий социолог делает ригористический вывод о концепте трудового общества с позиции ученого-наблюдателя конца XX века: «Путь назад в трудовое общество для нас закрыт» [Ibid.: 30]. Арендт и Дарендорф, а также их многочисленные последователи, анализировавшие концепт трудового общества во взаимоотношении с проблемой занятости в развитых странах, например Клаус Оффе, Ульрих Бек, Чарльз Хэнди, Андре Горц, Джереми Рифкин, приходят к однозначному выводу о том, что современное западное общество больше не может идентифицироваться в качестве трудового общества [Offe 1984].

С учетом изложенного выше позиция редакторов монографии в отношении концепта трудового общества представляется по меньшей мере двусмысленной. Очевидно, они хотят предложить авторам и читателям использовать данный термин в исследовании и дискуссии, не желая при этом упоминать о спорности его употребления в современной научной литературе, начиная с Арендт и Дарендорфа и не давая при этом никаких пояснений и ссылок, а также отказываются эксплицировать собственную позицию по отношению к его употреблению.

Не вызывает сомнений, что отрицание известными западными учеными и философами-критиками понятия трудового общества и отношению к труду как к основной идентичности и смыслу жизни человека вступает в противоречие с интенцией Шергер и Фогель обосновать возможность и необходимость труда в период старости.

Имплицитно понимая правоту аргументации сторонников Арендт и Дарендорфа о невозможности оперировать понятием трудового общества в современных западных странах в условиях структурной безработицы и неполной занятости населения, редакторы монографии стремятся переосмыслить традиционный концепт трудового общества, расширив его добавлением к профессиональному труду добровольного (волонтерского) труда пенсионеров на благо общества. Шергер и Фогель придают огромное значение именно добровольному труду пенсионеров, строго отделяя добровольный труд, с одной стороны, от оплачиваемой работы по найму, а с другой стороны, от труда в сфере частной жизни.

Добровольный труд пенсионеров, с точки зрения редакторов [р. 10], — это исключительно труд на общественное благо, т.е. труд в общественном и публичном пространстве. Эта форма труда пожилых людей, по их убеждению, недооценивалась как в индустриальном трудовом обществе (вследствие чего произошло сужение понятия труда до единственной формы профессионального труда), так и в государстве всеобщего благоденствия, что обусловило концепт заслуженного отдыха как «освобождения» пенсионеров от труда в качестве их вознаграждения за многолетнюю трудовую деятельность [р. 4–13].

187

Шергер и Фогель не принимают оба данных подхода и по сути хотят сделать заявку на обновленную трансформированную версию концепта трудового общества, в котором труд все-таки признается основой идентичности и смысла жизни человека, но понимается во всем многообразии его форм при единственном условии его направленности на общественное благо. Он также должен распространяться на все без исключения жизненные фазы человека, включая старость, поскольку является высокой социальной ценностью также и для пожилых людей.

Редакторы и авторы монографии видят перспективы труда в старости в отказе от концепта заслуженного отдыха, повышении социальной значимости добровольного труда пенсионеров, а также в индивидуализации и гибкости понятия возрастной границы. Отсюда можно заключить, что будущее человечества — это тотальное трудовое общество, где старость не является антитезой труда, и пожилым людям государством и обществом будет также воздаваться по их труду.

Библиография / References

- Арендт Х. (2017) *Vita activa, или О деятельной жизни*. 2-е изд., М.: Ад Маргинем Пресс.
- Arendt H. (2017) *The Human Condition* 2-e izd., M.: Ad Marginem Press. — in Russ.
- Вебер М. (2016) Протестантская этика и дух капитализма. *Избранное: Протестантская этика и дух капитализма*, М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга.

— Weber M. (2016) *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*, M.: SPb: Tsentr humanitarnykh initsiativ; Universitetskaya kniga. — in Russ.

Dahrendorf R. (1983) Wenn der Arbeitsgesellschaft die Arbeit ausgeht. In: Deutsche Gesellschaft für Soziologie. J. Matthes (Hrsg.) *Krise der Arbeitsgesellschaft? Verhandlungen des 21. Deutschen Soziologentages in Bamberg, 1982*, Frankfurt am Main: Campus: 25-37.

Kaufmann F.-X. (1997) *Herausforderungen des Sozialstaates*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Kohli M. (1985) Die Institutionalisierung des Lebenslaufs. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, 37: 1-29.

Offe C. (1984) „*Arbeitsgesellschaft*“. *Strukturprobleme und Zukunftsperspektiven*, Frankfurt am Main: Campus.

Рекомендация для цитирования:

Близнеков В.Л. (2019) Старость в трудовом обществе: труд на пенсии как социальная идентичность. Рецензия на книгу: *Arbeit im Alter. Zur Bedeutung bezahlter und unbezahlter Tätigkeiten in der Lebensphase Ruhestand* (2018) S. Scherger, C. Vogel (Hrsg), Wiesbaden: Springer VS. *Социология власти*, 31 (1): 180-188.

188

For citations:

Bliznekov V.L. (2019) Old Age in a Labor Society: Retirement as a Social Identity. Book Review: *Arbeit im Alter. Zur Bedeutung bezahlter und unbezahlter Tätigkeiten in der Lebensphase Ruhestand* (2018) S. Scherger, C. Vogel (Hrsg), Wiesbaden: Springer VS. *Sociology of Power*, 31 (1): 180-188.

Поступила в редакцию: 30.01.2019; принята в печать: 9.02.2019

Received: 30.01.2019; Accepted for publication: 9.02.2019

Алия Н. НИЗАМОВА

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия

Гомосексуальность, работа и старение: мужской вопрос

Рецензия на книгу: Robinson P. (2017) *Gay Men's Working Lives, Retirement and Old Age*, Basingstoke: Palgrave Macmillan

doi: 10.22394/2074-0492-2019-1-189-196

Сопротивление представлению об опыте старения и проживания жизни в старшем возрасте как унифицированном и гомогенном стало особенно значимым для исследований критической геронтологии. В свете интерсекционального подхода, феминистской и квир-теорий и исследований инвалидности ученые говорят о необходимости расширения представлений о возможностях и потребностях людей в старшем возрасте, в том числе за счет внимания к разнообразию их жизненных траекторий [Sandberg, Marshall 2017].

189

В то же время в отличие от таких измерений, как класс, гендер и раса, сексуальность пожилых людей и в особенности их сексуальная идентичность часто оставалась маргинализированной темой в исследованиях старшего возраста [Westwood 2018]. Более того, для повышения внимания к этой теме требовалось преодолеть гетеронормативность западной социальной геронтологии. Только в 2000-х годах на Западе начали появляться работы, оспаривающие распространенное представление о пожилых людях как «по умолчанию» гетеросексуальных субъектах и предлагающие обратить внимание на существующее разнообразие идентичностей в любом возрасте [Hughes 2006].

Низамова Алия Наилевна — младший исследователь программы «Гендерные исследования», Европейский университет в Санкт-Петербурге. Научные интересы: критическая геронтология, феминистская и квир-теория, гендерные исследования. E-mail: anizamova@eu.spb.ru

Aliia N. Nizamova — Junior Research Fellow of the Gender Studies Program at European University at Saint Petersburg. Research interests: critical gerontology, feminist and queer theory, gender studies. E-mail: anizamova@eu.spb.ru.

В действительности, как связаны сексуальная идентичность и старший возраст? Какое влияние сексуальность оказывает на наш опыт старения, для чего нужно обращать внимание на эту взаимосвязь и в каком контексте?

Петер Робинсон, профессор Технологического университета Сунберна, подступает к одному из аспектов этой темы, пытаясь выявить специфическое в восприятии и опыте переживания старшего возраста гомосексуальными мужчинами. Книга «Gay Men's Working Lives, Retirement and Old Age» — это результат многолетнего исследования биографических интервью автора с мужчинами, определяющими себя как гомосексуальные. Робинсон выделяет три когорты своих информантов: «старшая» — от 60 лет и старше, «среднего возраста» — 45–60 лет, и «младшая» — младше 45 лет. Помимо возраста отслеживались такие факторы, как класс информантов, их национальность, место проживания, история переездов, взаимоотношения с семьей. Несмотря на то что автору удалось собрать внушительное количество интервью из самых разных стран, в книгу вошли глубинные интервью с мужчинами из Англии, Австралии, Новой Зеландии и США. Автор объясняет свое решение по отбору материала теми различиями в концептуализации старения, выхода на пенсию и работы в целом, которые существуют между разными культурными контекстами. Таким образом, рецензируемая книга ориентируется на представления о работе и старости, исторически сформированные и функционирующие в западной англоязычной культуре [Robinson 2017: 2-3].

Вторая, третья и четвертая главы фокусируются на основном исследовательском интересе автора: нарративном анализе трудовых биографий информантов. Автор выделяет несколько способов, при помощи которых его информанты из разных когорт осмысляют свою профессиональную занятость. Так, одни информанты говорили о работе «как работе» исключительно в утилитарных категориях, не идентифицируя себя с ней. Другие рассказали о своей рабочей истории в контексте путешествий, переездов в разные города и страны. Иногда перемещения были связаны с характером самой работы, в других случаях переезды были связаны с романтическими историями.

В третью группу вошли люди, для которых работа является средством достижения социальных и политических перемен. Наконец, автор выделяет четвертую группу — для тех, кто представил и описал свою работу как прежде всего «заботу» о других, например, работая преподавателем или консультантом. Робинсон объединяет эту группу с теми, кто рассуждал о своей работе как «креативном процессе». Причина такого неочевидного обобщения — то, что профессии, связанные с заботой и креативностью, в исследуемом западном контексте часто

представлялись «феминизированными» и потому «естественными» как для женщин, так и для гомосексуальных мужчин [р. 39-40]. Для автора многообразие рассказов внутри каждой из этих групп становится весомым аргументом против стереотипов о том, что сексуальная идентичность людей неким естественным образом предопределяет выбор их профессиональной занятости. Кроме того, анализ этого аспекта в контексте когорт показывает, как информантам приходилось контролировать свое поведение на рабочем месте в соответствии с представлениями о маскулинности в это время [р. 68].

Для осмысления взаимного влияния сексуальной идентичности и рабочей траектории в исследовании Робинсона также имело значение, в какой период происходило взросление (*coming of age*) и также каминг-аут информанта: до, во время или после «либерализации гомосексуальности» (*gay liberation*) в их странах. В связи с этим в первых трех главах книги автор уделяет особое внимание опыту восприятия гомосексуальности информантов на рабочем месте. Благодаря разнообразию опытов, жизненных траекторий и голосов, освещенных в книге, автору удастся представить подробный портрет того, что в разные годы мог представлять собой каминг-аут для гомосексуальных мужчин на рабочем месте в рассматриваемых странах.

191

Часть рассказов говорит о единичных актах «признания» своей сексуальной идентичности на работе, другая — о необходимости повторять его множество раз за жизнь, например при смене рабочего коллектива. Третья группа представляет случаи каминг-аута без целенаправленных действий для «раскрытия» своей сексуальной идентичности, когда коллеги информанта узнают о ней из неизвестного для информанта источника [р. 62]. Такой насыщенный материал о стратегиях и траекториях «заявления» о своей сексуальной идентичности мог бы стать предметом отдельного исследования, вступающего в полноценную дискуссию с «Эпистемологией чулана» Ив Кософски Седжвик. Но для Робинсона в этом отношении прежде всего важны те различия, которые образуются между поколениями вследствие изменений политики пресечения гомофобии на рабочем месте. Он обращает внимание на ее интенсивность в разные годы, а также на появление возможностей для легального сопротивления гомофобии, существенно расширенных для мужчин из «младшей» возрастной когорты [р. 262].

Последующие главы рассказывают об отношении информантов к переменам в жизни после достижения пенсионного возраста. В пятой главе истории о работе и трудоустройстве становятся фоновым контекстом для рассказа о тревогах и страхах, связанных с пожилым возрастом, а в шестой — для планирования и организации собственной старости. На мой взгляд, эти главы более интересны в сравнении с предыдущими, где аналитические выводы часто

остаются незаметными за подробными конкретизированными историческими описаниями. Вместе с тем очень важно не забывать границы такого анализа. Например, в самом начале автор подчеркивает, что не исследовал опыт трансгендерных и интерсекс-людей и не включал их в свой анализ, используя аббревиатуру «ЛГБ» [р. 5]. Можно предположить, что в некоторых случаях механизмы социального исключения на рабочем месте в условиях гетеронормативной гендерной системы действительно функционируют особым образом для нецисгендерных людей, и это заслуживает отдельного внимания исследователей [Schilt, Westbrook 2009].

Во второй половине книги автор наиболее удачно совмещает «интерсекциональное» внимание к деталям персональных историй с более широким историческим, социальным и экономическим контекстом жизней интервьюируемых. Для автора переход от Кейнсианской модели к неолиберальной экономике, прекаризация труда, сочетание разнообразных сексуальных практик с режимом трудовых будней создают смысловой контекст для понимания того, что такое «мир работы» в целом, его связь с сексуальными идентичностями и практиками, с получением социальной поддержки и возможностей для организации жизни хорошего качества в старческом возрасте [р. 13-5].

Робинсон отмечает, что старение в современном западном обществе не просто зависит прежде всего от доступа человека к материальным ресурсам и распоряжению ими: оно также обрastaет новыми социальными и эмоциональными нагрузками [р. 21]. Так, перемещение смерти в стерильное пространство больницы и страх перед смертью как социальной изоляцией, о которых пишут Норберт Элиас и Филипп Арьес, по мнению автора, объясняют социальную тревогу по поводу старения. В таком контексте пожилой возраст, с одной стороны, становится символом угрозы потери независимости и контроля, привычного образа жизни и среды, отношений с близкими, с другой — вызывает страх как «последний этап перед смертью» [р. 259].

Как отмечает Робинсон, большинство страхов, о которых говорят его информанты в пятой главе, не являются специфичными для негетеросексуальных людей. Многие в современном западном обществе могли бы признать в похожем восприятии старения и смерти. Тем не менее один из наиболее интересных, уникальных и актуальных вопросов, которые поднимает это исследование, связан со способами организации системного долговременного ухода для гомосексуальных и бисексуальных людей в пожилом возрасте. Автор предлагает переосмыслить распространенное предположение о том, что для негетеросексуальных людей вопрос, кто будет заботиться о них в старости, является гораздо более острым [р. 162].

Во-первых, семейная межпоколенческая забота, напоминает Робинсон, по многим причинам не всегда становится оптимальным вариантом обеспечения «хорошей» жизни в старости для людей с любой идентичностью. Во-вторых, отсутствие крепких семейных связей в старости актуально не для всех ЛГБ-людей — многие из них могут иметь и родственников, и детей, в том числе от предыдущих браков. В-третьих, одиночество — это прежде всего проблема социальной изоляции, которая может быть компенсирована благодаря наличию партнеров, друзей и широких социальных кругов общения [p. 163].

Как показывают материалы шестой главы, большинство мужчин из старшей и средней когорт, интервьюируемых Робинсоном, имели представление о том, как они устроят свою жизнь в старческом возрасте, в том числе при помощи долгосрочного ухода с проживанием в домах сестринского ухода (nursing home) или специальном поселении. Наиболее сильную тревогу у информантов по поводу переезда в такое пространство вызывала угроза гомофобного отношения к пожилым людям. С одной стороны, информанты сомневались в адекватном отношении со стороны персонала учреждения, особенно в ситуации повышенной уязвимости. Их сомнения усиливались благодаря таким факты, как поддержка большинства подобных учреждений в Австралии религиозными организациями, не всегда благожелательно настроенными к гомосексуальным и бисексуальным людям, или расположение учреждения в южных штатах Америки, где исторически сильны консервативные стереотипы [p. 166, 177]. С другой стороны, беспокойство вызывала сама необходимость и вынужденность общения с незнакомыми обитателями интерната или поселения.

193

Некоторые информанты высказывали опасение, что в условиях проживания с незнакомыми людьми они будут вынуждены вести себя так, чтобы окружающие не узнали об их сексуальной идентичности и истории [p. 167, 177]. Так, 37-летний Лиам из Сиднея приводит в пример историю знакомого, проживающего в поселении для людей старшего возраста (self-care retirement village), которому приходится скрывать информацию о своей жизни от соседей, чтобы она не была использована против него [p. 197]. 52-летний Бен из Манчестера отмечает, что также не хотел бы столкнуться с гомофобией в «завуалированной» форме в случае, если его «по умолчанию» примут за гетеросексуала [p. 177]. Тенденции среди пожилых ЛГБ-резидентов к тому, чтобы скрывать информацию о своей сексуальности и не переубеждать окружающих, неверно интерпретирующих их биографии, для обеспечения своей безопасности, также были подтверждены другими исследованиями в Канаде и США [Furlotte et al. 2016: 436; Godfrey 2016: 441]. Можно представить, что угроза возвращаться «в шкаф» и скрывать свою идентичность в старшем воз-

расте особенно травматична для тех, кто боролся с ней в молодости, но не чувствует себя достаточно безопасно, чтобы повторить это в «новых» условиях, заданных локацией, возрастом, физическими возможностями и классом.

Вместе с тем сложно сказать, является ли страх утраты идентичности, возрастающей зависимости, вынужденного общения с незнакомцами, их жестокого и дискриминирующего отношения уникальным» для информантов Робинсона? И если такой страх действительно специфичен для гомосексуальных мужчин — что это значит для социальной политики в отношении пожилых ЛГБТ-людей? Двое информантов, Дэнни (48 лет, экспат в Гонконге) и Эдди (45 лет, Манчестер), открыто заявили в интервью о том, что не хотели бы проживать в пансионате «смешанного» типа. При этом Эдди также предпочел бы сохранить и «гомосоциальность» окружения, представляя наиболее радикальный взгляд на идеальную жизнь для гомосексуального мужчины [р. 179-80]. Другие информанты замечали, что, предоставив возможности для добровольной «сегрегации», совместного проживания негетеросексуальных людей в старшем возрасте, можно было бы улучшить ситуацию с организацией долгосрочной заботы в форме пансионатов.

194

Сейчас в мире функционирует несколько домов престарелых, открытых специально для резидентов-представителей ЛГБТ-сообщества в Швеции и Испании. Как в процессе совместного проживания возрастные и сексуальные идентичности влияют на качество жизни людей и в чем проявляются основные его аспекты (ощущение сообщества, разделение общей истории, безопасность пространства)? Возможно, улучшение качества жизни пожилых ЛГБ-людей должно предполагать не только построение «утопических» мест, но и реализацию иных проектов, которые могли бы бороться с другими проблемами, названными в книге Робинсона: одиночеством, социальной изолированностью, утратой партнера, нехваткой пространств для общения, отсутствием или недостатком поддержки от ЛГБ-сообщества и эйджизмом со стороны молодых гомосексуальных и бисексуальных людей.

В заключение хочется добавить несколько слов по поводу желания автора «нормализовать» гомосексуальность, которое появляется во время прочтения этой книги. То, что Робинсон неоднократно подчеркивает схожесть между представлениями его информантов и гетеросексуальных мужчин и «обыденность» их профессиональных занятий, на мой взгляд, вызывает новые вопросы [р. 253]. Почему вообще важно доказать, что гомосексуальные мужчины живут, работают и переживают старость во многом так же, как и гетеросексуальные, и о каких конфигурациях маскулинности это говорит? Каким образом в выборке исследования не оказалось больше людей, чей образ жизни и представления о работе не смогли бы вписаться

так хорошо в гетеронормативный уклад? Наконец, как включение более маргинализированных голосов могло бы повлиять на те представления о старости, о которых мы узнаем из этой книги?

Интересно, что после публикации рецензируемой книги Петер Робинсон возвращается к этой теме в новой статье в соавторстве с Марком Хьюзом — значимой фигурой в исследованиях старения из перспективы квир-теории [Hughes, Robinson, 2018]. В ней они предоставляют более «квирный» анализ представлений о ресурсах, общественном признании и возможностях быть репрезентированными, доступных пожилым гомосексуальным мужчинам.

Такой фокус позволяет им выявить еще одну опасность, с которой могут столкнуться гомосексуальные люди старшего возраста в условиях интерната: это гомонормативность в отношении пожилых ЛГБ и ее последствия. В то время как интернаты для пожилых на Западе «могут стать более психологически комфортными для “респектабельных” пожилых гомосексуальных мужчин в долгосрочных стабильных отношениях», те, кто предпочитает свободные отношения и постоянную смену сексуальных партнеров, или является представителем «кожаной субкультуры», вряд ли найдут понимание в том же обществе [Hughes, Robinson, 2018, p. 120].

195

Несмотря на это критическое замечание, книга «Gay Men's Working Lives, Retirement and Old Age» кажется интересной и значимой для исследователей возраста и сексуальности, в особенности для тех, кто использует нарративный анализ жизненных историй для своего материала. Учитывая опыт автора в использовании метода биографических интервью, кажется особенно интересным его внимательное отношение не только к тому, на какие вопросы информанты ответили, но и к тем вопросам, которые по тем или иным причинам не были заданы в интервью.

Робинсон предоставляет подробные интерпретации таких ситуаций и возможных ответов на них, которые исследователь предположительно мог бы получить [p. 52, 92, 95]. Наконец, главное достоинство книги — это обращение к теме пожилого возраста в контексте гомосексуальности. Она еще раз напоминает о том, что современные критические исследования возраста должны оставаться внимательными к широкому разнообразию идентичностей, сексуальностей, практик и их контекстов.

Библиография / References

Furlotte C., Gladstone J.W., Cosby R.F., Fitzgerald K.A. (2016) Could We Hold Hands? Older Lesbian and Gay Couples' Perceptions of Long-Term Care Homes and Home Care. *Canadian Journal on Aging/La Revue Canadienne du Vieillessement*, 35 (4): 432-446.

Godfrey D. (2016) End-of-Life Issues for LGBT Elders. D.A. Harley, P.B. Teaster (eds). *Handbook of LGBT Elders: An Interdisciplinary Approach to Principles, Practices, and Policies*, Cham: Springer: 439-454.

Hughes M., Robinson P. (2018) Gay Men and Ageing. S. Westwood (ed.) *Ageing, Diversity and Equality: Social Justice Perspectives*, New York: Routledge: 114-130.

Hughes M. (2006) Queer Ageing. *Gay and Lesbian Issues and Psychology Review*, 2 (2): 54-59.

Sandberg L., Barbara M. (2017) Queering Aging Futures. *Societies*, 7 (3): 21-42.

Schilt K., Westbrook L. (2009) Doing Gender, Doing Heteronormativity: "Gender Normals," Transgender People, and the Social Maintenance of Heterosexuality. *Gender & Society*, 23 (4): 440-464.

Westwood S. (ed.) (2018) *Ageing, Diversity and Equality: Social Justice Perspectives*, New York: Routledge.

Рекомендация для цитирования:

Низамова А.Н. (2019) Гомосексуальность, работа и старение: мужской вопрос. Рецензия на книгу: Robinson P. (2017) *Gay Men's Working Lives, Retirement and Old Age*, Basingstoke: Palgrave Macmillan. *Социология власти*, 31 (1): 189-196.

196

For citations:

Nizamova A.N. (2019) Homosexuality, Work, and Ageing: The Male Question. Book Review: Robinson, Peter (2017) *Gay Men's Working Lives, Retirement and Old Age*. Palgrave Macmillan UK. *Sociology of Power*, 31 (1): 189-196.

Поступила в редакцию: 22.01.2019; принята в печать: 27.01.2019

Received: 22.01.2019; Accepted for publication: 27.01.2019

ИРИНА В. ТРОЦУК

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Сколько географического воображения нужно социальной геронтологии (и зачем)?

Рецензия на книгу: Geographical Gerontology: Perspectives, Concepts, Approaches. M.W. Skinner, G.J. Andrews, M.P. Cutchin (eds), London; New York: Routledge, 2018

doi: 10.22394/2074-0492-2019-1-197-211

«Места и пространства —
это одновременно ограничения и потенциал для наших действий;
в свою очередь, наши действия их создают и сохраняют»

197

[Sacks 1997: 13]

К сожалению, социальная геронтология, по крайней мере в российском социологическом дискурсе, остается весьма маргинальной не только как отдельная научная дисциплина, но и как самостоятельное понятие. С позиций критического дискурс-анализа Н. Фэйркло [см., например, Fairclough 1992; 1993] это свидетельствует о серьезных проблемах не только в дискурсивных практиках, но и в поведенческих паттернах российского общества по отношению к пожилым поколениям. Вряд ли для понимания сути этих проблем человеку нужны специальные знания или особая социологическая компетентность — повседневность постоянно снабжает нас

Троцук Ирина Владимировна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Irina V. Trotsuk — Dsc (Sociology), Professor, Sociology Chair, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

свидетельствами того, что старость в нашем обществе воспринимается как период истощенности жизненных сил, пора угасания, время дожития и т. д., а не особый биографический этап, сопряженный с радикальным изменением обыденных практик.

Пожилые люди (в очень широком смысле, например, нередко возрастные ограничения в объявлениях работодателей дискриминируют как, видимо, «уже отработавших/отживших свое», даже людей старше 45 лет) реально и дискурсивно вытесняются если не на периферию общественной жизни, то из социально престижных сфер. Осознание и принятие подобных изоляционистски-дискриминационных правил и практик заставляет представителей геронтологической группы отказываться от самореализации в частной и публичной сферах, сворачивать свою профессиональную и досуговую активность, тем самым ускоряя и усугубляя и без того преобладающие в российском обществе процессы патологического старения.

Способствует подобной патологизации и социальной эксклюзии старости и ориентация государства (официального и медийного дискурсов) на обсуждение геронтологических вопросов исключительно в двух форматах. Во-первых, в контексте оказания социальной помощи, которая в российском обществе весьма специфична, неэффективна для решения задач ресоциализации и адаптации к новой жизненной ситуации и неудовлетворительна с точки зрения предоставляемой финансовой помощи. Государство и общество предпочитают отгородиться от проблем пожилых людей специализированным институтом социальной поддержки, а не развивать механизмы и практики межпоколенческого взаимодействия и минимизации негативных проявлений и последствий эйджизма. Во-вторых, посредством воспроизводства и подкрепления устойчивых биомедикализованных социальных стереотипизаций [Краснова, Лидерс 2002; Левинсон 2011; Старикова 2010; Старикова 2011] конструируется доминирующая негативизирующая трактовка старости как процесса доживания и угасания, образ преклонного возраста оказывается дисфункциональным с биомедицинских позиций (социальная эксклюзия пожилых дискурсивно легитимируется определением старости как особой неизбежной и неизлечимой болезни) [Смолькин 2007].

Формально в биомедикалистской трактовке старости самой по себе нет ничего дискриминирующего — именно медиализация во многом обусловила социальный статус старости (патерналистскую социальную политику современного государства по отношению к пожилым людям), а геронтология как научная дисциплина долгое время развивалась в рамках медицины [Morley 2004]. Проблема в том, что чрезмерная биомедиализация позднего возраста обусловила распространение и устойчивость негативных стереоти-

пизаций старости и восприятие любых действий и решений пожилого человека как симптомов старения [Хрисанфова 1999; Bowd 2003; Powell, Longino 2002]. И хотя российская геронтология следовала в русле общемировых тенденций, развиваясь первоначально как раздел медико-биологической науки, изучающий явления старения в рамках гериатрии, герогигиены и геронтопсихологии [Давыдовский 1966; Основы геронтологии 1969], в отличие от зарубежной традиции в отечественной геронтологии до сих пор акцент делается на медицинских аспектах старения.

Третьим фактором, затрудняющим становление социально-геронтологического дискурса в российском обществе в целом и в отечественной социологии в частности, является то, что пожилые поколения формируют своеобразное «слепое пятно» социологических исследований, выступая преимущественно лишь в качестве демографической группы с особыми предпочтениями, возможностями и жизненными практиками. Это тем более странно, что понятие «поколение» — многозначный термин, в котором сосуществует множество самостоятельных значений, включая однородную по возрасту группу сверстников (реальное поколение или когорта) и условное символическое единство (номинальная группа, выделяемая на основе общности социальных условий становления, жизненного опыта, социальных ролей, доминирующих социально-психологических черт и т. д.) [Гаврилюк, Трикоз 2002; Дубин 2005; Лисовский 2002].

199

Декларативно предмет поколенческого анализа — все «возрастные группы как агенты социального изменения, ...источники их оппозиции внутри существующего общества и развитие отношений между ними» [Социологический словарь 2000: 170], и формально статус всех поколений с исследовательской точки зрения одинаков, однако реально в фокусе социологического анализа оказывается преимущественно молодежь и/или люди трудоспособного возраста (им посвящено большинство эмпирических исследований, статей в социологической периодике и примеров в учебных пособиях, сборниках и монографиях).

Книга «Географическая геронтология: перспективы, понятия, подходы» важна для всех интересующихся социальной геронтологией, поскольку наглядно показывает, насколько западный научный дискурс опередил отечественную социально-геронтологическую традицию с точки зрения не просто доминирования социокультурной интерпретации старости, но и обнаружения внутри данной трактовки новых и значимых для анализа «измерений».

Понятие «географическая геронтология» используется в книге не как метафора пространственного многообразия проявлений старости и ее воздействий на локальные сообщества и социально-эко-

номические процессы, а как название новой дисциплины и особой междисциплинарной предметной области. Статьи географов и геронтологов из Австралии, Канады, Англии, Гонконга, Ирландии, Новой Зеландии, Шотландии и США призваны продемонстрировать широту и глубину географического подхода к изучению старения и жизненного мира пожилых поколений, для чего 25 глав книги в объединены в пять неравнозначных по объему тематических разделов, раскрывающих:

- 1) основные теоретические концепции и логику развития данного дисциплинарного направления, возраст которого составляет уже четыре десятилетия;
- 2) истоки междисциплинарных заимствований географической геронтологии (демографическая география, социальная география, культурная география, география здоровья, городские и экологические исследования);
- 3) вариативность уровней географически-геронтологических изысканий — от глобальных международных проектов до небольших кейс-стади (например, макроуровень представлен оценками причин сосредоточения проблем глобального старения в странах Мирового Юга с низкими и средними доходами, различий старения в городах и в сельской местности, а микроуровень — особенностей старения в местных сообществах и домохозяйствах);
- 4) тематические приоритеты географической геронтологии (пространства и ландшафты старения, проблемы мобильности и миграции, форматы инклюзии и механизмы эксклюзии, возможности и масштабы сопротивления социальным императивам старения и навязываемой заботы);
- 5) дискуссионные вопросы и взаимосвязанные направления будущего развития географии и геронтологии.

Книга содержательно очень насыщена, предлагает множество конкретных примеров и снабжена внушительным библиографическим аппаратом (в некоторых главах объем библиографии не уступает тексту, т.е. составляющие книгу статьи выполняют роль реферативных обзоров по отдельным тематикам географической и социальной геронтологии), поэтому по формату данная рецензия представляет собой краткий путеводитель для читателя.

Книга начинается с введения, объясняющего, почему «старение стало основным нарративом XXI века»: прежде всего это обусловлено повсеместным ростом продолжительности жизни. Все государства сегодня состоят из беспрецедентного для прежних эпох количества пожилых людей, что изменяет общество в целом, а также экономические и экологические системы на всех уровнях — от локального до глобального. Редакторы признают, что не являются первопроход-

цами в изучении пространственного измерения старения, но книга — первая попытка систематизировать последствия так называемого «пространственного поворота», т. е. теоретико-методологические основания, категориальный аппарат и тематические приоритеты социальной геронтологии как географической дисциплины¹.

В первой, теоретико-методологической, части книги охарактеризована роль пространства и местоположения в географической геронтологии, обусловленная множеством очевидных причин: пожилые люди не могут столь же легко и спокойно перемещаться по своему району и городу/селу, как в молодости; они продолжают ценить и любить свой дом; часто хотят переехать на пенсии; наслаждаются общением с природой и проведением досуга вне дома; продолжают любить свой родной маленький город и отказываются переезжать поближе к детям; создают крепкие сети взаимоотношений с другими пенсионерами в разных «пространствах» (реальных и цифровых); путешествуют со своими внуками и детьми и т. д. Местожителство и географические перемещения представлены в книге как важный фактор счастливой старости.

Для изучения этой многослойной роли пространства в жизни старших поколений географическая геронтология предлагает использовать разные подходы, включая политическую экономию (государственный или рыночный механизм предоставления благ и услуг, шансы на равное распределение ограниченных ресурсов, сочетание традиционного марксизма с постструктурализмом для критической оценки неолиберализма и глобализации и т. д.), гуманистический подход (акцент на способах пространственной реализации личного биографического опыта, ценностей, субъективности и агентности), социальный конструктивизм (как идентичность конструируется через привязанность к месту, как «очеловеченное» пространство перестает быть лишь объективной функцией и точкой на карте и превращается в способ репрезентации пожилых людей, как сами пожилые люди, в свою очередь, репрезентируют определенное «место», как местожителство становится ареной борьбы за «свое» пространство и способом выражения властных отношений и т. д.) и другие концепции, позволяющие увидеть типологические пространственные паттерны старения и связанные с ними явления.

201

1 Следует признать, что постоянное подчеркивание географической специфики геронтологии выглядит чрезмерным «преумножением сущностей», поскольку можно говорить о кросс-культурных исследованиях, сравнительном анализе и проч., прекрасно обходясь без прилагательного «географический».

В частности, географических геронтологов интересует пространственно-временная концентрация старших поколений (демографические и миграционные исследования на национальном и международном уровне), а также распределение услуг, предоставляемых только или специально для пожилых людей или используемых исключительно ими, с точки зрения детерминирующих его индивидуальных, социальных, экономических и политических практик.

В «пространственно-демографическом подходе исследователи надеются рассмотреть старение населения через его масштабы, состояния и запросы, чтобы представить эти данные официальным лицам; в политико-экономическом подходе — артикулировать неравенства и противоречия таким образом, чтобы обеспечить более равномерное распределение ограниченных ресурсов; в гуманистическом подходе — увидеть надежды и опасения пожилых людей и изменить их жизненную ситуацию, сделав чувства пожилых достоянием общественности; в социальном конструктивизме — понять радости и горести пожилых, воплощенные в местах их жизни, и изменить социально-пространственно обусловленные идентичности и жизненный опыт пожилых» [р. 21-22]. Безусловно, приведенный здесь и представленный в книге список подходов географической геронтологии далеко не исчерпывающий, но он показывает, сколь вариативны исследовательские возможности и интересы данного дисциплинарного направления, особенно в эмпирических проектах.

Вторая часть книги фокусируется на «географии здоровья», предлагая сместить акцент с его биомедицинской трактовки как отсутствия заболеваний на более целостное социально-экологическое понимание старения и здоровья в социальном, физическом (географическое пространство и телесность) и символическом контекстах, обращаясь к трем ключевым темам: неравенство географических возможностей здорового старения; географические особенности старения, связанные со здоровьем; ландшафты и места заботы (включая социальные услуги для пожилых).

Так, пространственная дифференциация старения и здоровья требует оценки различий распределения пожилых поколений на глобальном, региональном и поселенческом уровне, обусловленных масштабами заболеваний и социально-технологическими условиями, которые гарантируют определенное качество жизни в старости. Основная исследовательская проблема здесь — получение надежных социально-экономических данных о пожилых, поскольку сведения собираются преимущественно о молодых поколениях, а старость рассматривается сквозь призму биомедицинских и демографических показателей (уровня смертности и заболеваемости), а также грамотное сочетание количественных данных, многоуровневого моделирования и качественного подхода.

Географические особенности здоровья пожилых рассматриваются через специфику их пространственного размещения и миграции: традиционными паттернами мобильности в пенсионном возрасте считаются переезды «молодых пожилых» в курортные зоны, тогда как «старые пожилые» часто возвращаются в родные места, чтобы жить поближе к родным. Однако эти паттерны могут меняться под влиянием негативных и позитивных факторов, связанных с финансовыми возможностями, качеством жилья, гендерными отношениями, супружеским и родительским статусом, профессиональной занятостью, новыми коммуникационными возможностями постоянного общения даже на больших расстояниях, эмоциональной привязанностью к соседству и месту жительства, сетями дружеских и родственных отношений и др.

Подход критической географии показывает, что по всем перечисленным параметрам пожилые люди часто сталкиваются со стигматизацией и попытками дискурсивной «гомогенизации» пожилых поколений как якобы внутренне недифференцированной группы, состоящей из пассивных, зависимых, хрупких и болезненных людей, не имеющих права голоса и являющихся лишь объектом медико-социальной заботы.

203

Вклад географической геронтологии не сводится к указаниям на рост доли пожилых в структуре населения всех стран мира, на формирование новых пространственных конфигураций старения с крайне размытыми границами, на влияние неолиберальных ценностей независимости, мобильности и экспериментирования с собственной жизнью на дискурсивное конструирование старения как активного, продуктивного и успешного периода жизни, на изменение широко распространенных и «эндемичных» для повседневных практик стереотипизаций старости и т. п.

Географическая геронтология изучает социокультурные особенности старения, связанные с понятием социального капитала и отслеживаемые по четырем основным направлениям: микроуровневые воздействия сообществ на телесные практики (косметическая хирургия, предпочтения в одежде и выборе причесок и др.); гендерная специфика старения (влияние феминизма, особенности мужского образа жизни на пенсии, эйджизм и т. д.); межпоколенческие характеристики старения и образа жизни (прежде всего смена социальных и внутрисемейных ролей); влияние урбанизации и городского/сельского образа жизни на качество жизни пожилых.

Во второй части книги приводятся многочисленные теоретические и эмпирические подтверждения того, что в отличие от «негеографического подхода, в котором изучение пожилых поколений (например, влияния на них системы здравоохранения) часто имеет одни и те же характеристики независимо от места/страны про-

ведения исследования, ... географический подход утверждает, что место проживания имеет важное аналитическое значение, поскольку глобальные и локальные его особенности определяют проблемы и поведение пожилых, их семей, друзей, волонтеров, сотрудников соответствующих служб и тех, кто принимает решения» [р. 57].

Соответственно можно проводить географически-геронтологические исследования в формате международных (глобальные тенденции старения и урбанизации, но серьезные различия между развитыми и развивающимися странами в долях, принципах расселения и миграции пожилых), внутривосточных и межрегиональных сопоставлений типов старения с демографической, социально-экономической, этносоциальной, миграционной, гендерной, социально-инфраструктурной¹ и иных точек зрения, рассматривая пожилые поколения отдельно — как особую когорту — или же в их взаимодействии и зависимости от численности, ценностей и поведенческих паттернов молодых поколений. «Сочетание цифровизации, эмпирических наблюдений (за тем, как люди обживают пространство) и “больших данных” позволяет создать удивительный методологический инструмент для будущего проектирования и планирования городских районов как “дружественной среды для пожилых”... с точки зрения жилищных условий, затрачиваемых на жизнь усилий и инфраструктуры предоставляемых услуг» [р. 77].

В третьей части книги рассмотрены разные географические аспекты глобального старения, которые необходимо учитывать в исследовании образа и качества жизни геронтологической группы, чтобы избежать ее унифицирующей дискурсивной стигматизации как слабой и наиболее подверженной рискам. К таким аспектам отнесены:

- разнообразие проявлений и последствий глобального старения: например, к 2050 году 1,67 млрд людей старше 60 лет из общего их числа в 2 млрд будут проживать в «менее развитых» регионах мира — в Азии, Индии и Латинской Америке, т. е. проблемы глобального старения постепенно смещаются с Глобального Севера на Глобальный Юг, поскольку причина глобального старения не только в увеличении продолжитель-

1 Для российского общества совершенно нехарактерно не только планирование и строительство особых городских и сельских районов, предназначенных для проживания пожилых людей, но и просто учет особых потребностей и запросов стареющего человека к организации его жизненного пространства. Только в последние несколько лет в рамках общегосударственной декларативной ориентации на социальную инклюзию началась локальная борьба за создание безбарьерной среды, но в первую очередь не для пожилых, а для людей с ограниченными возможностями.

ности жизни благодаря социально-экономическому развитию, но и в сокращении рождаемости;

- влияние глобального старения на поведение пожилых и окружающих их людей в чрезвычайных ситуациях в разных регионах мира: в подобных случаях пожилые люди подвергаются большему риску, чем молодые поколения, по причине как объективных физиологических трудностей и ограниченного доступа к информации, так и социальной «невидимости» для соответствующих гуманитарных программ;
- воздействие глобальных климатических изменений на здоровье пожилых, например, они хуже переносят колебания температур и сильную жару, в целом их физиологическое и психологическое здоровье более подвержено прямому и косвенному влиянию погодных и климатических факторов, особенно в условиях социальной изоляции и эксклюзии;
- воздействие на паттерны старения ряда социально-технологических тенденций, которые способствуют более высокой мобильности и более интенсивной коммуникации пожилых, что особенно важно для нынешней городской среды.

В книге обозначены и особенности нынешнего сельского старения, которое в целом продолжает считаться чем-то принципиально отличным от городского старения. В качестве характерных черт сельского старения в книге названы, в частности, более выраженное взаимное влияние природной среды и пожилых поколений (например, сельские пенсионеры играют жизненно важную роль в поддержании сельской социальной инфраструктуры посредством добровольного неоплачиваемого труда) и более быстрые темпы изменений сельского контекста старения по сравнению с городскими сообществами (под влиянием субурбанизации, реструктуризации аграрного производства, новых информационных и коммуникационных технологий и т. д.). Авторы предлагают отказаться от трактовки села как набора демографических, географических и поселенческих характеристик, противопоставленных городу, в пользу социокультурного понимания сельского образа жизни как особого сочетания норм, ценностей и установок, определяющих образ и качество жизни пожилых поколений.

Речь должна идти не столько о традиционных различиях города и села, сколько о влиянии факторов макро- и микроуровня на местные сообщества в социокультурных контекстах, различающихся уровнем урбанизированности. Соответственно, «географическая геронтология играет важную роль в понимании взаимосвязи изменений на макроуровне, т. е. под влиянием глобализации, с жизнью локальных и соседских сообществ... С одной стороны, мы наблюдаем все больше свидетельств того, как люди выбирают места житель-

ства, подходящие под их образ жизни в старости (поэтому пространственные характеристики создают и поддерживают разные стили старения), ... с другой стороны, именно пространственные особенности могут способствовать социальной эксклюзии пожилых... Задача географической геронтологии — критический пространственный анализ [в духе критического дискурс-анализа]» [р. 132–133].

Четвертая часть книги суммирует основные тематики географически-геронтологических исследований:

- оценка того, насколько нынешние места проживания (дома, квартиры, соседства, городские районы и т. д.) соответствуют самоидентичности, образу жизни и объективным возможностям пожилых людей как с точки зрения их собственного субъективного восприятия, так и внешними наблюдателями — исследователями и политиками (как правило, в подобных проектах делается вывод об эмоциональной привязанности пожилых к своему пространственному и социальному окружению, которая препятствует их мобильности в целом и переезду на новое место жительства в частности);
- изучение старения в определенном месте как адаптационной стратегии пожилых, не желающих переезжать в казенные дома заботы даже в том случае, если им объективно (по причине физической слабости или когнитивных расстройств) необходима постоянная помощь (такие проекты подтверждают, что конкретная социальная среда может помочь пожилым людям вести самостоятельный образ жизни как можно дольше, однако любые их решения имеют последствия для распределения ответственности за их жизнь и социальное благополучие между членами семьи, государственными институтами и коммерческими структурами);
- оценка того, насколько меры государственной социальной поддержки эффективны в плане соотношения их стоимости и реальной помощи пожилым людям в конкретных поселенческих условиях.

Для объяснения выбора/смены места жительства пожилыми в книге предлагается два подхода — «уехать от» и «уехать для» (а также их сочетание). Поведенческая модель рассматривает такой выбор как результат действия факторов «выталкивания» (вдовство, серьезное заболевание, утрата источников дохода, неблагоприятные изменения окружающей инфраструктуры) и факторов «притяжения» (более привлекательные условия с социально-экономической, медицинской и досуговой точек зрения) с учетом влияния уровня доходов и состояния здоровья человека. Согласно модели развития, смена места жительства в пожилом возрасте может быть обусловлена тремя типами событий: выходом на пенсию (человек ищет но-

вые способы проведения досуга или перебирается поближе к семье и друзьям), хроническими заболеваниями, затрудняющими совершение простых повседневных действий (покупки, приготовление еды, уборку дома и пр.), или серьезными физическими/когнитивными нарушениями, которые заставляют человека находиться под постоянным наблюдением. Очевидно, что эти три типа событий хронологически последовательны, однако ни одно из них не является прямой и непосредственной причиной для смены места жительства в преклонном возрасте.

Часто пожилые люди, невзирая на личные жизненные неурядицы и серьезные объективные проблемы в районах своего проживания, категорически отказываются переезжать и предпочитают стареть там, где привыкли жить, даже если имеют возможность избежать множества связанных с текущим местом жительства проблем и выбрать один из множества подходящих вариантов для переезда. Причины подобного решения обычно имеют эмоциональный характер. Пожилые люди привыкают к определенному окружению и чувствуют себя в нем субъективно комфортно (им нравится климат, свой палисадник, религиозная община, местные рестораны и магазины и т. д.). Иногда конкретное местожительство позволяет им контролировать собственную жизнь (быть самостоятельными, вести «нормальный» образ жизни) даже в случае серьезных нарушений здоровья, потому что здесь создана доступная и комфортная среда (возможен и идеальный случай совпадения двух мотивов).

207

Впрочем, чтобы картина не выглядела слишком позитивной, следует помнить и о том, что пожилые люди могут упрямо и неаргументированно отказываться от переезда даже в случае наличия всех объективно выталкивающих факторов и отсутствия каких бы то ни было субъективно удерживающих факторов, поэтому «нынешняя миграционная модель не может адекватно объяснить, почему пожилые люди принимают те или иные решения о месте собственного старения» [с.198]. Теория «нормализации места жительства» частично решает эту проблему, утверждая, что, во-первых, у пожилых могут быть одновременно позитивные и негативные чувства относительно своего местожительства, поэтому решения они принимают, сопоставляя два относительно независимых эмоциональных мотива — чувство комфорта и чувство контроля; во-вторых, решение о старении на том же месте или переезде зависит не только от оценки нынешнего местожительства, но и от осознания собственного репертуара возможностей адаптации к новому образу жизни.

Не менее важна в принятии решения о переезде и самоидентификация пожилого человека — результат биографического опыта жизни в определенном географическом (геология, почва, климат, погода, флора и фауна) и социокультурном окружении (тип поселения,

стиль застройки, окружающие социальные группы). Ведь «по мере взросления мы обретаем все большую способность ощущать себя “на месте” и “как дома” благодаря привычному ритму и рутине повседневного использования жилья и накоплению смыслов событий, связанных с ним и окружающей обстановкой. Мы ищем и обретаем все лучшую способность целенаправленно гармонизировать нашу самоидентификацию (чувственную, нарративную, историческую, духовную, идеологическую, вещную и материальную зависимость) с конкретным пространством и идентификацией того места, в котором мы живем [в духе гоффмановской драматургической аналогии, «срастаясь» со своей «маской» и со «сценой»]» [р. 207].

В заключительной части книги перечислены основные дискуссионные моменты в подходах и категориальном аппарате географической геронтологии, неизбежные с учетом ее междисциплинарных оснований и переплетения множества концептуальных наработок в используемом ею понятии «пространство/пространственность старения». Эти дискуссионные моменты объединены в шесть взаимосвязанных тематических блоков:

- возраст как основной фактор в междисциплинарных исследованиях (старение и преклонный возраст как легитимные переменные поколенческого анализа);
- разные уровни пространственного изучения личностно-средового взаимодействия (от глобального до локального, от социального до личностного, от макро- до микроуровня, включая переходные уровни);
- система взаимоотношений пространства и конкретного места в нем в темпоральном и эмоциональном контекстах (возможны разные подходы — от философского до архитектурного, но географический акцент остается центральным при условии признания социального конструирования пространства и основополагающей роли властных отношений в формировании природного и социального ландшафта и зыбких границ между пространством и конкретным местом);
- методологическая рефлексия и методологическая гибкость (использование постмодернистских подходов, сочетание количественного и качественного подходов, междисциплинарный дизайн исследований, постоянный сбор «больших данных» в развитых и развивающихся странах и т. д.);
- оценка возможностей теоретических заимствований из смежных дисциплин и потенциала географического подхода для решения их традиционных задач;
- обсуждение географически-геронтологических проблем не только учеными (на научных мероприятиях, в ходе исследований и в преподавании), но и управленцами всех уровней

при принятии решений в сфере здравоохранения, жилищно-строительства, проектирования транспортной и досуговой инфраструктуры, финансового обеспечения и т. д. — для развития комфортных и доброжелательных ко всем возрастам городов и сообществ.

«Ключевая особенность географически-геронтологического воображения/способа мышления состоит в том, что оно, аналогично зум-объективу фотоаппарата, позволяет все детальнее и четче рассмотреть любую проблему, различая в ней разные аспекты и процессы, характерные для старения, преклонного возраста и пожилых поколений. Географические геронтологи понимают, что такая калибровка аналитической оптики (от тела человека до земного шара) позволяет одновременно формулировать фундаментальные вопросы, обосновывать методологию исследования и делать убедительные выводы... Географическая геронтология прекрасна отчасти именно открытостью новым задачам, понятиям и подходам к пониманию и решению неоднозначных и важных проблем старения. Чувствительность и внимание к разнообразию и сложности человеческих характеров и мест проживания, а также к идеям для их понимания — отличительные признаки географически-геронтологического воображения» [р. 315–316].

209

Взяв рецензируемую книгу в руки, читатель должен быть готов к тому, что это весьма разрозненный сборник статей. Даже в рамках тематических разделов не происходит постепенного перехода от теории к практике, от систематизации концептуальных и методологических оснований изучения какой-то темы географической геронтологии к конкретным эмпирическим исследованиям или кейсам из практической политики или социальных реалий отдельных стран (хотя последние главы четвертой части книги представляют собой конкретизацию ранее тезисно или теоретически рассмотренных вопросов).

В этой связи книга может несколько раздражать не только открытой гиперболизацией объяснительного потенциала «географии» (ее слишком некритичной и чрезмерно обобщенной трактовкой), но и повторами, постоянными возвращениями к тому, что ранее уже было описано и объяснено, а также скачками с макро- на микроуровень и обратно. Например, как только читатель настроится на эмпирическую конкретику по отдельным аспектам социального старения, он вновь наталкивается на абстрактные рассуждения о влиянии местных сообществ и соседств, об особой роли дома в жизни пожилых или о важности анализа телесности и эмоциональности через географически-геронтологическую «оптику».

Тем не менее книга будет крайне полезна и тем, кто профессионально интересуется вопросами социальной геронтологии, и тем, кто хочет увидеть одновременно поразительное многообразие на-

шего мира (даже сквозь призму особенностей жизни только одного его пожилого поколения) и удивительную схожесть тех проблем, с которыми всем нам придется столкнуться в старости независимо от того, в какой именно точке физического, политико-экономического и социокультурного пространства мы окажемся на склоне лет.

Библиография / References

Гаврилюк В.В., Трикоз Н.А. (2002) Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход). *Социологические исследования*, 1.

— Gavriluk V.V., Trikoz N.A. (2002) The Dynamics of Value Orientations in the Period of Social Transformation (Generational Approach). *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 1. — in Russ.

Давыдовский И.В. (1966) *Геронтология*, М.: Медицина.

— Davydovsky I.V. (1966) *Gerontology*, Moscow: Meditsina. — in Russ.

Дубин Б.В. (2005) Поколение: смысл и границы понятия. *Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России*. Ю. Левада, Т. Шанин (сост.), М.: НЛО.

— Dubin B.V. (2005) Generation: the meaning and limits of the concept. *Ottsy i deti: Pokolenchesky analiz sovremennoy Rossii [Fathers and Sons: Generational Analysis of Contemporary Russia]*. Yu. Levada, T. Shanin (Sost.), Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. — in Russ.

Краснова О.В., Лидерс А.Г. (2002) *Социальная психология старения*, М.: Академия.

— Krasnova O.V., Liders A.G. (2002) *Social Psychology of Aging*, Moscow: Akademiya. — in Russ.

Левинсон А. (2011) Сократ и лира. «Новые старики» и старая реальность в России. *В памяти и добром здравии. Старшее поколение, общество и политика*, М.: Весь мир.

— Levinson A. (2011) Socrates and lira. “New old people” and the old reality in Russia. *V pamyati i dobrom zdravii. Starshee pokolenie, obshchestvo i politika [In Memory and Good Health. The Older Generation, Society and Policy]*, Moscow: Ves mir. — in Russ.

Лисовский В.Т. (2002) «Отцы» и «дети»: за диалог в отношениях. *Социологические исследования*, 7.

— Lisovsky V.T. (2002) “Fathers” and “sons”: For the dialogue in relationships. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 7. — in Russ.

Основы геронтологии (1969) Д.Ф. Чеботарева, Н.Б. Маньковского, В.В. Фролькиса (ред.), М.: Медицина.

— *Foundations of Gerontology* (1969). D.F. Chebotarev, N.B. Mankovsky, V.V. Frolkis (eds), Moscow: Meditsina. — in Russ.

Смолькин А.А. (2007) Медицинский дискурс в конструировании образа старости, *Журнал социологии и социальной антропологии*, 10 (2).

— Smolkin A.A. (2007) Medical discourse in constructing the image of old age. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]*, 10 (2). — in Russ.

Старикова М.М. (2011) Стереотипы старости и старения. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Серия: Социальные науки, 2.

— Starikova M.M. (2011) Stereotypes of old age and aging. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnye nauki [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences]*, 2. — in Russ.

Старикова М.М. (2010) Конструирование образа пожилого человека в материалах российской прессы. *Вестник ВГГУ*, 3.

— Starikova M.M. (2010) The image of an elderly person presented in the Russian press. *Vestnik VGGU [Bulletin of VGGU]*, 3. — in Russ.

Хрисанфова Е.Н. (1999) *Основы геронтологии (антропологические аспекты)*, М.: ВЛАДОС.

— Khrisanfova E.N. (1999) *Foundations of Gerontology (Anthropological Aspects)*, Moscow: VLADOS. — in Russ.

Bowd A.D. (2003) Stereotypes of elderly persons in narrative jokes. *Research on Aging*, 25 (1).

Fairclough N. (1992) Discourse and text: Linguistic intertextual analysis within discourse analysis, *Discourse and Society*, 3 (2).

Fairclough N. (1993) Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: The universities. *Discourse & Society*, 4 (2).

Morley J.E. (2004) A brief history of Geriatrics. *Journals of Gerontology: Medical Sciences*, 59.

Powell J.L., Longino Ch.F. (2002) Postmodernism versus modernism: Rethinking theoretical tensions in social gerontology. *Journal of Aging and Identity*, 7 (4).

Sack R.D. (1997) *Homo Geographicus: A Framework for Action, Awareness, and Moral Concern*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.

211

Рекомендация для цитирования:

Троцук И.В. (2019) Сколько географического воображения нужно социальной геронтологии (и зачем)? Рецензия на книгу: *Geographical Gerontology: Perspectives, Concepts, Approaches*. M.W. Skinner, G.J. Andrews, M.P. Cutchin (eds), London; New York: Routledge, 2018. *Социология власти*, 31 (1): 197-211.

For citations:

Trotsuk I.V. (2019) How much geographical imagination does social gerontology need (and why)? Book Review: *Geographical Gerontology: Perspectives, Concepts, Approaches*. M.W. Skinner, G.J. Andrews, M.P. Cutchin (eds), London; New York: Routledge, 2018. *Sociology of Power*, 31 (1): 197-211.

Поступила в редакцию: 25.01.2019; принята в печать: 11.02.2019

Received: 25.01.2019; Accepted for publication: 11.02.2019

Женщины vs дети: возможна ли коалиция?

Рецензия на книгу: Rosen R., Twamley K. (2018) *Feminism and the Politics of Childhood: Friends or Foes?* London: UCL Press

doi: 10.22394/2074-0492-2019-1-212-219

Точка напряжения: между феминизмом и политикой детства

212

Коллективная монография «Феминизм и политика детства: друзья или враги?» под редакцией Рейчел Роузен и Кэтрин Твэмли — один из немногих трудов, посвященных попыткам наладить диалог между феминизмом и исследованиями детства. В основу монографии легли доклады, представленные на одноименном международном симпозиуме¹, который прошел в Университетском колледже Лондона в ноябре 2015 года.

Цель симпозиума — переосмыслить политические и интеллектуальные последствия концептуализации связи между феминизмом и детством [Twamley, Rosen 2016]. В издание вошли работы активисток и представительниц самых разных теоретических направлений — всего 18 статей, разделенных на три части: «Напряженная встреча: гендер и поколение», «Жизнь как работа» и «Политические проекты и организация движений». Чтобы оценить вклад авторов и редакторов монографии в переосмыслении связей между феминизмом и политикой детства, рассмотрим их подробнее.

Пашковская Людмила Викторовна — магистрант факультета социальных наук Московской высшей школы социальных и экономических наук. Научные интересы: исследования детства, социология психиатрии, социология повседневности. E-mail: liudmilapashkovskaya@gmail.com

Liudmila V. Pashkovskaya — MA student, Department of Social Sciences, Moscow School of Social and Economic Sciences. Research interests: childhood studies, sociology of psychiatry, sociology of everyday life. E-mail: liudmilapashkovskaya@gmail.com

- 1 Feminism and the politics of childhood: friends or foes? (<https://feminismand-childhood.wordpress.com/>)

низмом и исследованиями детства, необходимо понять, как между ними возникло напряжение.

Развитие феминистской теории тесно связано с подъемом женских правозащитных организаций; ее эпистемологические установки сформировались на почве феминистских движений и их политической повестки. Иными словами, становление феминистских движений и научных подходов к феминизму шло параллельно и взаимосвязано [Здравомыслова, Темкина 2015].

В свою очередь исследования детства и практика детских правозащитных организаций и движений связаны между собой слабо. Их представители и представительницы движутся в разных направлениях и решают не связанные друг с другом задачи [Twamley, Rosen 2016: 5]. Ученые редко вовлекаются в правозащитные практики, в то время как активисты сосредоточены на решении насущных проблем и не углубляются в теорию. Во многом это объясняется отсутствием «детских движений» как таковых. Интересы детей репрезентируются родителями, родственниками или опекунами, для которых участие в академических исследованиях не представляется значимым, а главная цель — получение благ «здесь и сейчас».

Слабая вовлеченность детских правозащитников в исследования затрудняет взаимодействие академической и публичной сфер и соответственно поиск решений существующих проблем. Одна из главных проблем связана с невозможностью выйти за рамки связок «женщины и дети» и «женщины против детей» [Rosen, Twamley, 2018: 1]. Обе связки отмечены двойственным — теоретическим и практическим — напряжением. Именно его и хотели снять участники симпозиума, стремясь наладить диалог между равными, не противопоставленными друг другу сторонами. Остановимся на расхождениях, препятствующих подобному диалогу.

Как утверждает Эрика Бурман, движения, чьей целью является защита детских прав, вступают в противоречие как с феминизмом, так и с антифеминизмом [Burgman 2008]. Феминизм предполагает отмирание традиционной модели семьи, в частности освобождение женщин от забот о быте и детях. Репрезентация интересов детей выводится за рамки материнских обязанностей, и в этом случае дети, в силу возраста исключенные из политического пространства, лишаются права голоса, который ранее транслировался через их матерей. Антифеминизм, напротив, способствует сохранению патриархальных установок, в соответствии с которыми неотъемлемой задачей женщин является забота о детях. В этой модели интересы женщин оказываются ущемлены в силу необходимости ухаживать за ребенком даже в ущерб собственным потребностям. Следовательно, деторождение и воспитание может позиционироваться как инструмент угнетения женщин [Фридан 1994].

Феминистские исследователи отмечают, что в изучении детства женщины неотъемлемо связаны с детьми и несут постоянную ответственность за соблюдение их прав. Обязанные обеспечивать своим детям безопасную и комфортную среду для жизни и взросления, матери подвергаются угнетению со стороны государства и общества, что в значительной степени влияет на их карьерные и образовательные перспективы и жизненную траекторию в целом.

Итак, чтобы наладить диалог между феминизмом и политикой детства, необходимо снять ряд противоречий. Совершить шаг в этом направлении, по мнению составительниц монографии, может помочь обмен знаниями и опытом. Роузен и Твэмли [Rosen, Twamley 2018: 4] ставят вопрос: «Чему исследования детства, а также движения, целью которых является улучшение положения детей, могут научиться у феминизма?». Возможный ответ способен подтолкнуть нас к преодолению стереотипных представлений об отношениях матери и ребенка.

Интерсекциональный анализ как инструмент примирения женщин и детей

214

Интерсекциональный анализ, активно развивающийся со второй половины 1980-х годов¹, предполагает изучение множественности взаимопересекающихся каузальных условий угнетения. Интерсекциональный анализ исходит из предпосылки, что механизмы угнетения выступают в совокупности, пересекаясь и укрепляя друг друга: нередко одна из форм угнетения обуславливает другую, подвергая отчуждению целые социальные группы. Интерсекциональная перспектива позволяет обнаружить множество параллелей между феминистскими исследованиями и исследованиями детства, иными словами, позволяет увидеть женщин и детей как угнетенную общность.

Одно из самых ярких исследований, представленных в монографии, посвящено несовершеннолетним дочерям секс-работниц. Деболина Датта и Ойстик Сиркарх показывают, что девочки подвергаются давлению из-за возраста, пола и неспособности защищать собственные права. С вступления в подростковый возраст их рассматривают в качестве потенциальных сексуальных объектов, которые должны «сменить» своих матерей.

1 Понятие интерсекциональности (теории пересечений) вводит в 1989 г. Кимберли Креншоу, исследовавшая одиноких темнокожих женщин с низкооплачиваемой работой. Термин и сам подход получили широкое распространение в гендерных исследованиях.

Другая работа, иллюстрирующая множественность угнетения, посвящена ранним бракам. Используя «оптику детских феминистских исследований» [Ibid.: 4], Вирджиния Капуто фокусируется на принуждении малолетних девочек к замужеству, указывая, что подобные пережитки традиционного уклада в развивающихся странах уживаются с тенденциями к европеизации¹.

Еще один пример общих проблем женщин и детей представлен в исследовании Тани Пейс-Кроссчайлд, посвященном разложению патриархальной семьи в бывших британских колониях. Автор фокусируется на изменении статуса матери и ребенка в индейском племени Сиксика, входящем в состав Конфедерации черноногих². Процесс «десакрализации» материнства и детства приводит к отмиранию традиции совместной заботы членов племени о детях и матерях. На их место приходит современная западная модель отношений, для которой характерно минимальное вмешательство родственников в воспитание ребенка родителями. Подобные изменения травмируют индейских женщин и детей.

Упомянутые исследования показывают, что участникам монографии удастся успешно применить интерсекциональный анализ, очевидно, лишь в тех случаях, когда угнетение осуществляется как по гендерным, так и по возрастным признакам. Однако большая часть работ в рецензируемом сборнике в эту перспективу не укладывается, поскольку она посвящена исключительно проблемам материнства, его влиянию на карьеру и быт. В результате создается впечатление, что составительницы забывают об основной из заявленных задач [р. 2] — нахождении точек пересечения между исследованиями детства и феминистскими исследованиями.

Акцент на вопросах, актуальных в первую очередь для феминизма, но не для исследований детства, создает целый ряд сложностей, которые Роузен и Твэмли словно бы намеренно игнорируют. Очевидно, что между участниками диалога, направленного на поиск решений общих проблем, не должно быть внутренних конфликтов [р. 10]. Однако ряд исследований, включенных в монографию, лучше подходит для разведения женщин и детей по разные стороны баррикад.

1 Исследование проводилось в ряде развивающихся стран Африки, Латинской Америки и Азии, объединенных термином «Глобальный юг».

2 В статье речь идет о племени Сиксика, которое представляет собой одно из четырех индийских племен, входящих в состав Конфедерации черноногих. Как правило, все члены конфедерации называют себя черноногими. Аборигенное население Сиксика преимущественно проживает в Южной Альберте, Канада.

В работе Сусаны Борда Карулла, посвященной общественным домам (community homes)¹, на первый план выходит ущемление интересов женщин, посвятивших себя заботе о чужих детях. При этом в общественных домах есть и помощники. Это, как правило, несовершеннолетние дети воспитательниц, которые вносят вклад в заботу о воспитанниках, сопоставимый с заслугами их матерей. Тем не менее автор обходит вниманием явное ущемление прав детей-помощников.

Аналогичная ситуация наблюдается в случае исследования Рэйчел Томпсон и Лизы Барайтер по проекту «Создание современных матерей» (Making Modern Mothers), проведенному в Великобритании в период с 2005 по 2013 г. Автор фокусируется на чувствах и переживаниях матерей, на изменении их представлений о материнстве. Дети включены в исследование лишь как неотъемлемая часть материнской повседневности; сложностям их взросления и динамике восприятия окружающего мира — в свете трансформаций материнских (само)ощущений — внимания не уделяется.

216 Как отмечает Присцилла Алдерсон [Alderson 2015], женщины и дети на протяжении веков определялись обществом как единое целое, о котором необходимо заботиться и чьи права необходимо защищать. Роузен и Твэмли деконструируют это единство, исключают детей из связки «мать и ребенок» и сосредотачивают внимание на проблемах женщин. В результате диалог блокируется, потребности женщин и детей вступают в конфликт, взаимодействие двух групп оказывается проблематичным в связи с отсутствием внимания к детским проблемам как таковым. Более того, авторы никак не решают следующую проблему: в борьбе за свои права женщины нередко забывают о детях, которые в силу возраста не имеют возможности повлиять на свою судьбу. Рассмотрим данный вопрос подробнее.

Исключение детей из общественных движений

«Само собой разумеющееся» исключение детей из политического пространства проблематично как для правозащитных движений, так и для академических исследований. Как отмечают Роберт ван Крейкен и Дорис Бахлер-Ньюдербергер [van Krieken, Bühler-Niederberger 2009: 1], «те, кто вынужден в будущем сосуществовать с результатами сегодняшних дебатов и аргументов, не имеют права голоса в публичных дискуссиях». Возникает неразрешимая

1 Общественные дома (community homes) — домашний аналог детского сада под руководством женщин, хозяек дома, выступающих одновременно в роли кухарок и воспитательниц на добровольной основе.

на практике проблема, связанная с необходимостью наделить детей правом голоса. Роузен и Твэмли [р. 6] признают, что в монографии данный вопрос так и не получил должного разрешения. Хотя в рамках исследований дети могут выступать в качестве собеседников, их интересы представлены взрослыми. Аналогичная ситуация характерна и для современных детских общественных движений: как правило, сами дети не принимают в них участия, или же их участие несет формальный характер [р. 40].

В определенной степени разрешению проблемы вовлеченности представителей и представительниц феминистского движения в детские проблемы способствует интерсекциональный анализ. Когда дети рассматриваются как угнетаемая группа не только на основании возраста, но и в соответствии с полом и расой, в их защиту включаются не только детские правозащитники, но и феминистки, а также борцы против расовой дискриминации. Однако такой подход несет в себе некоторую опасность как для исследований детства, так и для детских движений. Проблемы детей могут нивелироваться на фоне (казалось бы) более глобальных расовых и гендерных трудностей, что и происходит в представленной монографии.

Примером работы, иллюстрирующим нивелирование детских проблем, служит статья Мэрин Эдвардс об организации Grassroots Women¹, в которой состоят женщины из рабочего класса. Ее участницы стремятся вовлечь детей в общественную деятельность так как матери, состоящие в организации, не имеют возможности оставить своих детей дома без присмотра. Хотя дети членов Grassroots Women участвуют как в политических акциях, так и в творческой деятельности, движение ставит своей приоритетной задачей защиту прав женщин, но не детей, при этом используя детский труд для подготовки плакатов и рисунков. Детские интересы и желания не учитываются, а свободное время, которое дети могли посвятить самообразованию и играм, занято сопровождением матерей в их публичной борьбе

Неравенство между женскими и детскими интересами не ограничивается безразличием к последним со стороны исследователей, одной из целей которых являлось достижение социальной и экономической справедливости для женщин и детей [р. 2]. Нередко дети испытывают угнетение со стороны собственных матерей. Яркий пример приводится в исследовании Елены Фиддиан-Касме, которая изучала жизнь девочек в лагере беженцев сахарави². Как правило,

217

1 Grassroots Women — антиимпериалистская феминистская организация в Восточном Ванкувере, Канада, основанная Женским филиппинским центром в начале 1990-х годов.

2 Сахарави — кочевые берберы, обитающие на западе пустыни Сахары.

жители подобных лагерей испытывают давление, связанное с этническими и расовыми особенностями кочевого арабского народа, а также страдают от гендерных стереотипов в связи со спецификой племенных традиций, в которых женщины нередко занимают положение ниже мужчин. Однако лагеря беженцев сахарави представляют собой исключение — в них царит матриархат.

Женщины фактически взяли на себя ответственность за управление жизнью в лагере: в частности, они инициировали организацию образовательного процесса для детей, включая предоставление права на зарубежное образование в близлежащих странах. При этом то, как живут в лагерях беженцев девочки, не соответствует тому влиянию, которое есть у женщин. Фактически девочки не имеют площадок для совместного времяпрепровождения, а образование и развлечения доступны далеко не всем детям женского пола. Более того, девочки несут на себе ответственность за младших братьев и сестер, помогают матерям по дому и в ряде случаев вынуждены покинуть школы для того, чтобы заняться ведением домашнего хозяйства.

218

Данный пример иллюстрирует, как, несмотря на установление матриархата в лагерях беженцев, права девочек ущемляются на каждом этапе их взросления, в то время как дети мужского пола обладают целым рядом привилегий (мальчики не ограничены в передвижениях по лагерю, имеют свободный доступ к школьному обучению, а также получают право выезжать на зарубежные стажировки). Беженцы сахарави, казалось бы, объединенные исходящим извне угнетением, разрешают внутренние противоречия между мужчинами и женщинами, однако подвергают притеснению членов своей же группы. Маргинализация девочек ставит их ниже не только по отношению к взрослым жителям лагеря, но и по отношению к мальчикам.

Решает ли данная коллективная монография поставленные перед ней задачи? На этот вопрос сложно дать однозначный ответ. Одна из главных целей авторов — создание площадки для взаимодействия феминистских исследований и исследований детства — реализована лишь отчасти. В рамках Лондонского симпозиума, а в дальнейшем и в книге, встретились представители и представительницы обоих направлений, однако их диалог нельзя назвать гладким. Следует учесть, что исследования на пересечении феминизма и теории детства — относительно новое направление, поэтому разрешение всех затронутых проблем пока не представляется возможным.

Хотя Роузен и Твэмли не смогли предотвратить смещение акцента на вопросы угнетения женщин, нельзя не признать, что организованная ими встреча заложила основу для дальнейших работ на стыке феминизма и исследований детства. Составительницы монографии также задали определенную планку для будущих работ, обозначив магистральные проблемы в этой области.

Библиография / References

Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. (2015) *12 лекций о гендерной социологии*, СПб: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

— Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. (2015) *12 lectures on gender sociology*, St. Petersburg: European University Press in St. Petersburg. — in Russ.

Фридан Б. (1994). Загадка женственности, М.: Изд. группа «Прогресс» «Литера»

— Friedan B. (1994). *The mystery of femininity*, М.: Group «Progress» «Litera». — in Russ.

Alderson P. (2015) *Women and children first?* (https://www.researchgate.net/publication/303785539_'Women_and_children_first')

Bühler-Niederberger D., Van Krieken R. (2009) *Rethinking the sociology of childhood: conflict, competition and cooperation between children and adults in contemporary social life*. (https://www.researchgate.net/publication/258500124_Rethinking_the_sociology_of_childhood_conflict_competition_and_cooperation_between_children_and_adults_in_contemporary_social_life)

Burman E. (2008). Beyond Women vs Children or Women and Children: Engendering Childhood and Reformulating Motherhood. *The International Journal of Children's Rights*, 16 (2): 177-194.

Mayall B., Rosen R., Twamley K. (2017) The (im)possibilities of dialogue across feminism and childhood scholarship and activism. *Children's Geographies*, 15 (2): 249-255.

Morrow V. (2011) *Understanding children and childhood*, Centre for Children and Young People. *Background Briefing Series*, Lismore: Centre for Children and Young People, Southern Cross University.

219

Рекомендация для цитирования:

Пашковская Л.В. (2019) Женщины vs дети: возможна ли коалиция? Рецензия на книгу: Rosen R., Twamley K. (2018) *Feminism and the Politics of Childhood: Friends or Foes?* London: UCL Press. *Социология власти*, 31 (1): 212-219.

For citations:

Pashkovskaya L.V. (2019) Women vs Children: Is a Coalition Possible? Book Review: Rosen R., Twamley K. (2018) *Feminism and the Politics of Childhood: Friends or Foes?* London: UCL Press. *Sociology of Power*, 31 (1): 212-219.

Поступила в редакцию: 10.03.2019; принята в печать: 15.03.2019

Received: 10.03.2019; Accepted for publication: 15.03.2019

Авторы

Светлана Михайловна Бардина — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Международного центра современной социологической теории МВШСЭН, старший научный сотрудник Центра социологических исследований РАНХиГС. Научные интересы: социология психиатрии, философия психиатрии, философия обыденного языка. E-mail: neology@bk.ru

Владимир Леонидович Близнеков — PhD, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте России, Москва. Научные интересы: философия религии, социология религии, международное право. E-mail: vbiznekov@gmail.com

Ирина Васильевна Дуденкова — кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической социологии и эпистемологии факультета Liberal arts Института общественных наук РАНХиГС. Научные интересы: философская антропология, субъект, агентность, детство. E-mail: irinafild@gmail.com

Андрей Витальевич Коротаев — доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник международной лаборатории демографии и человеческого капитала РАНХиГС и Института востоковедения РАН. Научные интересы: политическая демография, математическое моделирование социальных макропроцессов, количественные кросс-культурные исследования, социокультурная антропология, социальная эволюция, историческая антропология, историческая социология, Ближний Восток, Йемен. E-mail: akorotayev@gmail.com

Шерил Лаз — профессор социологического факультета Университета Южного Мэна, Портленд, США.

Алия Наилевна Низамова — младший исследователь программы «Гендерные исследования», Европейский университет в Санкт-Петербурге. Научные интересы: критическая геронтология, феминистская и квир-теория, гендерные исследования. E-mail: anizamova@eu.spb.ru

Кирилл Евгеньевич Новиков — кандидат философских наук, доцент, руководитель майнора «Политическая теория и мировая политика» бакалавриата Liberal Arts ИОН РАНХиГС, старший научный сотрудник Инсти-

тута социологии РАН. Научные интересы: политология, политическая философия, историческая социология. E-mail: kenovikov@yandex.ru

Людмила Викторовна Пашковская — магистрант факультета социальных наук Московской высшей школы социальных и экономических наук. Научные интересы: исследования детства, социология психиатрии, социология повседневности. E-mail: liudmilapashkovskaya@gmail.com

Антон Александрович Смолькин — кандидат социологических наук, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин ИОН РАНХиГС, научный сотрудник МВШСЭН. Научные интересы: социология старения, микросоциология. E-mail: anton.smolkin@gmail.com

Михаил Михайлович Соколов — профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, кандидат социологических наук. Научные интересы: микросоциология, социальная стратификация, теория организаций, социология академического мира. E-mail: msokolov@eu.spb.ru

Ирина Викторовна Стародубровская — кандидат экономических наук, руководитель направления «Политическая экономия и региональное развитие» Фонда «Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара». Научные интересы: социальные трансформации, урбанизации, социологии города, социология религии, радикальные исламские течения. E-mail: irinavstar@gmail.com

221

Ирина Владимировна Троцук — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Александр Валерьевич Храмов — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Палеонтологического института РАН, соискатель кафедры богословия и литургики Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Научные интересы: история эволюционной мысли, взаимоотношения науки и религии, теория национализма, постколониальные исследования, исследования детства. E-mail: a-hramov@yandex.ru

Сергей Георгиевич Шульгин — зам. заведующего по науке международной лабораторией демографии и человеческого капитала РАНХиГС. Научные интересы: количественный анализ и моделирование социально-экономических процессов, демографические исследования. E-mail: sergey@shulgin.ru

Authors

Svetlana M. Bardina — PhD (Candidate of Science in Philosophy), senior research fellow of the International Center for Contemporary Social Theory, MSSS, senior research fellow of the Center for Sociological Research, RANEPA. Research interests: sociology of psychiatry, philosophy of psychiatry, ordinary language philosophy. E-mail: neology@bk.ru

Vladimir L. Bliznekov — PhD in Philosophy, associate professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow. Research interests: philosophy of religion, sociology of religion, international law. E-mail: vbliznekov@gmail.com

Irina V. Dudenkova — Associate Professor (Docent), Faculty of Liberal Arts, Institute of Social Sciences of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow. Research interests: philosophical anthropology, subject, agency, childhood. Email: irina-fild@gmail.com

222

Alexander V. Khramov — PhD in biology, postdoctoral researcher at the Paleontological Institute of the Russian Academy of Sciences, PhD student at the SS Cyril and Methodius School of Post-Graduate and Doctoral Studies. Research interests: history of evolutionary biology, the relationship between science and religion, nationalism studies, postcolonial studies, childhood studies. E-mail: a-hramov@yandex.ru

Andrey B. Korotayev — Doctor of Sciences (History), Ph.D., Professor, Head of the Laboratory of Monitoring of the Sociopolitical Destabilization Risks at the National Research University Higher School of Economics (HSE); Senior Research Professor at the International Laboratory for Demography and Human Capital at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) and Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Research interests: Political Demography, Political Anthropology and Sociology, Mathematical Models of Social Evolution and Dynamics, the World System, Big History, Scientific Theory of Cultural Evolution, World-Wide Cross-Cultural Data Bases, Quantitative Cross-Cultural and Cross-National Research, Historical Sociology, Middle East, Yemen. E-mail: akorotayev@gmail.com

Cheryl Laz — Professor, Department of Sociology, University of Southern Maine, Portland, Maine, USA.

Aliia N. Nizamova — Junior Research Fellow of the Gender Studies Program at European University at Saint Petersburg. Research interests: critical gerontology, feminist and queer theory, gender studies. E-mail: anizamova@eu.spb.ru

Kirill E. Novikov — PhD, assistant professor, Head of the minor “Political Theory and World Policy” of the Liberal Arts baccalaureate of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, senior research fellow of the Institute of Sociology. Research interests: Political Science, Political Philosophy, Historical Sociology. E-mail: kenovikov@yandex.ru

Liudmila V. Pashkovskaya — MA student, Department of Social Sciences, Moscow School of Social and Economic Sciences. Research interests: childhood studies, sociology of psychiatry, sociology of everyday life. E-mail: liudmilapashkovskaya@gmail.com

Sergey G. Shulgin — Vice-Director of the International Laboratory for Demography and Human Capital at RANEP. Research interests: quantitative analysis and modeling of social process, demographic research. E-mail: sergey@shulgin.ru

223

Anton A. Smol'kin — chair of department of humanity, faculty of Liberal Arts, RANEP. Research interests: sociology of old age, microsociology. E-mail: anton.smolkin@gmail.com

Mikhail M. Sokolov — professor, European University at Saint Petersburg. Research interests: microsociology, social stratification, organizations theory, sociology of the academic world. E-mail: msokolov@eu.spb.ru

Irina V. Starodubrovskaya — Candidate of Sciences (Economics), Head of the Department of Political Economy and Regional Development of the Gaidar Institute for Economic Policy. Research interests: social transformation, urbanization, urban sociology, sociology of religion, radical Islam. E-mail: irinavstar@gmail.com

Irina V. Trotsuk — Dsc (Sociology), Professor, Sociology Chair, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

СОЦИОЛОГИЯ ВЛАСТИ

Том 31. № 1 (2019)

«СОЦИОЛОГИЯ ВОЗРАСТА»

Учредитель

Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

ISSN 2074-0492

e-ISSN 2413-144X

119571, г. Москва, просп. Вернадского, д. 82

Редакция журнала «Социология власти»

<http://socofofpower.ranepa.ru/>

E-mail: soc.of.power@gmail.com

Подписано в печать 29.03.2019

Формат 70×100/16

Тираж 500 экз.

2-й завод (101-200 экз.)

Отпечатано в типографии РАНХиГС

119571, Москва, пр-т Вернадского, 82-84

Коммерческий отдел: тел. (495) 433-25-10, (495) 433-25-02